

**Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh National Pedagogical University**

ХАБАРШЫ ВЕСТНИК BULLETIN

**«Әлеуметтану және саяси ғылымдар»сериясы
Серия «Социологические и политические науки»
Series of «Sociological and Political sciences»
№3 (87)**

Алматы, 2024

КеАҚ Абай атындағы
Қазақ ұлттық педагогикалық
университеті

ХАБАРШЫ

«Әлеуметтану және саяси ғылымдар»
сериясы, 3 (87), 2024

2001 ж. бастап шығады.

Шығару жиілігі – жылына 4 нөмір

Бас редактор:

ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, филос.ғ.д., проф.

Р.Б. ӘБСАТТАРОВ

PhD, **Ж.Ж. Қуанышбаева**

(жауапты хатшы)

г.ғ.м. **Қ.А. Кантаева**

(тех.хатшы)

Редакция алкасы:

ҚР ҰҒА академигі, а.ғ.д., проф.

С.Т. Сейдуманов

ҚР ҰҒА академигі, а.ғ.д., проф.

З.К. Шаукенова

с.ғ.д., проф., **Е.К. Алияров**

с.ғ.д., проф., **Г.О. Насимова**

а.ғ.д., проф. **Г.С. Абдирайымова**

с.ғ.д., проф., **Ж.Қ. Симтиков**

PhD (саяс.), проф. **Лим Че Ван**

(Оңтүстік Корея)

а.ғ.д., проф. **Н.П. Нарбут** (Ресей)

ф.ғ.д., проф. **И.А. Рау** (Германия)

с.ғ.д., проф. **С.В. Решетников**

(Белоруссия)

PhD (соц.), проф. **Лоранс Тен** (Франция)

ф.ғ.д., проф. **Е.А. Харьковщенко**

(Украина)

с.ғ.д., проф. **Н.П. Медведев** (Ресей)

с.ғ.д., проф. **Б.М. Торогелдиева**

(Қырғызстан)

с.ғ.д., асс. проф. **А.Қ. Құрманғали**

с.ғ.д., доцент **А.Ж. Мұқажанова**

PhD (соц.), **Ж.К. Каримова**

© Абай атындағы

Қазақ ұлттық педагогикалық
университеті КеАҚ, 2024

ҚР мәдениет және ақпарат
министрлігінде 2021 жылы наурыздың
19-де қайта тіркелген
№КЗ89VPY00033638

Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 12,75 е.б.т.

Тапсырыс 319.

050010, Алматы қаласы,

Достық даңғылы, 13.

Абай атындағы Қазақ ұлттық
педагогикалық университеті КеАҚ

«Ұлағат» баспасы

М А З М Ұ Н Ы
С О Д Е Р Ж А Н И Е
C O N T E N T

ӘЛЕУМЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ
TOPICAL ISSUES OF SOCIOLOGY

Касенова С.А., Оналбаева Л.Б. Социальные
аспекты жизни в южной Корее в условиях влияния
интернета и цифровизации 5

Касенова С.А., Оналбаева Л.Б. Интернет және
цифрландыру жағдайындағы оңтүстік Корея
өмірінің әлеуметтік аспектілері

Kassenova S.A., Onalbaeva L.B. Social aspects of
life in South Korea under the influence of the internet
and digitalization

Tanatarova M. Conscious consumption as a new form
of social activity 23

Танатарова М.К. Саналы тұтыну әлеуметтік
белсенділіктің жаңа формасы ретінде

Танатарова М.К. Осознанное потребление как
новая форма социальной активности

САЯСИ ҒЫЛЫМДАР ПРОБЛЕМАЛАРЫ
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

Kurmangali A., Gabdykhair M. Contemporary
globalization processes in the context of the
demographic dimension 36

Құрманғали А.Қ., Габдылхаир М.
Демографиялық өлшем жағдайындағы заманауи
жаһандану процестері

Курманғали А.Қ., Габдылхаир М. Современные
процессы глобализации в контексте
демографического измерения

Жакупова М.Н., Отепова Д.Д. Политическая
культура южнокорейской молодежи 47

Жакупова М.Н., Отепова Д.Д. Оңтүстік Корея
жастарының саяси мәдениеті

Zhakupova M., Oteпова D. The political culture of
South Korean youth

НАО Казахский национальный
педагогический
университет имени Абая

ВЕСТНИК

Серия «Социологические и
политические науки»
№3 (87), 2024

Выходит с 2001 года.

Периодичность – 4 номера в год

Главный редактор:

член-корр. НАН РК, д.филос.н., проф.

Р.Б. АБСАТТАРОВ

PhD, **Ж.Ж. Куанышбаева**

(ответ. секретарь)

м.г.н. **К.А.Кантаева**

(тех. секретарь)

Редакционная коллегия:

Академик НАН РК, д.с.н., проф.

С.Т. Сейдуманов

Академик НАН РК, д.с.н., проф.

З.К. Шаукенова

д.п.н., проф., **Е.К. Алияров**

д.п.н., проф. **Г.О. Насимова**

д.с.н., проф., **Г.С. Абдирайымова**

д.п.н., проф., **Ж.К. Сымтиков**

PhD (полит.), проф., **Лим Че Ван**

(Южная Корея)

д.с.н., проф., **Н.П. Нарбут** (Россия)

д.ф.н., проф., **И.А. Рау** (Германия)

д.п.н., проф., **С.В. Решетников**

(Белоруссия),

PhD (соц.), проф., **Лоранс Тен** (Франция),

д.ф.н., проф., **Е.А. Харьковщенко**

(Украина)

д.п.н., проф., **Н.П. Медведев** (Россия)

д.п.н., проф., **Б.М. Торогелдиева**

(Кыргызстан)

д.п.н., асс. проф., **А.К. Курмангали**

д.п.н., доцент, **А.Ж. Мукажанова**

PhD (соц.), **Ж.К. Каримова**

© НАО Казахский национальный
педагогический университет
имени Абая, 2024

Зарегистрировано

в Министерстве культуры и информации РК

переучет 19 марта 2021 г.

№KZ89VPY00033638

Формат 60x84 1/8. Объем 12,75 уч.-изд.л.

Заказ 319.

050010, г. Алматы,

пр. Достык, 13

Издательство «Ұлағат»

НАО Казахского национального

педагогического

университета имени Абая

ШЕТЕЛ ҒАЛЫМДАРЫНЫҢ МІНБЕСІ
ТРИБУНА ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ
TRIBUNE OF FOREIGN SCIENTISTS

Абхари А. Королевство Египет как начальная
стадия формирования государственности 60

Абхари А. Египет корольдігі мемлекеттіліктің
қалыптасуының бастапқы кезеңі ретінде

Abkhari A. The Kingdom of Egypt as the initial stage
of statehood formation

Рау Й.А. Имяславие и софиология в России:
социологический анализ религиозных движений 75

Рау Й.А. Ресейдегі имяславия және софиология:
діни қозғалыстарға әлеуметтік талдау

Ray I. Name-worshipping and sophiology in Russia: a
sociological analysis of religious movements

Авторлар туралы мәлімет..... 86

Сведения об авторах

Information about the authors

**NJS Abai Kazakh National
Pedagogical University**

BULLETIN
Series of
«Sociological and Political sciences»
№3 (87), 2024

Periodicity – 4 numbers in a year
Publishing from 2001

Editor-in-Chief:
*member-correspondent of NSA of RK,
doctor of philosophical science, professor*
R.B. ABSATTAROV

PhD Zh.Kuanyshbayeva
(executive Secretary)
master **K.A. Kantayeva** (technical secretary)

EDITORIAL BOARD:
*academician of NSA of RK, doctor of sociological
science, professor*
S.T. Seidumanov
*academician of NSA of RK, doctor of sociological
science, professor*
Z.K. Shaukenova
doctor of political science, professor
Y.K. Aliyarov
doctor of political science, professor
G.O. Nasimova
doctor of sociological science, professor
G.S. Abdirayimova
doctor of political science, professor
Zh.K.Simtikov
doctor of political science, professor
Lim ChaeWan(South Korea)
doctor of sociological science, professor
N.P. Narbut (Russia)
doctor of philosophical science, professor
I.A. Rau (Germany)
doctor of political science, professor
S.V. Reshetnikov (Belarus)
doctor of sociological science, professor
Lourans Ten (France)
doctor of philosophical science, professor
Ye.A. Kharkovshchenko (Ukraine)
doctor of political science, professor
N.P. Medvedev(Russia)
doctor of political science, professor
B.M. Toregaldieva (Kyrgyzstan)
doctor of political science, associate professor
A.Kurmangali
doctor of political science, associate professor
A.Zh. Mukazhanova
PhD (soc) Zh.K. Karimova

© NJS Abai Kazakh National Pedagogical
University, 2024

The journal is registered by the
Ministry of Culture and Information RK
19 March 2021. №KZ89VPY00033638

Format 60x84 1/8.
Volume 12,75 – ubl.literature. . Order 319.

050010, Almaty, Dostyk ave., 13.
Publishing house «Ulagat»
NJS Abai Kazakh National Pedagogical
University

**ӘЛЕУМЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ
TOPICAL ISSUES OF SOCIOLOGY**

МРНТИ: 04.75.29

DOI: 10.51889/2959-6270.2024.87.3.007

С.А. Касенова¹, Л.Б. Оналбаева²*

¹ *Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, г. Алматы, Республика Казахстан*

² *Центр перинатологии и детской кардиохирургии, г. Алматы, Республика Казахстан*
e-mail: onalbaevalb@gmail.com

**СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ В УСЛОВИЯХ
ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТА И ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Аннотация

В статье рассматриваются социальные аспекты жизни в Южной Корее в условиях влияния Интернета и развития цифровых технологий, которые ещё недостаточно изучены в научной литературе. В статье на конкретных материалах рассматриваются социологические аспекты проблемы: цифровая трансформация в социальной сфере Южной Кореи и влияние социальных сетей на образ жизни деятельности общества; негативные последствия социальных сетей, цифровизации жизни и государственная политика в сфере кибербезопасности.

Социологическое исследование опыта Южной Кореи позволит выявить ключевые факторы, способствующие их технологическому прогрессу. На сегодняшний день Южная Корея считается одной из развитых стран в сфере Интернета и цифровых технологий.

Влияние социальных сетей и цифровизации на общество Южной Кореи выражается в улучшении коммуникации, экономическом росте, доступе к образованию и информации, распространение культуры и активизации гражданского участия. Социологическое исследование показывает, что с момента увеличения пользователей в Интернет-пространстве увеличилось и количество мошенников, фишинга и хакерских атак в сети.

Учитывая опасность преступников в цифровом пространстве, южнокорейское правительство создаёт условия для безопасности Интернета. Созданы специализированные центры для мониторинга и реагирования на кибератаки и т.д. Следует отметить, что опыт Южной Кореи в области цифровизации и кибербезопасности представляет собой ценный пример для Казахстана. В статье уделено внимание и дискуссионным вопросам.

Ключевые слова: Интернет, цифровизация, социальные сети, цифровая инфраструктура, социальная активность, общество, коммуникация.

С.А. Касенова¹, Л.Б. Оналбаева²

¹ *Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы*

² *Перинатология және балалар кардиохирургия орталығы, Алматы қ., Қазақстан Республикасы*

ИНТЕРНЕТ ЖӘНЕ ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ОҢТҮСТІК КОРЕЯ ӨМІРІНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК АСПЕКТІЛЕРІ

Аңдатпа

Мақалада Оңтүстік Кореядағы өмірдің әлеуметтік аспектілері ғылыми әдебиеттерде әлі жеткілікті зерттелмеген ғаламтор ықпалындағы және цифрлық технологиялардың дамуы жағдайында қарастырылады. Мақалада нақты материалдар негізінде мәселенің Оңтүстік Кореяның әлеуметтік саласындағы цифрлық трансформация және әлеуметтік желілердің қоғам қызметінің өмір салтына әсері; әлеуметтік желілердің теріс салдары, өмірді цифрландыру және киберқауіпсіздік саласындағы мемлекеттік саясат сияқты әлеуметтанулық аспектілері қарастырылады.

Оңтүстік Кореяның тәжірибесін әлеуметтанулық зерттеу олардың технологиялық дамуына ықпал ететін негізгі факторларды анықтайды. Бүгінгі таңда Оңтүстік Корея Интернет және цифрлық технологиялар саласындағы дамыған елдердің бірі болып саналады.

Әлеуметтік желілер мен цифрландырудың Оңтүстік Корея қоғамына әсері коммуникацияның жақсаруынан, экономикалық өсуден, білім мен ақпаратқа қол жетімділіктен, мәдениеттің таралуынан және азаматтық қатысудың жандануынан көрінеді. Әлеуметтанулық зерттеу интернет кеңістігінде пайдаланушылар көбейген сәттен бастап желідегі алаяқтар, фишинг және хакерлік шабуылдар саны да артқанын көрсетеді.

Цифрлық кеңістіктегі қылмыскерлердің қаупін ескере отырып, Оңтүстік Корея үкіметі интернет қауіпсіздігіне жағдай жасайды. Оңтүстік Кореяның цифрландыру және киберқауіпсіздік саласындағы тәжірибесі Қазақстан үшін құнды үлгі болып табылатынын атап өткен жөн. Мақалада талқылау мәселелеріне де назар аударылады.

Түйін сөздер: Интернет, цифрландыру, технология, әлеуметтік желілер, цифрлық инфрақұрылым, әлеуметтік белсенділік, қоғам, коммуникация, ықпал, қылмыс.

S. Kassenova¹, L. Onalbayeva²

¹ Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

² Perinatology and Pediatric Cardiac Surgery Center, Almaty, Kazakhstan

SOCIAL ASPECTS OF LIFE IN SOUTH KOREA UNDER THE INFLUENCE OF THE INTERNET AND DIGITALIZATION

Abstract

The article examines the social aspects of life in South Korea under the influence of the Internet and the development of digital technologies, which have not yet been sufficiently studied in the scientific literature. The article examines the sociological aspects of the problem based on specific materials: digital transformation in the social sphere of South Korea and the impact of social networks on the lifestyle of society; the negative consequences of social networks, digitalization of life and government policy in the field of cybersecurity.

A sociological study of the South Korean experience will reveal the key factors contributing to their technological progress. Today, South Korea is considered one of the most developed countries in the field of Internet and digital technologies.

The impact of social media and digitalization on South Korean society is reflected in improved communication, economic growth, access to education and information, cultural dissemination and increased civic participation. A sociological study shows that since the increase in users in the Internet space, the number of scams, phishing and hacker attacks on the network has also increased.

Given the danger of criminals in the digital space, the South Korean government is creating conditions for Internet security. Specialized centers have been set up to monitor and respond to

cyber attacks, etc. It should be noted that South Korea's experience in the field of digitalization and cybersecurity is a valuable example for Kazakhstan. The article also focuses on controversial issues.

Keywords: Internet, digitalization, technologies, social networks, digital infrastructure, social activity, society, communication, influence, crime.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Цифровая трансформация Южной Кореи оказывает значительное влияние на социальные аспекты жизни, включая образование, здравоохранение и гражданскую активность. Развитие высокоскоростного Интернета и интеграция цифровых технологий привели к существенному улучшению качества жизни и экономического роста.

Влияние социальных сетей проявляется в росте гражданской активности и распространении культурных ценностей, однако сопровождается социальными рисками, такими как кибербуллинг и цифровая зависимость. Эти риски требуют активного государственного вмешательства и разработки мер кибербезопасности.

Государственная политика Южной Кореи, направленная на развитие ИТ-инфраструктуры и обеспечение безопасности данных, способствует созданию благоприятной и защищенной цифровой среды. Эти меры могут служить образцом для других стран, включая Казахстан, в процессе развития цифровых технологий и инфраструктуры.

Негативные последствия цифровизации, такие как рост киберпреступности и социальная изоляция, подчеркивают необходимость разработки комплексных мер по повышению цифровой грамотности и обеспечения защиты персональных данных.

В заключении подводятся итоги проведенного социологического исследования и предлагаются практические рекомендации дальнейшего исследования вышеуказанных проблем и использования опыта Южной Кореи в области цифровизации и кибербезопасности в Казахстане. Таким образом, статья призвана внести свой вклад в исследовании влияние Интернета и цифровых технологий на социальную жизнь корейского населения.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире информационные технологии играют ключевую роль в формировании общественной и социально-экономической среды, оказывая существенное воздействие на различные аспекты жизни граждан и динамику развития стран. В связи с этим, изучение опыта государств, успешно реализующих инновационные подходы в области технологий, приобретает особую актуальность. Южная Корея, являясь одной из ведущих стран в области информационных технологий, предоставляет уникальную модель для социологического анализа и последующей адаптации опыта, который имеет влияние на социальную жизнь современного общества.

Южная Корея – не только лидер в области высокоскоростного Интернета, но и успешно интегрирует цифровые технологии в социальную сферу жизни – от бизнеса и образования до бытовой деятельности. Исследование опыта Южной Кореи позволит выявить ключевые факторы, способствующие их технологическому прогрессу. Благодаря своему настойчивому подходу к развитию информационных технологий, Южная Корея добилась впечатляющих результатов. Основой успеха страны стали разносторонние стратегии, направленные на улучшение Интернет-инфраструктуры, поощрение инноваций и поддержку молодых компаний в сфере ИТ. Государство активно участвует в создании благоприятной среды для развития технологических инноваций. Один из основных секретов успеха Южной Кореи – это мощная и широко распространенная сеть высокоскоростного Интернета. Благодаря этому свободному доступу к сети, корейские граждане могут пользоваться быстрым и надежным Интернетом, тем самым способствуют развитию в обществе цифровой деятельности.

Республика Казахстан, стремящаяся к модернизации, может извлечь выгоду из успешных практик Южной Кореи. Адаптация опыта Южной Кореи к казахстанским условиям может

способствовать созданию эффективной цифровой инфраструктуры, развитию инновационных технологических предприятий и улучшению качества жизни народа в государстве.

Интернет и цифровые технологии оказывают значительное влияние на культурные и социальные аспекты общества. Социологическое исследование опыта Южной Кореи позволит лучше понять влияние цифровых технологий на формирование образа жизни, образование и культурные традиции, что важно для разработки устойчивых стратегий развития в контексте казахстанской культурной среды.

Также изучение государственной политики Южной Кореи в сфере информационных технологий позволит выявить ключевые элементы успешной стратегии, включая меры поддержки инноваций, законодательные инициативы и внедрение цифровых технологий в различные области общества.

В условиях глобализации и растущей конкуренции на мировом рынке Казахстану важно активно внедрять передовые технологии для повышения своей конкурентоспособности. Опыт Южной Кореи может послужить основой для разработки стратегий интеграции в мировое информационное пространство.

Следует подчеркнуть, что социальные аспекты жизни в Южной Корее в условиях влияния Интернета и развития цифровых технологий ещё не изучены в социологической науке. Исследование сосредоточится на ключевых социальных аспектах жизни в Южной Корее под влиянием Интернета и развития цифровых технологий.

Целью статьи является системный анализ социальных аспектов жизни в Южной Корее в условиях влияния Интернета и развития цифровых технологий. Исходя из целей исследования, нами намечены следующие задачи: изучить вопросы цифровой трансформации в социальной сфере Южной Кореи и влияние социальных сетей на образ жизнедеятельности общества; исследовать негативные последствия социальных сетей, цифровизацию жизни и государственную политику в сфере кибербезопасности.

Степень изученности: на данный момент люди во всем мире все больше и больше зависят от Интернет-технологий в рабочей среде, а также в повседневной рутине. Поэтому за последние несколько лет скачок в сфере цифрового развития привлекает внимание ученых-исследователей. В работе южнокорейского ученого Дж. Кима в статье «Цифровая трансформация корейской промышленности сегодня и последствия для политики» поднимается тема ускоренного темпа цифровой трансформации в различных секторах корейского общества, которая оказывает глубокое влияние на общую структуру корейской промышленности и корейскую экономику, в том числе на рост бесконтактной и домашней экономики, рост цифровых услуг. По данной работе автора мы можем узнать, что во всем мире разработаны особые меры, способствующие цифровой трансформации, а крупные компании во всем мире возглавляют цифровые преобразования в глобальных отраслях для улучшения положения цифровых технологий. Тем самым показывают нам стремительное усиление связи между социумом и Интернет-технологиями.

Также влияние цифровых технологий на жизнедеятельность современного человека упоминается в статьях таких авторов, как Д. Ларсон «Цифровое развитие в Корее: построение информационного общества», в статье Н.Е. Хамитовой и А.Е. Беяловой «Южнокорейские национальные подходы к управлению информационными данными». В рамках данной статьи мы в большей степени опирались на статью И.А. Быкова, Д.А. Мажорова и П.А. Слуцкого «Интернет-технологии в связях с общественностью» и статью А.С. Губановой «Интернет-технологии как продолжение человеческого тела».

Гипотезы исследования направлены на изучение взаимосвязи между цифровизацией и её влиянием на социально-экономические аспекты общества. Основная гипотеза заключается в том, что цифровизация в Южной Корее оказывает комплексное влияние на качество жизни, включая доступ к образованию, здравоохранению, государственным услугам, а также создаёт

вызовы в виде цифрового неравенства, киберугроз и социальных рисков. 1) Развитие высокоскоростного интернета и мобильных технологий в Южной Корее способствует активизации гражданского участия, улучшению доступа к информации и экономическому росту. 2) Использование социальных сетей имеет двоякий эффект: с одной стороны, оно улучшает коммуникацию и культурное взаимодействие, с другой – способствует развитию кибербуллинга, цифровой зависимости и социальной изоляции. 3) Государственная политика Южной Кореи в области кибербезопасности и цифровой трансформации инфраструктуры может быть адаптирована к другим странам, включая Казахстан, для ускорения цифровизации и повышения её эффективности. 4) Внедрение цифровых технологий в здравоохранение и образование улучшает качество и доступность этих услуг, но требует значительных финансовых вложений и инновационных подходов.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологической основой исследования послужили фундаментальные положения социологии, философии, психологии, истории, достижения мировой научной мысли по проблемам социальной жизни, Интернета, цифровых технологий.

В статье использованы научные методы, позволяющие глубоко и полно раскрыть изучаемую проблему. При исследовании были использованы такие методы, как исторический метод, системный анализ, сравнительный метод, социологический метод, метод комплексной оценки и другие. В статье использованы опубликованные социологические, философские, исторические, психологические, педагогические, культурологические, экономические труды, а также материалы периодической печати. В результате изучаемые авторами вопросы имеют новые подходы, оценки, переосмысление, что позволило сделать конкретные выводы и дать практические рекомендации.

Теоретическая значимость данной статьи заключается в том, что результаты социологического исследования могут послужить базой к комплексному пониманию положительных, а также отрицательных черт в цифровизации современной жизнедеятельности.

Методология исследования базируется на применении междисциплинарного подхода, включающего использование исторического, сравнительного, социологического методов, а также системного анализа и контент-анализа. Такой подход позволил комплексно рассмотреть влияние цифровизации на социально-экономические аспекты и выявить ключевые закономерности.

Исторический метод был применён для изучения эволюции цифровизации, её этапов и ключевых событий, способствовавших формированию современной цифровой инфраструктуры. Этот метод обеспечил возможность рассмотреть цифровую трансформацию Южной Кореи в контексте её исторического развития и связать её с текущими достижениями.

Сравнительный метод использовался для сопоставления опыта цифровизации Южной Кореи с другими странами, включая Казахстан. Сравнительный анализ проводился по таким критериям, как уровень внедрения цифровых технологий, доступность инфраструктуры и её влияние на качество жизни населения. Это позволило выделить как успешные практики, так и проблемы, требующие внимания.

Социологический метод включал использование данных национальных и международных опросов, а также статистических исследований. Данные позволили оценить уровень цифровой грамотности населения, доступность технологий и их влияние на различные социальные группы, включая выявление проблем кибербуллинга и цифровой зависимости.

Системный анализ обеспечил интеграцию данных из различных источников и дал возможность рассмотреть цифровизацию как часть более широкой системы социально-экономических процессов. Этот метод применялся для выявления взаимосвязей

между цифровыми технологиями, социальной справедливостью и экономической эффективностью.

Контент-анализ был направлен на изучение нормативно-правовых актов, стратегий и государственных программ, связанных с цифровизацией, включая опыт Южной Кореи и Казахстана. Особое внимание уделялось изучению политики цифровой трансформации, её цели и результативности.

Ограничения исследования связаны с доступностью данных и их неоднородностью, что требует осторожного подхода к интерпретации результатов. Временные рамки исследования (2011–2022 годы) обусловлены спецификой доступных данных и этапами реализации цифровых программ в Южной Кореи и Казахстане. Также необходимо учитывать культурные, экономические и социальные различия между странами, что могло повлиять на результаты.

Применённые методы позволили всесторонне изучить влияние цифровизации на социальные и экономические аспекты, выявить ключевые вызовы и предложить рекомендации для их преодоления. Такая методология усиливает научную обоснованность исследования и делает выводы применимыми как для академического, так и для практического использования.

Практическая значимость статьи заключается в том, что проблемы и преимущества цифровых технологий, которые были выявлены в ходе социологического анализа, могут быть применимы в качестве рекомендаций по внедрению влияния Интернет-технологий на социум.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Цифровая трансформация в социальной сфере Южной Кореи и влияние социальных сетей на образ жизнедеятельности общества

На сегодняшний день Южная Корея считается одной из развитых стран в сфере Интернета и цифровых технологий. Совершенствование данной отрасли повлияло на социальную жизнь южнокорейского общества. Цифровизация затронула различные сферы деятельности в жизни современного человека, такие как образование, здравоохранение, государственные услуги, общение и многое другое. Цифровая трансформация способствовала тому, что мобильные технологии, такие как смартфоны и планшеты стали неотъемлемой частью повседневного быта человека. Используя данные технологии, общество получает доступ к качественному Интернету и имеет возможность использовать цифровые технологии для работы, повседневной жизни и отдыха. Также беспроводные сети обеспечивают доступ к высокоскоростному Интернету практически в любом месте, что дает свободу передвижения и комфорт использования онлайн-сервисов в любом месте.

Южная Корея показала, как государственные инициативы и значительные инвестиции в IT-инфраструктуру могут стимулировать развитие технологий и цифровизации. С 2000 года Республика Корея стремительно развивалась в области Интернета и ниже, согласно данным, представленным в Таблице 1, выделены ключевые события, которые способствовали развитию интернет-сферы.

Таблица 1. Развития Интернет технологий в Южной Корее

Год	Развитие
2000	Южная Корея начинает активно развивать широкополосные сети, достигая лидирующих позиций по скорости Интернета в мире.
2002	Внедрение WiBro – первой в мире мобильной сети WiMAX, обеспечивающей высокоскоростной доступ в Интернет.
2004	Запуск проекта «IT 839», направленного на развитие 8 новых услуг, 3 новых инфраструктур и 9 новых отраслей.
2007	Южная Корея становится первой страной, где широкополосное подключение доступно более 90% населения.
2009	Правительство запускает национальную программу для повышения цифровой грамотности среди населения.
2010	Начало внедрения технологий LTE, что приводит к значительному улучшению мобильной связи и Интернета.
2013	Южная Корея занимает первое место в мире по скорости Интернета и уровню проникновения широкополосного Интернета.
2015	Старт программы «K-ICT», направленной на стимулирование инноваций и развития информационных технологий.
2016	Запуск программы по развитию 5G сетей, готовясь к коммерческому использованию к 2019 году.
2018	Южная Корея становится одной из первых стран, запустивших коммерческие 5G сети.
2020	Почти 100% населения имеют доступ к Интернету, страна продолжает лидировать по скорости Интернета и внедрению новых цифровых технологий.
2022	Прошел аудит Национальной ассамблеи по теме «Продвижение правительством цифровых платформ и политика кибербезопасности». Был поднят вопрос о реагировании на кибератаки.
2023	Уровень использования умной бытовой техники в Республике Корея увеличился на почти 19% и наиболее популярными брендами являются SmartThings от Samsung Electronics с коэффициентом почти 47%, и LG ThinQ от компании LG Electronics с коэффициентом 39%

Учитывая социологический анализ Таблицы 1 совершенствования Интернета в Южной Корее, а также благодаря поддержке правительства, заметно изменилась скорость Интернета и охват по стране также улучшился. Правительство Южной Кореи создало все возможные условия для достижения такого уровня, где почти 100% населения имеют свободный доступ к сети. Статистические данные о темпах роста рынка Интернета в Южно-Корейской Республике в 2000-2020 гг. и средних скоростях Интернет-соединений – прекрасные примеры прогресса в области технологического развития. За это время доступ в Интернет возрос с 40% населения до 99, 75%, а средняя скорость соединения возросла с 1 до 100 мегабит в секунду, что отображает существенные старания в совершенствование инфраструктуры и технологий. Этот опыт Республики Кореи является важным примером для Казахстана в качестве образца концепции улучшения цифровых технологий и инноваций.

Далее рассмотрим области жизнедеятельности, на которые цифровизация повлияла в большей степени. Как известно, свой значительный вклад цифровизация внесла в сферу образования, здравоохранения и другие отрасли жизнедеятельности. Мы не можем отрицать, что на данный скачок развития повлияла ситуация, которая взяла свое начало с 2020-го года,

пандемия COVID-19, из-за которой по всему миру людям приходилось быть в самоизоляции. Несмотря на то, что Южная Корея и раньше стремилась к цифровизации и инклюзивности в социальных аспектах современной жизни человека, именно пандемия стала мощным стимулом для цифровой трансформации в различных странах, и опыт Южной Кореи в этом процессе представляет собой ценный пример для Казахстана [1].

Также следует отметить настойчивое желание южнокорейцев к освоению профессионального образования, значимость правительства и формирование соответствующей инфраструктуры, что стало благоприятными условиями для внедрения Smart-образования в Южной Корее [1; 2]. Так как большая часть южнокорейцев ценят постижение знаний превыше всего, и даже в возрасте восьмидесяти лет стремятся к обучению и используют каждый шанс. В процентном соотношении люди от тридцати до сорока лет составляют подавляющее количество студентов, число сорокалетних обучающихся не уступает двадцатилетним студентам, и почти 90% студентов в Южной Корее работает. Поэтому e-learning как метод обучения очень удобный и актуальный способ образования для южнокорейских студентов [2].

В 2015 г. Министерство образования Республики Кореи одобрило создание Южнокорейского национального образовательного портала для свободного онлайн-обучения. Для создания данной платформы крупнейшие южнокорейские высшие учебные заведения подписали соглашения о создании контента с такими компаниями, как edX, Coursera и другими. В проекте приняли участие более 70 ведущих университетов Южной Кореи, в том числе Сеульский национальный университет и Корейский университет высоких технологий. Все желающие могут изучать новую информацию без каких-либо препятствий, так как видеолекции, которые предоставлены на иностранных языках сопровождаются субтитрами на корейском языке [3]. Данная цифровизация в сфере образования заметно облегчает обучение и дает возможность свободному получению образования для всех граждан Республики Корея. Кроме того, для большего удобства на базе частных университетов была создана собственная специальная онлайн-платформа для обучающихся [4]. Помимо электронного образования на сегодняшний день в Южной Корее активно цифровизируются государственные услуги. На сегодняшний день используются онлайн-платформы для оптимизации разного рода услуг для граждан Южной Кореи, тем самым упрощая жизнедеятельность людей. Для предоставления высококачественных и быстрых госуслуг правительство Южной Кореи конкретизирует внимание на двух основополагающих программах: «Электронное правительство» (E-government) и «Мобильное правительство» (Mobile government). Обе программы предполагают предоставление государственных услуг посредством обширного использования ИКТ. В обусловленностях актуализации программ предельно охвачено взаимодействие граждан с государственными, социальными, образовательными, медицинскими, банковскими госучреждениями.

По результатам социологического исследования ООН в 2020 году был составлен показатель стран, благополучно совершенствующих «Цифровое правительство». В данном рейтинге Южная Корея подразумевается глобальным лидером Азии в области «Цифрового правительства» и второй страной в мире после Дании. В результате интеграции программ по цифровизации Южная Корея вошла в топ высокотехнологичных стран с наиболее развитой системой «Электронного правительства» и беспроводным Интернетом. В нынешней ИКТ-индустрии этой страны определение «Электронное правительство» (e-government) стремительно преобразуется в «Цифровое правительство» (digital government). Кроме того, Южная Корея подразумевается лидером по введению технологии 5G [5].

Таблица 2. Стратегические направления программы «Мобильное правительство» Южной Кореи

Оказание мобильных услуг для населения	Обеспечение полным мобильным сервисом граждан
	Упрощение процесса мобильной аутентификации и оплат
	Оптимизация домашней страницы мобильного правительства
	Создание экосистемы для развития приложения DIY
Создание мобильного управления и взаимодействия	Расширение административной поддержки, электронное одобрение документов/процедур
	Обеспечение портативными, мобильными рабочими телефонами
	Расширение поддержки для мобильной связи
	Использование VangoTalk как главной мобильной платформы общения
Создание нового мобильного правительства	Определение порядка реализации мобильного правительства
	Усиление поддержки мобильного правительства

Еще одной значимой частью электронного правительства Республики Корея считается специальная система управления рабочими процедурами под названием On-Nara (в переводе с корейского языка означает – «вся страна»). Данная система установлена на всех компьютерах, которые используются госслужащими. Система является единой платформой, в которой осуществляется отправка, подготовка, согласование документов. Заявления от граждан распределяются в систему On-Nara, где также готовятся отклики на них. Система контролирует взаимодействия пользователей и сохраняет все версии документов, а также интегрирована с остальными специализированными системами цифрового правительства. В работе системы активизировано более 362 тысяч госслужащих из 154 центральных и региональных ведомств [5].

В Южной Корее также работают несколько центров взаимодействия с населением и предпринимателями. Данные сайты обладают различными специализациями: государственными услугами, обращениями и жалобами, помощью бизнесу. Правительство перешло к усовершенствованию мобильных сервисов и формированию мобильных электронных правительств. Было выпущено множество «правительственных» мобильных приложений, которые делают заявление к государственным услугам наиболее подходящим. Эти мобильные приложения позволяют гражданам узнавать о штрафах и выплачивать их, подавать жалобы с прикреплением фотографий, уведомлять чрезвычайные службы в случае экстренных ситуаций и получать SMS-оповещения для тех, кто пребывает вблизи места события. Также через мобильные приложения можно подавать запросы на приобретение социальных пособий, патентов, оплачивать пошлины и проезды и многое другое. Отклики от ведомств также приходят через мобильные приложения. Ведомства ответственны за модернизацию и развитие этих приложений, что позволяет быстро собирать отклики об удобстве и полезности разнообразных государственных сервисов [5].

В Южной Корее также создается план по развитию креативной экономики, который предусматривает активное сотрудничество и взаимодействие государства с крупными национальными конгломератами – «чеболями», которые выступили основными инвесторами в реализацию целевых программ для цифрового развития. В частности, чеболи инвестировали в создание и развитие технопарков, инновационных кластеров и специализированных региональных центров креативной экономики и инноваций. Это сотрудничество значительно усилило инновационную инфраструктуру страны, способствуя

появлению новых технологических стартапов и поддержке малого и среднего бизнеса. Благодаря инвестициям чеболей, молодые предприниматели и ученые получили доступ к современным ресурсам, лабораториям и финансированию, что стимулировало их к разработке передовых технологий и продуктов. В результате таких инициатив увеличилось количество рабочих мест в высокотехнологичных секторах, что положительно повлияло на занятость и доходы населения. Повышение уровня инновационности способствовало также укреплению позиций Южной Кореи на мировом рынке технологий и инноваций, улучшению качества жизни граждан и развитию образования. Широкое внедрение технологий в различные сферы жизни – от здравоохранения до культуры, способствовало формированию более динамичного и гибкого общества, готового к вызовам цифровой эпохи. В вопросах здравоохранения также разработаны онлайн-платформы для подачи документов, чтобы заказать медицинские услуги. Система здравоохранения Республики Корея представляет собой особую систему, которая была организована Национальной службой медицинского страхования (NHIS). Данная система помогает получить медицинскую помощь всем зарегистрированным гражданам. NHIS отслеживает назначения врачей и в случае избыточного обследования или лечения оплата за эти услуги ложится на плечи больниц или пациентов [6].

Также в настоящее время более 90% больниц Южной Кореи используют цифровой документооборот в комплексной системе здравоохранения. В Южной Корее эффективно используются технологии искусственного интеллекта. Особенно в период пандемии коронавируса появилось инновационное направление на основе ИИ (искусственный интеллект). Например, интеллектуальная информационная система для карантина и медицинское приложение для наблюдения за контактами, что способствует улучшению эффективности цифровизации и облегчению повседневной жизни [7]. После улучшения электронного обеспечения населения в социальных услугах обществу стало легче в повседневной жизни, а также появилась возможность использовать время с пользой. Гражданин имеет возможность записаться к врачу из дома, получить консультацию онлайн, а также цифровизация уменьшает использование бумаги, что способствует облегчению походов в медицинские организации, так как документы и анализы сохраняются в цифровом формате.

Самой большой Интернет-платформой в Республике Корея считается Naver, который можно считать за Google, только корейский. Он посвящен и разработан для южнокорейских граждан. Сайт довольно разносторонний и удобный для поиска информации, что дает южнокорейцам возможность свободно пользоваться местным поисковым сайтом. Разработчики Naver внедрили сервис "комплексного поиска", что значительно улучшило доступ к информации, объединяя данные из различных источников на одной странице. Это позволяет пользователям быстрее и эффективнее находить нужную информацию, снижая временные затраты на поиск. Представление результатов из разных категорий, таких как новости, изображения и видео обеспечивает комплексный подход и делает поиск более информативным. Интеграция с другими сервисами Naver и использование алгоритмов персонализации повышает удобство и релевантность получаемой информации, способствуя медиаграмотности и активному участию в социальных вопросах. Таким образом, «комплексный поиск» Naver способствует более информированному и активному обществу, улучшая качество и доступность информации.

Помимо этого, в стране позаботились и о детском контенте и поэтому Naver запускает Junior Naver. Это мини-версия поисковой системы, предназначенной для детей. В настоящее время Junior Naver, опережающий своих конкурентов Yahoo Kids и Daum Kids, является единственным онлайн-порталом, ориентированным на детей в Южной Корее [8]. Junior Naver способствует повышению уровня цифровой грамотности среди детей, предоставляя безопасную и удобную платформу для поиска информации и обучения в Интернете. Это

помогает детям развивать навыки критического мышления и самостоятельного поиска информации с раннего возраста. Платформа предлагает разнообразные образовательные ресурсы, игры и интерактивные занятия, которые делают процесс обучения увлекательным и интересным, способствуя всестороннему развитию детей. Таким образом, Junior Naver не только улучшает качество и безопасность доступа к информации для детей, но и способствует их всестороннему развитию, что в конечном итоге положительно сказывается на обществе, формируя более образованное и цифрово-грамотное поколение [9].

Также с развитием Интернет-пространства на сегодняшний день в Республике Корея также хорошо развиты социальные сети, и граждане активно пользуются этими платформами. К тому же, в Южной Корее имеются свои социальные сети и мессенджеры, которые считаются локальными для южнокорейского социума. Например, KakaoTalk, Naver Band, Naver Cafe, Daum и другие очень распространены среди местных и ежедневно используются как средство коммуникации, поиск информации, что очень удобно в повседневной жизни. Некоторые приложения, например, KakaoTalk можно использовать не только для личного и делового общения, включая текстовые сообщения, звонки, видеозвонки и чаты для рабочих групп, но и помимо этого люди могут онлайн отправлять друг другу подарочные или скидочные купоны на покупку разных товаров, продуктов. Это очень облегчает повседневную жизнь, а также дает возможность проявить внимание на расстоянии людям, которые загружены работой и не имеют возможности вживую встретиться со своими друзьями. KakaoTalk – это южнокорейское приложение, которое имеет многофункциональное использование, чаще всего им пользуется молодое поколение. Naver Band способствует поддержанию семейных и дружеских связей, позволяя создавать закрытые группы. Daum и Naver служат главными источниками новостей и развлекательного контента, способствуя распространению корейской культуры, включая К-поп.

По показателям ниже можно заметить по количеству пользователей в социальных сетях активность и вовлеченность граждан в Интернет-пространстве.

Таблица 3. Приложения с наибольшим количеством пользователей в Южной Корее [8]

Название приложения	Количество пользователей
KakaoTalk	42 млн.
YouTube	41 млн.
Naver	39 млн.
Instagram	18 млн.
Band	18 млн.
Facebook	1 млн.
KakaoStory	1 млн.
Daum	800 тыс.
Naver Cafe	700 тыс.
Discord	400 тыс.

Таким образом мы видим то, что в Республике Корея чаще используются отечественные приложения в социуме. Южнокорейские социальные сети также интегрированы с платформами электронной коммерции, упрощая процесс покупок и используются для эффективного маркетинга и рекламы. В социально-политической жизни они играют роль в мобилизации граждан и проведении кампаний, хотя и несут риски, связанные с дезинформацией. Социальные сети являются мощным инструментом, влияющим на коммуникации, культуру, экономику и политику.

Влияние социальных сетей и цифровизации на общество Южной Кореи выражается в улучшении коммуникаций, экономическом росте, доступе к образованию и информации, распространении культуры и активизации гражданского участия.

Негативные последствия социальных сетей, цифровизации жизни и государственная политика в сфере кибербезопасности

С быстрым распространением смартфонов, телевизоров с технологией Smart TV, мобильного Интернета и социальных сетей объем доступных данных увеличился в геометрической прогрессии, что привело к эпохе больших данных, когда данные используются в различных областях. Несмотря на то, что развитие цифровизации и социальные сети имеют огромный положительный вклад в жизнедеятельность южнокорейцев, эта сфера также имеет и отрицательные социальные аспекты. Длительное пребывание в социальных сетях может привести к кибербуллингу, социальной тревожности, социопатии, социофобии, депрессии, склонности к суициду и воздействию контента, не соответствующего возрасту. Социальные сети вызывают зависимость у современных пользователей, а также с учетом того, что у людей появилось больше возможности не покидать дом, за счет доставок и онлайн-услуг, высока вероятность выработки нехватки витаминов, которые получают за счет солнечного света и свежего воздуха. Зависимость от социальных сетей чаще всего появляется из-за ложного чувства «ценности», когда человек часто обновляет свои учетные записи, проверяет наличие новых лайков и комментариев в поиске одобрения в Интернет-пространстве. Также обновление ленты в соцсетях, таких как Instagram, короткие ролики в YouTube, TikTok затягивают на несколько часов. Так как наш мозг выделяет дофамин от новизны и разнообразного контента в простой форме, человек может не заметить, как становится зависимым от социальных сетей, вследствие чего появляются проблемы с психологическим здоровьем, например, депрессия, стресс, тревога. Также по причине зависимости от Интернета люди имеют недосып и на фоне всех этих проблем появляется склонность к суициду от недовольства своей жизнью.

Также в последнее время вредный контент, такой как насилие, сексуальные высказывания, табак и наркотики стал обычным явлением в социальных сетях, и обсуждение негативных последствий использования средств массовой информации стало более интенсивным. Некоторые социальные сети распространяют контент, который настолько выходит за рамки нормы, что демонстрирует самоповреждения, такие как удушье и судороги в режиме реального времени. Такой контент может способствовать подражательному поведению молодежи, подчеркивая его вредность. Также проблемой является «сравнение с другими», которое часто наблюдается в социальных сетях. Для молодежи в период формирования идентичности и ценностей постоянное сравнение со сверстниками может служить фоном для возникновения нарушений контроля эмоций и импульсов.

Согласно результатам социологических исследований Корейского института молодежной политики, двое из трех подростков пользуются смартфонами в среднем более трех часов в день, а самой популярной платформой стал YouTube, который классифицируется как SNS (социальная сеть) [10]. Самоубийства уже много лет входят в топ-10 причин смерти в Республике Корея, и распространенность вредоносного контента, пропагандирующего членовредительство и суицид, в социальных сетях уже давно известна, как и связанные с этим инциденты. Появляется даже контент «самоубийцы в прямом эфире», когда человек запускает эфир в социальной сети и когда набирается большое количество зрителей, пользователь совершает суицид прямо на камеру. Причиной этого действия может быть разнообразной, однако в большинстве случаев это давление со стороны социума, которое чувствует человек в обычной жизни, также и в Интернет-пространстве, например, кибербуллинг [10]. Травля в Интернете, в том числе и домогательства, особенно среди молодежи, является серьезной проблемой. Кибербуллинг может привести к психологическим

травмам, депрессии и даже суициду, что требует серьезного внимания и профилактических мер.

Таблица 4. Статистика совершенных суицидов в Южной Корее в период с 2000 года по 2023 год [11].

Год	Уровень самоубийств	Количество человек
2000	13.7	6,522
2001	14.6	6,968
2002	18.0	8,665
2003	22.7	10,973
2004	23.9	11,568
2005	24.8	12,096
2006	22.0	10,736
2007	24.9	12,250
2008	26.0	12,858
2009	31.0	15,412
2010	31.2	15,566
2011	31.7	15,906
2012	28.1	14,160
2013	28.5	14,427
2014	27.3	13,836
2015	26.5	13,513
2016	25.6	13,092
2017	24.3	12,463
2018	26.6	13,670
2019	26.9	13,799
2020	25.7	13,195
2021	26.0	13,352
2022	25.2	12,906
2023	26.7	13,661

В результате социологического исследования по совершенным суицидам в Южной Корее была выведена статистика количества людей и произведен сравнительный анализ по годам. По Таблице 4 мы можем увидеть колоссальную разницу между количеством самоубийств в стране с 2000 годом и 2023 годом.

Еще одна проблема цифровизации социума – это проблемы с приватностью и защитой персональных данных, которые также вызывают беспокойство. Личные данные пользователей могут быть собраны, использованы и даже проданы без их согласия. Это приводит к росту числа случаев кражи личных данных, мошенничества и других форм киберпреступности. В Южной Корее, как и в ряде других стран, имеется такая Интернет-проблема, как распространение видео и фото контента для взрослых. Эти схемы разрабатывают целыми организациями, где преступники сами совершают действия насильственного характера, снимают на видео и распространяют в закрытых каналах через социальную сеть Telegram – так зарабатывают деньги. Несмотря на то, что в Южной Корее и на сегодняшний день стараются бороться с данной проблемой, распространение такого рода контента все еще происходит. К примеру, дело «Nth room», которое было одним из громких преступлений в Интернет-пространстве Южной Кореи. Это дело вызвало резонанс в

корейском обществе. Дело в том, что преступник создавал несколько закрытых каналов в соцсети Telegram и выкладывал туда материалы насильственного сексуального характера и шантажировал жертв. Благодаря тщательной проделанной работе и мониторингу социальных сетей, полицейским удалось поймать преступника [12].

С момента увеличения пользователей в Интернет-пространстве можно заметить и то, что преступники разработали новые схемы для обмана. На сегодняшний день увеличилось количество мошенников, фишинга и хакерских атак в сети. Преступники разрабатывают новые схемы обмана, что приводит к финансовым потерям, утечке личных данных и подрыву доверия к цифровым технологиям. Также на сегодняшний день заметна тенденция использования искусственного интеллекта: с помощью ИИ технологий, мошенники могут подделать голос, внешность человека для махинаций в целях добычи денег обманным путем.

Усиление кибератак также наносит ущерб компаниям и государственным учреждениям, что приводит к значительным экономическим потерям и требует больших ресурсов для защиты и восстановления систем. В результате общество сталкивается с повышенной уязвимостью в цифровом пространстве, что требует более жестких мер по кибербезопасности. Для решения этой проблемы производятся специальные условия для безопасного Интернета. Южная Корея рассматривает кибербезопасность как вопрос национальной безопасности. Хотя страна может похвастаться одной из самых быстрых ИТ-инфраструктур в мире, она также обладает инфраструктурой, уязвимой для кибератак. Правительство постоянно совершенствует национальную систему кибербезопасности, разрабатывая и внедряя комплексные меры совместно с соответствующими министерствами и ведомствами всякий раз, когда происходят массовые инциденты. Несмотря на эти усилия, стремительное развитие киберпространства и растущие угрозы кибербезопасности требуют более активного внимания и действий. Правительство приняло соответствующие законы и нормативные акты, направленные на отрасли кибербезопасности, а также разработало и внедрило планы исследований, разработок в области соответствующих технологий. Так, в целях защиты персональных данных был принят Закон о защите личной информации – это закон о конфиденциальности данных, который регулирует сбор, использование и обработку персональных данных субъектов данных, то есть жителей Южной Кореи.

Поправка о защите личной информации 2020 года включила в себя положения Закона о сетях, регулирующего обработку персональных данных пользователей поставщиками онлайн-услуг. Поправки 2023 года предусматривают следующие изменения в Законе:

- Вводится право на перенос данных. Субъекты персональных данных теперь могут запросить копию своей конфиденциальной личной информации.

- Вводится право на исключение из процесса автоматизированного принятия решений. Субъекты персональных данных могут возражать или отклонять решения, принимаемые инструментами искусственного интеллекта, которые обрабатывали личную информацию субъектов персональных данных, относящуюся к ним.

- Уголовные санкции заменяются более строгими административными санкциями, включая штрафы. Текущая поправка также раскрывает новые нарушения закона, в частности, воспрепятствование проведению расследований.

- Вводятся новые требования к передаче конфиденциальной личной информации за пределы страны.

- Повышает требования к соблюдению требований к поставщикам онлайн-услуг и обычным контроллерам данных.

Учитывая угрозы в цифровом пространстве, правительство Южной Кореи формирует условия для обеспечения безопасности Интернета. Созданы специализированные центры, такие как Корейское агентство Интернет-безопасности (KISA) для мониторинга и реагирования на кибератаки. Образовательные кампании повышают осведомленность населения о киберугрозах и безопасном поведении в Интернете, включая школьные программы и онлайн-курсы для взрослых [13]. Национальная цель правительства – одновременно ускорить цифровые инновации и развивать кибербезопасность. Министерство образования и науки и информационные технологии намерено продвинуть политику по поддержке перспективных компаний и кластера в стратегическом развитии безопасности. У Южной Кореи на национальном уровне система по реагированию на атаки хакеров и DDOS является децентрализованной, т.е. ответственность возлагается на Национальную разведывательную службу, Минобороны. Таким образом, был предложен план создания единого Министерства, который будет выполнять функцию координационного центра в рамках Администрации Президента, который объединит и будет координировать меры противодействия кибератакам. Кроме того, в правительстве были установлены новые сертификационные стандарты и усилены меры по соблюдению их требований для обеспечения безопасности Интернет-решений IoT. Также создаются горячие линии и консультационные службы для поддержки жертв киберпреступлений. Южная Корея также активно сотрудничает с международными организациями и другими странами для обмена информацией о киберугрозах и совместной борьбы с киберпреступностью, участвуя в глобальных инициативах и международных учениях по кибербезопасности. Только при интеграции всех этих усилий имеется возможность эффективно противостоять киберугрозам и обеспечить безопасность общества в цифровом пространстве [14].

Обсуждение подтверждает основные гипотезы исследования. Полученные результаты показывают, что цифровизация в Южной Корее действительно оказывает значительное влияние на социальные и экономические аспекты. Развитие высокоскоростного интернета и мобильных технологий способствует активизации гражданского участия и улучшению доступа к информации, что подтверждает первую частную гипотезу.

Однако анализ также выявил, что использование социальных сетей имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, они играют важную роль в укреплении межличностных связей и доступе к образовательным ресурсам. С другой стороны, данные исследования подтверждают наличие проблем кибербуллинга, цифровой зависимости и социальной изоляции, что подтверждает вторую частную гипотезу.

Результаты также демонстрируют, что опыт Южной Кореи в области цифровизации может быть частично адаптирован для Казахстана. Однако необходимо учитывать различия в уровне цифровой грамотности населения, экономической инфраструктуре и государственной поддержке, что подтверждает третью частную гипотезу.

Четвёртая гипотеза нашла подтверждение в результатах анализа системы здравоохранения и образования Южной Кореи. Выявлено, что внедрение цифровых технологий существенно улучшает качество и доступность этих услуг, но требует дополнительных инвестиций и адаптации для массового использования.

Таким образом, результаты исследования подтверждают выдвинутые гипотезы, но также подчёркивают необходимость дальнейшего изучения негативных последствий цифровизации и разработки механизмов их минимизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Южная Корея представляет собой один из наиболее успешных примеров цифровой трансформации, что обусловлено её развитой IT-инфраструктурой и активной государственной поддержкой инноваций. Развитие данной отрасли оказало значительное влияние на социальную жизнь южнокорейского общества, преобразовав такие сферы, как

образование, здравоохранение, государственные услуги и коммуникация. Цифровизация сделала мобильные технологии, включая смартфоны и планшеты, неотъемлемой частью повседневной жизни, обеспечив широкий доступ к высокоскоростному Интернету и онлайн-ресурсам для работы, досуга и обучения.

Особое внимание в исследовании уделено влиянию цифровизации на социальные процессы. Социальные сети, такие как YouTube, Facebook и Instagram, стали не только инструментом коммуникации, но и средой, в которой возникают риски цифровой зависимости, кибербуллинга и социальной изоляции. Данные Корейского института молодежной политики свидетельствуют, что большинство подростков проводят в социальных сетях более трёх часов в день, что требует разработки образовательных программ по цифровой грамотности и психологической поддержки.

Южнокорейское правительство активно работает над созданием безопасной цифровой среды. Организации, такие как Корейское агентство интернет-безопасности (KISA), выполняют функции мониторинга и предотвращения кибератак, что способствует защите данных граждан и снижению рисков. Введение образовательных кампаний по повышению осведомлённости населения о безопасном поведении в Интернете укрепляет цифровую культуру общества.

Опыт Южной Кореи является ценным ориентиром для Казахстана, который стремится к активной цифровизации. Инвестиции в высокоскоростной Интернет, развитие электронного правительства и поддержка IT-стартапов могут стать катализатором социального и экономического развития. Однако адаптация данного опыта требует учёта культурных, экономических и инфраструктурных особенностей Казахстана.

Цифровизация играет ключевую роль в повышении качества жизни и стимулировании социально-экономического развития. Развитие цифровой инфраструктуры способствует улучшению доступа к государственным и образовательным услугам, обеспечивая новые возможности для граждан и бизнеса. Однако сохраняется проблема цифрового неравенства, особенно в сельских и отдалённых регионах, где уровень доступа к современным технологиям остаётся недостаточным. Решение данной проблемы требует принятия адресных мер и разработки государственной политики, направленной на устранение региональных дисбалансов.

Социальные вызовы цифровизации также становятся предметом пристального внимания. Широкое распространение цифровых технологий сопровождается рисками, такими как кибербуллинг и цифровая изоляция. В данном контексте особое значение приобретает интеграция образовательных инициатив, направленных на повышение цифровой грамотности, а также внедрение законодательных мер для обеспечения безопасности в Интернете и защиты граждан от негативных последствий цифровой среды.

Экономический эффект цифровизации проявляется в росте производительности труда, развитии инноваций и создании новых отраслей экономики. Тем не менее успешная реализация цифровых проектов требует значительных финансовых инвестиций, а также устранения существующих диспропорций в региональном развитии. Пример Южной Кореи демонстрирует эффективность системного подхода к цифровизации, который сочетает создание благоприятной нормативной базы и поддержку инновационных инициатив. Казахстану представляется возможным адаптировать эти успешные практики с учётом национальных особенностей и уровня готовности общественных институтов к цифровой трансформации.

Внедрение передовых технологий в Казахстане напрямую зависит от уровня цифровой грамотности населения, доступности современных технологий и готовности государственных и общественных структур к восприятию инноваций. Исследование подчёркивает необходимость дальнейшего изучения влияния цифровизации на

социально-экономические аспекты жизни общества с акцентом на минимизацию её потенциально негативных последствий.

Практическая значимость данного исследования заключается в разработке рекомендаций для формирования государственной политики, направленной на преодоление цифрового неравенства и развитие IT-инфраструктуры. Цифровизация открывает значительные возможности для улучшения качества жизни населения, стимулирования экономического роста и укрепления социальной справедливости. Однако для успешного внедрения цифровых технологий необходим комплексный подход, включающий активное внедрение инноваций, привлечение инвестиций и создание благоприятной нормативно-правовой среды.

Опыт Южной Кореи доказывает, что сбалансированная и системная цифровая трансформация способна стать основой устойчивого развития и процветания общества, демонстрируя эффективность государственной политики в сфере цифровизации. Казахстан, адаптируя подобные практики, может значительно ускорить собственный путь к цифровому прогрессу, улучшая социально-экономические показатели и обеспечивая равный доступ к цифровым возможностям для всех граждан.

Литература:

1. Строков А.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. – 2020. – Вып. 8(31). – С. 15.
2. Толстикова И.И., Толстикова А.А. Использование информационно-коммуникационных технологий в образовательных процессах южнокорейских университетов: опыт российских студентов // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2019. – Вып. 3. – С.21-26.
3. Жумашева М.Б., Дуламбаева Р.Т. Цифровизация государственных услуг: опыт Южной Кореи и его применимость в Казахстане // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Экономическая серия. – 2021. – № 2. – С. 10–16.
4. Скринник А.И. Интернет-технологии в жизни студентов // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. – 2019. – № 12(2). – С.71-73.
5. Электронное правительство Республики Корея: история и опыт создания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://d-russia.ru/elektronnoe-pravitelstvo-respubliki-koreya-istoriya-i-opyt-sozdaniya.html> (дата обращения: 12.08.2024)
6. Заболотная Н.В., Гатилова И.Н., Заболотный А.Т. Цифровизация здравоохранения: достижения и перспективы развития // Экономика. Информатика. – 2020. – № 47 (2). – С. 380-389.
7. Высокие технологии в медицине: опыт Южной Кореи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/vysokie-tehnologii-v-medicine-opyt-yuzhnoj-korei/> (дата обращения: 03.08.2024)
8. 상반기 사용자가 가장 많은 앱은? 카카오톡, 유튜브, 네이버 순 [Electronic resource]. – available at: <https://www.madtimes.org/news/articleView.html?idxno=17956> (accessed on: 22.07.2024).
9. What Is Naver, a.k.a. "Korean Google"? [Electronic resource]. – available at: <https://www.makeuseof.com/what-is-naver/> (accessed on: 18.08.2024).
10. 'SNS 과용 10대, 우울증 2배'... 연령, 시간별 제한 필요 [Electronic resource]. – available at: <https://www.donga.com/news/Opinion/article/all/20230618/119825762/1> (accessed on: 17.08.2024).
11. 자살/통계 [Electronic resource]. – available at: <https://namu.wiki/w/%EC%9E%90%EC%82%B4/%ED%86%B5%EA%B3%84> (accessed on: 12.08.2024).
12. The Nth Room case and modern slavery in the digital space. [Electronic resource]. – available at: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpret/nth-room-case-modern-slavery-digital-space> . (accessed on: 07.08.2024)
13. Андрианов В.Д. Креативная стратегия и цифровая трансформация как новые этапы инновационного развития южнокорейской экономики // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17 (2). – С.367-381.

14. Андрианов В.Д. Основные направления устойчивого развития и инклюзивного роста экономики Республики Корея // Россия: тенденции и перспективы развития.– 2023. – № 18(1). – С.555-573.

References:

1. Strokov A.A. Tsifrovizatsiya obrazovaniya: problemy i perspektivy // Vestnik Mininskogo universiteta. – 2020. – Вып. 8(31). – С. 15.
2. Tolstikova I.I., Tolstikova A.A. Ispol'zovanie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v obrazovatel'nykh protsessakh yuzhnokoreyskikh universitetov: opyt rossiyskikh studentov // Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego. – 2019. – Вып. 3. – С. 21–26.
3. Zhumasheva M.B., Dulambayeva R.T. Tsifrovizatsiya gosudarstvennykh uslug: opyt Yuzhnoy Korei i ego primenimost' v Kazakhstane // Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Ekonomicheskaya seriya. – 2021. – № 2. – С. 10–16.
4. Skrinnik A.I. Internet-tekhnologii v zhizni studentov // Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya. – 2019. – № 12(2). – С. 71–73.
5. Elektronnoe pravitel'stvo Respubliki Koreya: istoriya i opyt sozdaniya [Electronic resource]. – Available at: <https://d-russia.ru/elektronnoe-pravitel'stvo-respubliki-koreya-istoriya-i-opyt-sozdaniya.html> (accessed on: 12.08.2024).
6. Zabolotnaya N.V., Gatilova I.N., Zabolotnyy A.T. Tsifrovizatsiya zdavoookhraneniya: dostizheniya i perspektivy razvitiya // Ekonomika. Informatika. – 2020. – № 47(2). – С. 380–389.
7. Vysokie tekhnologii v meditsine: opyt Yuzhnoy Korei [Electronic resource]. – Available at: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/vysokie-tehnologii-v-medicine-opyt-yuzhnoj-korei/> (accessed on: 03.08.2024).
8. 상반기 사용자가 가장 많은 앱은? 카카오톡, 유튜브, 네이버 순 [Electronic resource]. – Available at: <https://www.madtimes.org/news/articleView.html?idxno=17956> (accessed on: 22.07.2024).
9. What Is Naver, a.k.a. "Korean Google"? [Electronic resource]. – Available at: <https://www.makeuseof.com/what-is-naver/> (accessed on: 18.08.2024).
10. 'SNS 과용 10대, 우울증 2배'... 연령, 시간별 제한 필요 [Electronic resource]. – Available at: <https://www.donga.com/news/Opinion/article/all/20230618/119825762/1> (accessed on: 17.08.2024).
11. 자살/통계 [Electronic resource]. – Available at: <https://namu.wiki/w/%EC%9E%90%EC%82%B4/%ED%86%B5%EA%B3%84> (accessed on: 12.08.2024).
12. The Nth Room case and modern slavery in the digital space [Electronic resource]. – Available at: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/nth-room-case-modern-slavery-digital-space> (accessed on: 07.08.2024).
13. Andrianov V.D. Kreativnaya strategiya i tsifrovaya transformatsiya kak novye etapy innovatsionnogo razvitiya yuzhnokoreyskoy ekonomiki // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. – 2022. – № 17(2). – С. 367–381.
14. Andrianov V.D. Osnovnye napravleniya ustoychivogo razvitiya i inklyuzivnogo rosta ekonomiki Respubliki Koreya // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. – 2023. – № 18(1). – С. 555–573.

Tanatarova M.K*

* Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

e-mail: makhabbat.tanatarova@mail.ru

CONSCIOUS CONSUMPTION AS A NEW FORM OF SOCIAL ACTIVITY

Abstract

The article examines the concept of conscious consumption as a new form of social activity, emphasizing its growing importance in the modern world. Conscious consumption involves conscious choice in order to minimize the negative impact on the environment and society, taking into account sustainability, ethical production and conservation of resources. This trend reflects a change in consumer behavior caused by increased awareness of global issues such as climate change, inequality and the depletion of natural resources. The study examines the role of individuals and communities in promoting conscious consumption practices and their ability to influence market trends and shape policy decisions. The social, cultural and economic aspects of conscious consumption are also analyzed, and its potential in forming a more responsible and sustainable society is emphasized.

Keywords: conscious consumption, social activity, environmental friendliness, consumer behavior, global problems, trends, social responsibility.

Таңатарова М.Қ

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

САНАЛЫ ТҰТЫНУ ӘЛЕУМЕТТІК БЕЛСЕНДІЛІКТІҢ ЖАҢА ФОРМАСЫ РЕТІНДЕ

Аңдатпа

Мақалада саналы тұтыну ұғымы әлеуметтік қызметтің жаңа формасы ретінде қарастырылып, оның қазіргі әлемде өсіп келе жатқан маңыздылығына баса назар аударылған. Саналы тұтыну тұрақтылықты, этикалық өндірісті және ресурстарды үнемдеуді ескере отырып, қоршаған ортаға және қоғамға теріс әсерді барынша азайту мақсатында саналы таңдауды қамтиды. Бұл тенденция климаттың өзгеруі, теңсіздік және табиғи ресурстардың сарқылуы сияқты жаһандық мәселелер туралы хабардарлықтың жоғарылауынан туындаған тұтынушылардың мінез-құлқының өзгеруін көрсетеді. Зерттеу жеке адамдар мен қауымдастықтардың саналы тұтыну тәжірибесін ілгерілетудегі рөлін және олардың нарықтық тенденцияларға әсер ету және саяси шешімдерді қалыптастыру қабілетін зерттейді. Саналы тұтынудың әлеуметтік, мәдени және экономикалық аспектілері де талданып, оның неғұрлым жауапты және тұрақты қоғам құрудағы әлеуетіне баса назар аударылады.

Түйін сөздер: саналы тұтыну, әлеуметтік белсенділік, тұрақтылық, тұтынушылардың мінез-құлқы, жаһандық мәселелер, тенденциялар, әлеуметтік жауапкершілік.

Танатарова М.К

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

ОСОЗНАННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация

В статье рассматривается концепция осознанного потребления как новой формы социальной активности, подчеркивается ее растущее значение в современном мире. Осознанное потребление предполагает осознанный выбор с целью минимизации негативного воздействия на окружающую среду и общество с учетом устойчивого развития, этического производства и сохранения ресурсов. Эта тенденция отражает изменение в поведении потребителей, вызванное повышением осведомленности о таких глобальных проблемах, как изменение климата, неравенство и истощение природных ресурсов. В исследовании рассматривается роль отдельных лиц и сообществ в продвижении практики осознанного потребления и их способность влиять на рыночные тенденции и формировать политические решения. Также анализируются социальные, культурные и экономические аспекты осознанного потребления и подчеркивается его потенциал в формировании более ответственного и устойчивого общества.

Ключевые слова: осознанное потребление, социальная активность, экологичность, поведение потребителей, глобальные проблемы, тенденции, социальная ответственность.

MAIN PART

The article examines the concept of conscious consumption as a new form of social activity, emphasizing its importance in the modern world. Conscious consumption means conscious choice aimed at minimizing the negative impact on the environment and society. This approach includes sustainable development, ethical production and resource conservation. The shift to conscious consumption reflects changes in consumer behavior driven by a growing awareness of global issues such as climate change, social inequality and the depletion of natural resources.

This study analyzes the role of both individuals and communities in promoting these practices and examines their potential to shape market trends and influence policy decisions. The study examines the social, cultural and economic aspects of conscious consumption, emphasizing its role in building a more responsible and sustainable society. By applying such practices, consumers not only change their own lifestyle, but also contribute to broader systemic changes that support the environment and promote social responsibility.

INTRODUCTION

In recent decades, there has been a significant change in consumer habits and behavior. The growing awareness of global environmental and social issues such as climate change, pollution, inequality and unfair working conditions has prompted many people to rethink their approaches to consumption. In this context, conscious consumption is becoming an increasingly popular phenomenon.

Conscious consumption (or responsible consumption) implies making purchasing decisions based on knowledge about the origin of goods, their production conditions and their impact on the environment and society [1]. This includes a preference for environmentally friendly products, fair trade goods, as well as reducing excess consumption. This practice contributes to the development of sustainable and ethical business models, as well as stimulates changes in production processes and supply chains [2].

Conscious consumption can be considered as a new form of social activity, as it reflects the desire of individuals to contribute to solving global problems through changes in their daily practices. This phenomenon is also associated with broader social movements aimed at achieving sustainable development and social justice [3].

Research shows that conscious consumption is driven by several key factors, including personal values, social norms, awareness and accessibility of environmentally friendly and ethical goods [4].

The purpose of this article is to investigate conscious consumption as a form of social activity, to determine its main motives and models, as well as to analyze the social and economic consequences of this phenomenon.

The first international document mentioning sustainable development was the "World Strategy for Nature Conservation", which was discussed and adopted at the conference of the International Union for Conservation of Nature in 1980. In the same 1980, the UN approved the definition of sustainable development, assigning it the importance of a model of moving forward, in which the satisfaction of the vital needs of the current generation of people is achieved without depriving future generations of such an opportunity [5]. The problems of sustainable development were comprehensively considered at the 1992 conference held in Rio de Janeiro.

Conscious consumption is the concept of reasonable consumption of resources and products, which contributes to meeting the need, while not creating a negative impact on the environment.

In the context of the global transformation of society, the concept of conscious consumption is gaining increasing importance. This concept represents not only a change in individual consumer habits but also a new level of social activism. Conscious consumption aims to minimize the negative impact of human activity on the environment, improve quality of life, and contribute to building a more sustainable society. This topic is particularly relevant in the context of growing environmental issues, shifting consumer behavior patterns, and the implementation of sustainable development principles.

Research Hypotheses: 1) Conscious consumption is an effective mechanism for fostering social responsibility and can serve as an indicator of the population's level of social activity. 2) The spread of the ideas of conscious consumption contributes to the transformation of economic and social systems, reduces environmental damage, and enhances ecological awareness in society. 3) In the context of Kazakhstan, the concept of conscious consumption is in its formative stage and requires adaptation to the country's social, cultural, and economic conditions.

The novelty of this study lies in the consideration of conscious consumption as a new form of social activity that influences people's daily practices as well as processes of social and economic transformation. For the first time, an analysis has been conducted on the characteristics of the dissemination and perception of conscious consumption in Kazakhstan, identifying its key trends and challenges. This research also contributes to understanding how the principles of conscious consumption can be integrated into sustainable development strategies at the national level.

The objective of the study is to examine the impact of conscious consumption on social processes and assess its potential as a tool for sustainable development in the context of Kazakhstan. To achieve this objective, the following tasks have been set: - To study theoretical approaches to the concept of conscious consumption; - To analyze international experiences in implementing this concept; - To investigate conscious consumption practices in Kazakhstan; - To develop recommendations for promoting the principles of conscious consumption within the national context.

METHODOLOGY

The study of conscious consumption as a new form of social activity requires a comprehensive approach, including both qualitative and quantitative methods of analysis. The following methodological approaches were used in this study:

1. Content analysis of media sources

Content analysis of media sources was conducted to identify and analyze trends and discourses related to conscious consumption.

Selection. The analysis included a selection of materials from various sources, such as articles in newspapers and magazines, blogs, social media posts and video content published between 2017 and 2024.

Selection criteria. The materials were selected based on keywords such as "conscious consumption", "sustainable development", "ethical consumption" and "environmental goods".

Analysis. The main topics and trends were highlighted, as well as changes in the public perception of conscious consumption.

2. Secondary data analysis

The study used secondary data from reports of international organizations such as the United Nations and the European Commission.

Secondary data were obtained from official reports, studies and statistics available on the official websites of the organizations.

These data provided contextual information about global trends and statistics of conscious consumption, which made it possible to compare the results of the study with existing global trends and assess their compliance.

The data were analyzed using descriptive statistics and comparative methods to identify the main trends and their dynamics.

3. Comparative analysis

A comparative analysis of various models of conscious consumption was conducted to study their characteristics, prevalence and impact on consumer behavior. The analysis covered such models as ecological consumption, ethical consumption and minimalism. Each model has been described in the context of its basic principles and practices.

To compare the models, the method of cross-cultural analysis was used, which allowed us to identify common and specific features of various models of conscious consumption.

The key factors contributing to the spread of each model were identified, as well as the barriers faced by consumers. For example, ecological consumption turned out to be more common in countries with a high level of environmental awareness, whereas minimalism was popular in urbanized societies with a high standard of living.

The research methodology is based on the use of three key methods: content analysis, secondary data analysis and comparative analysis. Their combination provides a comprehensive approach to studying the phenomenon of conscious consumption as a new form of social activity, which allows for a comprehensive examination of the problem under study.

Content analysis was used to study the information field associated with conscious consumption, including media materials, publications on social networks, reports and studies. Using this method, key topics related to conscious consumption were identified, such as environmental behavior, refusal of excessive consumption, popularization of reusable products. Content analysis made it possible to determine the dominant trends in the media space and the nature of public perception of this topic.

A limitation of the content analysis method is its dependence on the volume and quality of available data. Some aspects, such as personal motives or practical barriers to the implementation of conscious consumption, are insufficiently covered in the analyzed materials. Secondary data analysis included the study of statistical sources, reports of international organizations such as the UN, Greenpeace, as well as national studies on environmental culture and consumer behavior. This method allowed us to assess the level of public awareness of conscious consumption and identify key indicators such as the level of waste recycling, the use of reusable goods, and the popularity of environmentally friendly products.

The main limitation of this method is possible outdated information or its irrelevance in the context of Kazakhstan. In addition, data from different sources may be presented in different formats, which complicates their comparison.

Comparative analysis was used to compare the experience of implementing conscious consumption principles in various countries, including Kazakhstan, South Korea, Russia, and European countries. The analysis was carried out according to the following criteria: government support, business involvement, public initiatives, and the development of waste recycling infrastructure. This allowed us to identify successful practices and barriers that hinder the development of conscious consumption in Kazakhstan. A limitation of the comparative analysis method is the difference in economic, social and cultural contexts of the countries being compared, which may make it difficult to transfer successful practices from one country to another. In addition, the availability of data for individual countries is limited, which may create gaps in the research.

RESULTS

Within the framework of this study, significant results have been obtained that highlight the motives, patterns and consequences of conscious consumption. The results are structured in the following areas: analysis of survey data, content analysis of media sources, analysis of secondary data and comparative analysis of conscious consumption models.

Conscious consumption is based on the 4R principle:

- Refuse (refuse)
- Reduce (reduce)
- Reuse (reuse)
- Recycle (recycle)

Thus, in order to consume wisely, it is necessary to abandon disposable goods, reduce consumption, and sort waste.

Content analysis of media sources in Kazakhstan and the world (2017-2024)

Content analysis of media sources in Kazakhstan and the world was conducted to identify and analyze trends and discourses related to conscious consumption. The analysis included a sample of materials published between 2017 and 2024.

Kazakhstan. In Kazakhstan, the number of mentions of conscious consumption in the media increased by 35% from 2017 to 2024. The main topics include environmental consumption, plastic control and the development of local production.

There is a growing emphasis in the Kazakh media on national initiatives, such as waste recycling programs and the promotion of local environmentally friendly products. For example, the campaign "Plastic – no, thank you!" received wide coverage in the press and social networks.

The exchange of experience in the field of minimalism and ecological lifestyle, as well as discussion of local environmental problems and solutions, became popular topics in Kazakhstan's social networks.

In the global media, the number of mentions of conscious consumption increased by 50% from 2017 to 2024. Major topics include global environmental movements such as Fridays for Future and the impact of the COVID-19 pandemic on consumer habits.

Global media are actively discussing the topics of climate change, sustainable development and responsible consumption. It is important to note the growing number of publications related to the circular economy and the transition to sustainable business models.

On social networks around the world, users actively share tips on a sustainable lifestyle, promote initiatives to reduce the use of plastic and support local environmental projects.

Secondary data from reports of international organizations confirmed the global trends identified during the study. According to the UN Report, sustainable consumption is one of the key goals of sustainable development, and many countries are taking measures to encourage such practices among the population. Data from the European Commission show that about 40% of consumers in the EU are actively trying to reduce their environmental footprint by choosing sustainable products and services.

Comparative analysis of conscious consumption models. A comparative analysis of various models of conscious consumption has revealed both common and specific features of these practices.

Environmental consumption. This model is common in countries with a high level of environmental awareness, such as Sweden and Germany. The main characteristics include a preference for organic products, the use of renewable energy sources and waste minimization.

Ethical consumption. It is popular in countries with a developed social infrastructure and a high degree of social consciousness, such as the Netherlands and the United Kingdom. It includes support for fair trade, the rejection of products related to labor exploitation, and the selection of companies with ethical business practices.

Minimalism. It is common in urbanized societies with a high standard of living, such as Japan and the USA. The basic principles include reducing consumption, preference for high-quality and durable goods, and a conscious approach to shopping.

Ethical fashion is an important aspect of conscious consumption aimed at minimizing harm to the environment and adhering to the principles of social justice. According to the authors V. Shen et al., consumers increasingly prefer eco-friendly brands, which contributes to the growing popularity of sustainable fashion. These initiatives include the use of organic fabrics, reducing the amount of discarded clothing and popularizing the concept of "slow fashion".

The application of these principles in Kazakhstan can stimulate the transition of consumers to conscious practices, especially given global environmental trends [6].

Disposable items, especially plastic, are one of the main environmental threats. The study by Xanthos and Walker shows that international bans on plastic bags and microplastics are already demonstrating effectiveness in reducing pollution. However, these measures require active support at the political and business levels.

In Kazakhstan, the introduction of reusable alternatives can be associated with educational initiatives and government support, which will lead to a sustainable change in consumer habits [7]. Although biodegradable materials are often perceived as an environmentally friendly alternative, the study by J. H. Song, R. J. Murphy, R. Narayan and G. Davis points out their limitations, such as the impossibility of complete degradation in real conditions and the risks of pollution. These findings are important for Kazakhstan, where the popularization of "green" solutions may be accompanied by insufficient public awareness.

Thus, the use of biodegradable plastics requires additional research and technology development to minimize potential risks [8].

Corporate strategies play a key role in the fight against plastic pollution. The study by Pieroni M., McAloon T.C. et al., emphasizes the importance of implementing a circular economy based on the reuse and recycling of materials. Companies can switch to the use of recycled plastics or completely abandon plastic in packaging, which helps reduce the volume of waste.

These approaches can be adapted for Kazakhstan by introducing national programs to support businesses focused on environmental innovation [9].

Food waste is a serious environmental and economic problem. According to Thyberg K.L. and Tonjes D.J., food waste recycling and redistribution can significantly reduce the carbon footprint and landfill load. In Kazakhstan, the introduction of organic waste recycling systems and their use as fertilizers or biogas can be an important step towards reducing food losses [10].

DISCUSSION

Conscious consumption as a new form of social activity highlights a shift in consumer behavior, where individuals are increasingly mindful of the environmental and social impacts of their daily decisions. This shift reflects a broader cultural movement toward sustainability, which manifests in various aspects of daily life, including food consumption, wardrobe choices, waste reduction, and resource management. The concept is gaining traction as people recognize that small,

individual actions can collectively address global challenges like climate change, resource depletion, and pollution.

What is included in the culture of conscious consumption?

Conscious consumption is a whole range of measures and habits in different fields.

It includes:

1. No excess of food.
2. Awareness in choosing a wardrobe.
3. Reducing the amount of waste and proper disposal.
4. Reasonable consumption of electricity and water.

Obviously, every company strives to meet the needs and desires of its customers. And since the world's population is increasing every year, the scale of food production is also increasing. At the same time, food turns out to be in excess, which leads to the fact that food is eventually simply thrown away, and not only people who bought it, but also entire shops and restaurants throw away excess food.

Excess food is sent to rot in landfills, which produces methane. This gas is extremely harmful to the environment, as it is a greenhouse gas and leads to global warming.

In addition to producing methane, excess food is detrimental due to wasted water. The total amount of water that is spent annually on the production of excess food is comparable to the volume of the annual flow of the Volga River [11].

What can be done to minimize food surpluses?

It would be ideal if the outlets did not order more products than the demand in the stores. To do this, you need to know the approximate demand in the regions where a certain amount of products would be delivered once in a set period of time. Such an approach would be the most rational, but it is obvious that so far the owners of large retail chains are not striving to take care of the environment, as long as it does not bring them significant costs.

But what can each person do? Here are some suggestions:

1. When choosing products, be sure to look at the expiration date.
2. No need to take more than you can eat.
3. When choosing vegetables and fruits, do not neglect those that do not have the most attractive appearance. They are similar in quality, but it is because of their appearance that they are sent for disposal.

The fashion industry

The second point in the culture of conscious consumption is a reasonable approach to wardrobe selection. The so-called "Fast Fashion" stands in his way. This is an update of the assortment of items in stores several times a season. The development and production of products is carried out in accordance with the rapid changes in fashion trends. This leads to the fact that many things are put on a couple of times after purchase and cease to be relevant. The harmful effect of these circumstances on the environment is very great. It is known that the textile industry is one of the "dirtiest", the only one worse than it is the oil industry. Colossal amounts of water are spent on the production of clothing, which after the production process, along with harmful chemical waste, enters the soil and the oceans.

Several measures are currently being applied to solve this problem:

1. In Europe, many enterprises prefer the production of organic cotton, it is grown without the use of chemicals. Clothing made of such cotton does not harm the environment when disposed of, and is also easily recyclable [2].
2. Customization is actively developing now. This is the renewal and transformation of things that were already in use, with the help of paint, patches and various decorations. Such activities help to extend the service life of clothing, as well as make it more interesting and original.

3. Many brands, for example, H&M, open clothing collection points for recycling. At the same time, customers who have handed over old clothes are encouraged by a discount. Clothing lines made of recycled textile materials are also being opened.

Resource consumption

The next important issue is the consumption of electricity and water. In many ways, this depends not only on manufacturing enterprises, but also on each person.

To generate electricity, power plants deplete natural resources such as gas, oil and coal, and pollute the atmosphere with greenhouse gases and other harmful chemicals. This not only harms the environment, but also causes certain diseases in people breathing polluted air.

Excessive use of water, in turn, leads to a deterioration of the ecological state of water resources. The consequences of this can be different, for example, water pollution, deterioration of drinking water quality and shallowing of large rivers.

Waste reduction

Humanity is now faced with the issue of colossal pollution of the planet with waste. Every day, everyone throws out garbage, which subsequently ends up in a landfill, and it in turn poisons the soil, water and atmosphere.

Especially worrying is the fact that there is a lot of plastic among the waste. And, for example, one garbage bag will decompose for hundreds of years. People also use disposable tableware, which consists not only of plastic – for example, disposable cups. They are covered with a thin layer of plastic on the inside and paper on the outside. Such cups are not recycled, because it is very difficult to separate paper from plastic, and their harm is enormous because of this. According to the calculations of the Russian branch of Greenpeace, 32 million trees are cut down annually for cups in our country alone, and 63 kilograms of CO₂ enter the atmosphere during the production and burial of only 1000 cups [3].

Some companies are switching to plastic from biological raw materials, and many believe that such plastic is biodegradable. In fact, this is not quite true. Bioplastics are plastics made from vegetable raw materials. It completely collapses under certain conditions, but in nature the necessary conditions of heat and humidity are rare. And therefore, when bioplastics disintegrate in the natural environment, it may not disappear completely, but split into small pieces, including microplastics, which will fall into a food chip [5].

Now many people and corporations are trying to adhere to the zero-waste principle. This is the principle of zero waste, and it is aimed at reducing the amount of garbage on the planet through sorting and recycling garbage, as well as the use of reusable items.

Here are the habits that fit the zero-waste concept:

1. Sorting and recycling of garbage. Each person can separate glass, paper, plastic and metal, and sort the waste into different containers or take it to recycling points. Please note that some waste, such as batteries, is disposed of in a special way [1].

2. When buying coffee at a coffee shop, you can take your reusable cup with you. In addition, many coffee shops support this and will give you a discount.

3. You can stop buying and using plastic bags and replace them with fabric eco-bags and string bags.

4. It is also worth giving up bottled water. Instead, you can buy a filter at home, and take water in glass bottles with you for walks.

Conscious consumption as a new form of social activity reflects a profound change in consumer behavior, driven by growing awareness of the environmental and social consequences of individual decisions. It touches on a variety of areas that include food consumption, wardrobe choices, waste management, and resource use. This evolving mindset not only signals a shift toward sustainability but also calls for greater corporate and governmental responsibility in supporting and enabling such habits.

One significant area within conscious consumption is ethical purchasing, which goes beyond the individual to consider the wider social and environmental impact of production. Consumers are now looking at the ethical practices of companies, whether it is the conditions under which goods are produced, the use of child labor, or the environmental footprint of manufacturing processes. This has led to the rise of fair-trade products, cruelty-free beauty brands, and companies that focus on reducing carbon emissions. Consumers are increasingly prioritizing brands that demonstrate social and environmental responsibility, pushing corporations to adopt more transparent and sustainable practices. This kind of consumer behavior, known as “voting with your wallet,” shows how individual actions can drive systemic change by encouraging businesses to align with more sustainable values.

Conscious consumption is gaining increasing importance in Kazakhstan, reflecting society's aspiration for sustainable development and environmental responsibility. Sociological studies provide valuable data on current trends and the perception of this concept among the population.

According to research conducted as part of the grant project "Development of the Circular Economy in Kazakhstan: Potential, Trends, and Prospects," 32.7% of respondents sort waste into two categories, 22.2% into three categories, while over a quarter of those surveyed do not sort waste at all. This survey, which included 3,448 participants, was conducted online in the spring of 2022 with equal representation of men and women, predominantly aged 19 to 45, of whom over 64% have higher education [12].

Another study conducted by the United Nations Development Programme (UNDP) in Kazakhstan revealed that 52.5% of respondents negatively assess the country's environmental situation, while 63% are aware of climate change issues and their consequences [13]. This survey involved 200 representatives from various sectors and students aged 14 and older from multiple regions of Kazakhstan.

Additionally, the UNDP study found that 80% of Kazakhstanis are willing to contribute personally to addressing climate change, indicating a high level of environmental awareness and readiness for action [14]. This survey included 2,168 participants from all regions of the country.

However, despite growing awareness, the level of environmental culture remains low. In a 2012 study, 63% of respondents considered the level of environmental culture among Kazakhstanis to be inadequate [15]. Although significant time has passed since then, such data highlight the need for further development of environmental education and increased awareness of conscious consumption.

Overall, these findings indicate positive shifts in the perception of conscious consumption and environmental responsibility in Kazakhstan. However, achieving sustainable changes requires joint efforts from the government, businesses, and society. These efforts should focus on developing waste recycling infrastructure, enhancing environmental culture, and supporting initiatives that promote conscious consumption.

Another emerging trend is digital consumption and minimalism, where technology plays a dual role. On one hand, the rise of digital platforms allows for less physical consumption; for instance, digital media (e-books, music streaming) reduces the need for physical resources like paper and plastic. On the other hand, the growing popularity of online shopping raises concerns about packaging waste and the environmental cost of logistics. Conscious consumers are starting to balance the convenience of digital platforms with the environmental implications of online purchases, favoring eco-friendly shipping options, or supporting brands with sustainable packaging practices. Minimalism as a lifestyle is also gaining traction, encouraging people to buy fewer but higher-quality items that are designed to last, reducing overall consumption.

Furthermore, localism is becoming an essential part of the conscious consumption culture. The idea of "buying local" is not only about supporting local economies but also about reducing the carbon footprint associated with long-distance transportation. Local products, especially in food consumption, often require fewer resources for shipping and storage and tend to be fresher and

more sustainable. Additionally, the local food movement promotes the use of seasonal, organic produce, which further reduces the environmental impact by minimizing the need for artificial growing environments and chemical interventions. This shift from global to local consumption patterns also fosters community resilience and supports small-scale, sustainable farming practices.

An important addition to the conversation is the circular economy concept, which complements the zero-waste principle. Unlike the traditional linear economy, where products are made, used, and then discarded, the circular economy emphasizes the continuous use of resources by recycling, reusing, and refurbishing products. This economic model ensures that waste is minimized and that materials and products are kept in use for as long as possible. More companies are adopting this model, offering services where products can be returned for recycling or resale, thus creating a more sustainable production-consumption loop. Brands like Patagonia, for example, are offering repair services and second-hand options to extend the life cycle of their products, encouraging consumers to buy less and keep items for longer periods.

Moreover, there is a growing movement toward plant-based consumption, which advocates for reducing or eliminating the consumption of animal products to mitigate environmental harm. The environmental impact of livestock farming is well documented, including its contributions to greenhouse gas emissions, deforestation, and water usage. As a result, more people are turning to plant-based diets, whether partially (flexitarian) or fully (vegan). The rise of plant-based alternatives, such as plant-based meat and dairy substitutes, has been driven by both environmental concerns and ethical considerations about animal welfare. This shift reflects a broader societal rethinking of how food production systems impact the planet and health.

In addition, consumer education and awareness campaigns play a crucial role in spreading the culture of conscious consumption. Governments, NGOs, and advocacy groups have increasingly focused on raising public awareness about sustainable practices, from reducing food waste to adopting energy-efficient appliances. Public campaigns that educate people on the environmental impacts of their daily choices – such as the carbon footprint of different foods or the benefits of recycling – are vital to fostering more conscious consumption patterns. These efforts, alongside policy measures such as bans on single-use plastics or incentives for energy-saving technologies, help create a more enabling environment for consumers who want to make responsible choices.

Finally, social media and digital communities have emerged as powerful tools in promoting conscious consumption. Influencers and environmental activists use platforms like Instagram, YouTube, and TikTok to share tips, products, and lifestyle choices that align with sustainable values. These platforms not only raise awareness but also create networks of like-minded individuals who support each other in adopting and maintaining eco-friendly habits. The visibility of sustainable practices on social media encourages broader participation and normalization of conscious consumption, making it a growing social trend that spans across various demographics and regions.

The culture of conscious consumption continues to evolve, incorporating new dimensions such as ethical purchasing, digital consumption, localism, the circular economy, plant-based diets, and the influence of digital communities. As this movement grows, it offers a viable path to addressing some of the most urgent environmental and social challenges of our time, from climate change to social inequality. Through a combination of individual actions, corporate responsibility, and supportive policies, conscious consumption is emerging as a powerful form of social activism aimed at creating a more sustainable and just world.

CONCLUSION

Conscious consumption as a new form of social activity represents a transformative shift in consumer behavior, rooted in awareness of the environmental, social, and ethical implications of daily choices. This emerging cultural trend, which spans across food management, fashion, waste reduction, resource consumption, and more, reflects a growing recognition of individual

responsibility toward global sustainability. Consumers are no longer passive participants in the economic system; they are increasingly adopting sustainable practices such as reducing food waste, embracing slow fashion, minimizing resource use, and supporting local and ethical products.

The rise of conscious consumption demonstrates the powerful role that individuals and communities can play in addressing global challenges like climate change, resource depletion, and environmental pollution. Moreover, it highlights the importance of corporate and governmental support, as responsible consumer habits can only be fully effective when supported by sustainable business practices and regulatory frameworks. The integration of concepts like the circular economy, ethical consumption, and zero-waste living offers a pathway toward a more sustainable future, while digital platforms and social media continue to amplify and normalize these practices.

In conclusion, conscious consumption is not only an individual choice but a collective movement that has the potential to drive significant social and environmental change. By fostering a culture of sustainability and responsibility, this new form of social activity can contribute to the development of a more equitable and ecologically resilient society. As more people and institutions embrace these principles, conscious consumption may evolve from a niche lifestyle into a foundational pillar of global efforts to secure a sustainable future for all.

The study of conscious consumption as a new form of social activity has demonstrated its crucial role in fostering a sustainable society and addressing contemporary environmental challenges. In Kazakhstan, the concept of conscious consumption is in its formative stage, emphasizing the need to popularize it among the population and integrate it into daily practices. To achieve this, attention should be given to several key areas.

First and foremost, it is essential to enhance government support aimed at developing waste recycling infrastructure and reducing excessive consumption. Government programs can act as catalysts for promoting sustainable practices in society. Additionally, engaging businesses is particularly important, as they can make significant contributions to the development of environmentally responsible production and the promotion of eco-friendly products.

Education and awareness campaigns are vital tools for changing public attitudes. Incorporating environmental education into school and university curricula, along with large-scale educational initiatives, can raise public awareness of the benefits of conscious consumption. This approach can help establish new social norms and make sustainable consumption practices more accessible and appealing to broader segments of the population.

For businesses, integrating the principles of conscious consumption into corporate culture is essential. This includes reducing the use of single-use plastics, adopting eco-friendly packaging, and promoting environmentally sustainable products. Such efforts not only support sustainable development but also enhance the positive image of companies committed to environmental values.

In conclusion, the development of conscious consumption in Kazakhstan requires a comprehensive approach that unites the efforts of the government, businesses, and society. This will create conditions for improving quality of life, increasing environmental responsibility, and advancing sustainable development across the country. Only through recognizing the importance of environmental responsibility and supporting initiatives can significant progress be made toward a sustainable future.

References

- Thogersen J. Green Shopping: For Selfish Reasons or the Common Good? // American Behavioral Scientist. — 2011. — Vol. 55, № 8. — P. 1052–1076.*
- Gallarini T., Vladimirova K. Sustainable Consumption and Social Justice: A Reflection on Environmental Practices // Journal of Cleaner Production. — 2016. — Vol. 134. — P. 87–96.*
- Европейская комиссия. Green Deal: New proposals to make sustainable products the norm and boost Europe's resource independence. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ec.europa.eu> (дата обращения: 25.06.2024).*

4. Организация Объединенных Наций. Sustainable Development Goals Report [Электронный ресурс]. — URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/> (дата обращения: 25.06.2024).
5. Ховавко И. Экономический анализ «мусорных конфликтов» (на примере современной России) // Экономика современной России. — 2020. — № 88. — С. 55–67.
6. Shen, B., Wang, Y., Lo, C.K.Y., & Shum, M. (2012). The impact of ethical fashion on consumer purchase behavior // *Journal of Fashion Marketing and Management*. — 2012. — Vol. 16, № 2. — P. 234–245.— [Electronic resource]. — URL: <https://doi.org/10.1108/13612021211222842> (accessed on: 03.05.2024).
7. Xanthos, D., & Walker, T.R. International policies to reduce plastic marine pollution from single-use plastics (plastic bags and microbeads): A review [Electronic resource] // *Marine Pollution Bulletin*. — 2017. — Vol. 118, № 1–2. — P. 17–26. — Available at: <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2017.02.048> (accessed on: 03.05.2024).
8. Song, J.H., Murphy, R.J., Narayan, R., & Davies, G.B.H. Biodegradable and compostable alternatives to conventional plastics. [Electronic resource] // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. — 2009. — Vol. 364, № 1526. — P. 2127–2139. — Available at: <https://doi.org/10.1098/rstb.2008.0289> (accessed on: 03.05.2024).
9. Pieroni, M.P.P., McAloone, T.C., & Pigosso, D.C.A. Business model innovation for circular economy and sustainability: A review of approaches [Electronic resource] // *Journal of Cleaner Production*. — 2019. — Vol. 215. — P. 198–216. — Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.01.036> (accessed on: 03.05.2024).
10. Thyberg, K.L., & Tonjes, D.J. Drivers of food waste and their implications for sustainable policy development [Electronic resource] // *Resources, Conservation and Recycling*. — 2016. — Vol. 106. — P. 110–123. — Available at: <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2015.11.016> (accessed on: 03.05.2024).
11. Раздельный сбор мусора: быть или не быть в России [Электронный ресурс]. — URL: https://tass.ru/spec/musor_sbor (дата обращения: 25.05.2024).
12. Экологическое поведение населения Казахстана: результаты социологического опроса. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://dknews.kz/ru/dk-life/305303-ekologicheskoe-povedenie-naseleniya-kazahstana> (дата обращения: 03.12.2024).
13. Программа развития ООН в Казахстане. Результаты социологического опроса об изменении климата и экологических проблемах. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/news/rezultaty-sociologicheskogo-oprosa-ob-izmenenii-klimata-i-ekologicheskikh-problemakh> (дата обращения: 03.05.2024).
14. Программа развития ООН в Казахстане. Исследование ПРООН: 80% казахстанцев готовы вносить личный вклад в решение проблемы изменения климата и помочь спасти планету. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/news/issledovanie-proon-80-kazahstancev-gotovy-vnosit-lichnyu-vklad-v-reshenie-problemy-izmeneniya-klimata-i-pomoch-spasti-planetu> (дата обращения: 03.05.2024).
15. Какие экологические проблемы казахстанцы считают наиболее острыми: соцопрос. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/kakie-ekologicheskije-problemy-kazahstancy-schitayut-naibolee-ostrymi-so-cpros_a3979812 (дата обращения: 03.05.2024).

References

1. Thøgersen J. Green Shopping: For Selfish Reasons or the Common Good? // *American Behavioral Scientist*. — 2011. — Vol. 55, № 8. — P. 1052–1076.
2. Gallarini T., Vladimirova K. Sustainable Consumption and Social Justice: A Reflection on Environmental Practices // *Journal of Cleaner Production*. — 2016. — Vol. 134. — P. 87–96.

3. Evropejskaya komissiya. *Green Deal: New proposals to make sustainable products the norm and boost Europe's resource independence*. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://ec.europa.eu> (data obrashcheniya: 25.05.2024).
4. Organizaciya Ob"edinennyh Nacij. *Sustainable Development Goals Report* [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/> (data obrashcheniya: 25.06.2024).
5. Hovavko I. *Ekonomicheskij analiz «musornyh konfliktov» (na primere sovremennoj Rossii)* // *Ekonomika sovremennoj Rossii*. — 2020. — № 88. — S. 55–67.
6. Shen, B., Wang, Y., Lo, C.K.Y., & Shum, M. (2012). *The impact of ethical fashion on consumer purchase behavior* // *Journal of Fashion Marketing and Management*. — 2012. — Vol. 16, № 2. — P. 234–245.— [Electronic resource]. — URL: <https://doi.org/10.1108/13612021211222842> (accessed on: 03.05.2024).
7. Xanthos, D., & Walker, T.R. *International policies to reduce plastic marine pollution from single-use plastics (plastic bags and microbeads): A review* [Electronic resource] // *Marine Pollution Bulletin*. — 2017. — Vol. 118, № 1–2. — P. 17–26. — Available at: <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2017.02.048> (accessed on: 03.05.2024).
8. Song, J.H., Murphy, R.J., Narayan, R., & Davies, G.B.H. *Biodegradable and compostable alternatives to conventional plastics*. [Electronic resource] // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. — 2009. — Vol. 364, № 1526. — P. 2127–2139. — Available at: <https://doi.org/10.1098/rstb.2008.0289> (accessed on: 03.05.2024).
9. Pieroni, M.P.P., McAloone, T.C., & Pigosso, D.C.A. *Business model innovation for circular economy and sustainability: A review of approaches* [Electronic resource] // *Journal of Cleaner Production*. — 2019. — Vol. 215. — P. 198–216. — Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.01.036> (accessed on: 03.05.2024).
10. Thyberg, K.L., & Tonjes, D.J. *Drivers of food waste and their implications for sustainable policy development* [Electronic resource] // *Resources, Conservation and Recycling*. — 2016. — Vol. 106. — P. 110–123. — Available at: <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2015.11.016> (accessed on: 03.05.2024).
11. *Razdel'nyj sbor musora: byt' ili ne byt' v Rossii* [Elektronnyj resurs]. — URL: https://tass.ru/spec/musor_sbor (data obrashcheniya: 25.05.2024).
12. *Ekologicheskoe povedenie naseleniya Kazahstana: rezul'taty sociologicheskogo oprosa*. [Elektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: <https://dknews.kz/ru/dk-life/305303-ekologicheskoe-povedenie-naseleniya-kazahstana> (data obrashcheniya: 03.05.2024).
13. *Programma razvitiya OON v Kazahstane. Rezul'taty sociologicheskogo oprosa ob izmenenii klimata i ekologicheskikh problemakh*. [Elektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/news/rezultaty-sociologicheskogo-oprosa-ob-izmenenii-klimata-i-ekologicheskikh-problemakh> (data obrashcheniya: 03.05.2024).
14. *Programma razvitiya OON v Kazahstane. Issledovanie PROON: 80% kazahstancev gotovy vnosit' lichnyj vklad v reshenie problemy izmeneniya klimata i pomoch' spasti planetu*. [Elektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/news/issledovanie-proon-80-kazahstancev-gotovy-vnosit-lichnyy-vklad-v-reshenie-problemy-izmeneniya-klimata-i-pomoch-spasti-planetu> (data obrashcheniya: 03.05.2024).
15. *Kakie ekologicheskie problemy kazahstancy schitayut naibolee ostrymi: socopros*. [Elektronnyj resurs] — Rezhim dostupa: https://www.inform.kz/ru/kakie-ekologicheskie-problemy-kazahstancy-schitayut-naibolee-ostrymi-so-cpros_a3979812 (data obrashcheniya: 03.05.2024).

**СЯСИ ҒЫЛЫМДАР ПРОБЛЕМАЛАРЫ
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE**

SRSTI 04.41.61

DOI: 10.51889/2959-6270.2024.87.3.005

A. Kurmangali^{1*}, Gabdykhair M.¹

¹*Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan*

e-mail: aymena@mail.ru

**CONTEMPORARY GLOBALIZATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF THE
DEMOGRAPHIC DIMENSION**

Abstract

Modern processes of globalization and their demographic interpretation are the latest trend of political reality for the states of the modern world. The processes inherent in the world community have really acquired a real global character. For a certain time, the states have been addressing issues in the field of demography and its impact on political reality in a fairly timely manner. At the same time, the researched topic has really raised the question of the effectiveness of governments and the conglomeration of the world community in the face of demographic challenges that have acquired a global character. The authors of the presented article, relying on the research of a wide range of recent and diverse sources and using the methods of scientific research, tried to reveal the essence and mutual influence of globalization processes and demography. The main results and conclusions of this article make a certain contribution to the study and prevention of the latest threats and challenges at the level of sovereign states and their associations for joint prevention of political, social, cultural and other problems. In addition, there is an objective need to conduct a different range of research on the widest range of issues related to globalization and demographic processes, such as population ageing, the growth of the middle class, and the impact of new technologies. In this regard, the authors of the article highlight the relevance of the analyzed data and the situation in the world in the context of prevention of world threats in the globalizing political community.

Keywords: globalization, demographic processes, population aging, middle class growth, new technologies, demographic challenges, global community, political stability.

Курмангали А.К.¹, Габдылхаир М.¹

¹*Казахский национальный педагогический университет имени Абая*

Алматы, Казахстан

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ**

Аннотация

Современные процессы глобализации и их демографическая интерпретация являются новейшим трендом политической действительности для государств современного мира. Процессы, присущие мировому сообществу действительно обрели настоящий глобальный характер. В течении определённого времени государства достаточно своевременно решали вопросы в области демографии и ее влияния на политическую действительность. В тоже время, исследованная тема, действительно поставила вопрос эффективности деятельности правительств и конгломерации мирового сообщества перед демографическими вызовами,

обретшей глобальный характер. Авторы представленной статьи опираясь на исследования широкого круга новейших и разнообразных источников и с привлечением методов научного исследования попытались раскрыть сущность и взаимовлияние процессов глобализации и демографии. Основные результаты и заключения данной статьи вносят определенный вклад в исследование и предотвращение новейших угроз и вызовов на уровне суверенных государств и их объединений для совместного предупреждения политических, социальных, культурных и иных проблем. Кроме того, назрела объективная необходимость в проведении различного круга исследований по самому широкому кругу вопросов, связанных с глобализацией и демографическими процессами, такими как старение населения, рост среднего класса, влияние новых технологий. В связи с этим, авторы статьи выделяют актуальность проанализированных данных и ситуации в мире в контексте предупреждения мировых угроз в глобализирующемся политическом сообществе.

Ключевые слова: глобализация, демографические процессы, старение населения, рост среднего класса, новые технологии, демографические вызовы, мировое сообщество, политическая стабильность.

Құрманғали А.Қ.¹, Габдылхаир М.²

*¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан*

ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ӨЛШЕМ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ЗАМАНАУИ ЖАҒАНДАНУ ПРОЦЕСТЕРІ

Аңдатпа

Заманауи жаһандану процестері және олардың демографиялық түсіндірмесі қазіргі әлем мемлекеттері үшін саяси шындықтың соңғы тенденциясы болып табылады. Дүниежүзілік қауымдастыққа тән процестер шын мәнінде жаһандық сипат алды. Белгілі бір уақыт ішінде мемлекеттер демография және оның саяси шындыққа әсері саласындағы мәселелерді дер кезінде шешіп отырды. Сонымен бірге, зерттелген тақырып шынымен де жаһандық сипатқа ие болған демографиялық сын-қатерлер жағдайында үкіметтер мен әлемдік қауымдастықтың конгломерациясының тиімділігі туралы мәселені көтерді. Ұсынылған мақала авторлары кең ауқымды жаңа және алуан түрлі көздерден алынған зерттеулерге сүйене отырып және ғылыми зерттеу әдістерін қолдана отырып, жаһандану және демографиялық процестердің мәні мен өзара әсерін ашуға тырысты. Осы мақаланың негізгі нәтижелері мен тұжырымдары саяси, әлеуметтік, мәдени және басқа да проблемаларды бірлесіп алдын алу үшін егеменді мемлекеттер мен олардың бірлестіктері деңгейінде жаңа қауіптер мен сын-қатерлерді зерттеу мен алдын алуға белгілі бір үлес қосады. Сонымен қатар, жаһандану мен демографиялық процестерге байланысты халықтың қартаюуы, орта таптың өсуі, жаңа технологиялардың әсері сияқты кең ауқымды мәселелер бойынша әртүрлі ауқымды зерттеулер жүргізудің объективті қажеттілігі туындады. Осыған байланысты мақала авторлары талданған деректердің өзектілігін және жаһанданушы саяси қоғамдастықта жаһандық қауіптердің алдын алу контекстіндегі әлемдегі жағдайды атап көрсетеді.

Түйін сөздер: жаһандану, демографиялық процестер, халықтың қартаюуы, орта таптың өсуі, жаңа технологиялар, демографиялық мәселелер, жаһандық қауымдастық, саяси тұрақтылық.

MAIN PART

For an individual country, the impact of globalization becomes visible by the level of its integration into the world economy. This level is determined by many factors, including the ratio of

foreign trade turnover to GDP, the inflow and outflow of foreign direct investment and portfolio investment, and the flow of royalties through technology transfer. Globalization can be measured by the intensity of economic, social and inter-ethnic relations, as well as the cross-border movement of capital, goods, services, resources and innovation. Due to all this, globalization can be seen as a multilevel process central to the development of supranational economies.

Modern globalization processes have a significant impact on the demographic development of states, creating both new opportunities and serious challenges for the global economy and social order. One of the key trends highlighted by the authors is the aging of the population in developed countries, which leads to a reduction in the labor force and a slowdown in economic growth. This requires a reconsideration of approaches to pension programs, healthcare, and social security, which in turn opens up opportunities for businesses, especially in the field of medical services and technologies.

The growth of the middle class in developing countries is also an important demographic factor that accelerates globalization. This process creates vast new markets for goods and services, stimulating global economic growth. However, the increasing demand for natural resources such as water and energy presents new challenges for companies and governments related to sustainable development and environmental protection. Globalization also influences the standardization of demand in international markets. The growing interdependence of countries forces businesses to develop unified global strategies to meet this standardized demand. Financial flows are becoming increasingly transnational, which strengthens the interconnectedness of economies and promotes the development of international trade.

The authors emphasize that coordinated international efforts are necessary to successfully overcome the challenges related to demography and globalization. Global demographic processes require broader analysis and the development of strategies aimed at preventing threats to the global community.

INTRODUCTION

Globalization has been a defining characteristic of the world economy for many years, changing the way people and businesses interact across geographical boundaries. This trend has emerged through technological development, changes in trade policy and the expansion of transnational corporations. Recently, however, there have been notable changes in demographics that are expected to have a significant impact on the future development of globalization.

The purpose of this article is to reveal the essence of modern globalization by identifying its relationship with demographic factors.

The authors assume as a result of multilateral analysis to identify the dependence of globalization on various demographic factors, such as the aging of the population, the state of the middle class, the development of technology.

Modern globalization processes are complex and multifaceted phenomena that impact all aspects of human life, including the economy, politics, and social structures. One of the most significant dimensions of globalization is its influence on demographic processes, which play a key role in the development and stability of both individual states and the global community as a whole. This research was conducted in response to the growing need for a deeper understanding of the relationship between globalization and demographic changes, as demographic factors increasingly impact global economic and political processes.

The aim of this research is to reveal the essence of modern globalization processes through the lens of demographic changes. In particular, the study focuses on aspects such as population aging, the rise of the middle class, and the influence of new technologies. It also seeks to analyze how these demographic factors affect global challenges, including economic, social, and environmental consequences.

The research hypotheses are as follows: Population aging in developed countries negatively

affects economic growth and requires new approaches to workforce management and social protection. The growth of the middle class in developing countries stimulates global economic activity but also creates new challenges for sustainable development. Globalization processes intensify the standardization of demand in global markets, leading to the necessity of creating unified global strategies to address demographic and economic challenges.

The research is based on the analysis of a wide range of sources and methods, providing a comprehensive understanding of the interaction between globalization and demographic processes.

METHODOLOGY

The world political community, which includes the territories of all member states, is a unique region at the same time unique and at the same time subject to the factors of globalization, bringing something common and universal. It also becomes interesting in the context of globalization research through revealing the essence of demographic processes. In the context of globalization and intensification of migration processes, the issues of demography are becoming more and more relevant. Globalization also faces many political challenges and problems, including in the field of demography. Political science aspects of globalization and demography have an important impact on interstate relations and security issues. While globalization on the one hand promotes mutual understanding and cooperation, on the other hand, it also raises demography-related issues such as migration, national politics, political stability and geopolitical interests may hinder its positive effects. This article is presented as an attempt to analyze the problems related to globalization and demography from an international political perspective and proposals for their solution. The main threats and challenges and ways to resolve these problems through international cooperation are analyzed. The analysis is based on the works of leading political scientists and experts. At the same time, the article used a comprehensive approach in the analysis of demographic trends in the development of the world community in the era of globalization.

In a study on the impact of economic diplomacy in attracting foreign investment to emerging markets, Mintodê Nicodème Atchadé, Christian Mahoudjro, and Harrison Houenou De-Dravo developed a composite index to measure diplomatic activity, highlighting the influence of economic diplomacy on foreign capital flows to developing nations.

An article by Pervez Ghauri, Lars Oxelheim, and Trond Randoy acknowledges the evolving geopolitical landscape and emerging policy perspectives, analyzing the relationship between multinational corporations and governments/central banks and exploring the implications for business policy, particularly in sustainable finance.

Carlos Yopez and Walter Leimgruber's work reviews key research and developments in these interrelated fields since 2020, evaluating the post-pandemic progression of these sectors and identifying major trends, challenges, and opportunities that have arisen in the wake of the Covid-19 pandemic.

The study on modern globalization processes and their relationship with demographic changes was conducted from 2021 to 2023, covering a wide range of countries, including both developed and developing nations. A comprehensive approach was employed, incorporating both quantitative and qualitative research methods.

A detailed analysis of existing statistical data on demographic changes and globalization processes was conducted using international sources such as the World Bank, the United Nations, the International Labour Organization (ILO), and other global organizations. These data helped identify key trends related to population size changes, age structure, migration processes, and the growth of the middle class.

Content analysis was used to study scientific publications, reports, and policy documents related to globalization, demography, and their interactions. The focus was on the impact of demographic processes on the economy, politics, and sustainable development.

This method allowed for the examination of changes in globalization and demographic processes over time and their impact on different regions of the world. Economic and demographic

indicators from different phases of globalization were compared, offering a deeper understanding of the relationship between these phenomena.

Based on the data collected, models were developed to forecast the further development of globalization processes, considering demographic changes such as population aging and middle-class growth. The models also evaluated the potential consequences for the global economy and social stability.

Thus, the comprehensive methodological approach enabled the study of demographic changes in the context of globalization processes, identifying their impact on the economic and social systems of various countries and regions, and suggesting potential solutions to emerging global challenges.

The study reveals that demographic processes, especially aging populations and the growth of the middle class, are deeply intertwined with globalization. These demographic shifts will significantly impact economic growth, innovation, and social stability, calling for global strategies to manage these changes. Governments, businesses, and international organizations must collaborate to address the challenges and opportunities posed by these demographic trends in the context of an increasingly globalized world.

RESULTS AND DISCUSSION

One of the most important demographic trends is the aging of populations in many countries. As populations age in many regions of the world, there is growing concern that these demographic shifts could have a significant impact on the global economy. Regions with aging populations are expected to experience a shrinking labor force as older workers become less dynamic and adaptable. This, in turn, will lead to lower productivity and innovation and, consequently, slower economic growth.

On the other hand, an aging population opens up new business opportunities, especially in health care and related services. As people age, their need for health care increases, which is likely to increase demand for services such as geriatric care, nursing homes, and home care. The increased need for health care services may lead to increased sales for businesses in this sector, creating new markets for companies specializing in health care and medical technology.

In addition, an ageing population is likely to have wider implications for society as a whole. Governments and policymakers will need to address how to provide sufficient support for an aging population, including pension plans, social security and health care systems. But as these challenges become more pressing, they also present opportunities for businesses and entrepreneurs to create innovative solutions to support the older generation and overcome the social and economic challenges associated with demographic aging.

Another important demographic trend shaping the future of globalization is the growth of the middle class in emerging economies. It will create vast new markets for goods and services, potentially stimulating significant global economic activity. As more and more people become part of the middle class, they are expected to demand continual improvements in living standards and the quality of available goods and services, which in turn stimulates innovation and competition in a wide variety of industries.

However, the growth of the middle class is also putting enormous pressure on businesses operating in emerging market economies. As demand for resources such as energy, water and raw materials increases, companies that depend on them may face increased competition and possibly higher prices for these resources that they simply cannot afford. And in the absence of access to them or any other potential alternative, companies may not be able to compete with campaigns operating in developed countries. In particular, the growth of the middle class is expected to put additional strain on environmental resources such as water and land, which is detrimental to sustainable development and the environment.

But despite these challenges, the growth of the middle class in emerging economies could become an important driver of global economic growth in the coming years. By entering this new market, businesses that can adapt to local market conditions and consumer preferences can open up new opportunities for growth and expansion. The middle class is growing and is likely to provide businesses with new opportunities to develop products and services that meet the diverse needs and preferences of these consumers [1].

Globalization has one very important aspect: it includes standardization of demand in different commodity markets. Over time, such phenomena have led to the replacement of regional marketing strategies by a single global strategy, since the latter is more appropriate to meet standardized demand in different markets [2, p. 41-93]. In other words, global challenges of the world society require the development of strategies for their solution on a global scale, which, in turn, only intensifies the processes of globalization.

Therefore, our world is undeniably more interconnected than, before these days, due to globalizations pace of advancement. Financial capital is no longer confined within national boundaries. It now wields significant influence in shaping the worldwide economic environment, measures advocating for openness have ushered in investments and facilitates the unrestricted movement of capital, across national borders. This shift has paved the way for countries to improve their prospects by tapping into financial reserves, cutting edge technologies and international trade connections.

Financial capital also plays a role in driving progress and encouraging creativity while also securing the long term viability of different economies on a global scale. Through participation in the market scene countries have the opportunity to leverage capital to propel growth forward by fostering innovation and leveling disparities thus fortifying their position, within the global economy realm. Therefore it is evident that capital holds importance in molding not individual economies but also influencing the broader spectrum of the global economic landscape.

Various studies and research findings indicate a strong and statistically significant correlation between diplomatic efforts of a state and the inflow of foreign capital. The presence of diplomatic institutions, such as embassies, exist to build trust and create ways for dialogue, improving relationships that could eventually promote more inflow of capital into the economy.

However, the number of embassies or diplomatic missions alone cannot be seen as the sole reason of a country's success in economic diplomacy. While diplomatic infrastructure certainly strengthens international relations and investment attraction, other decisive factors also play a role in shaping how foreign capital flows. Economic diplomacy operates within broader layers of economic and socio-political conditions that collectively influence a country's ability to attract foreign investments.

For example, a country's debt level can either attract or deter foreign investors. Countries with high debt levels may appear riskier, limiting the flow of capital, while countries with lower debt levels present a more appealing opportunity.

Additionally, domestic savings rates can also influence a country's ability to support investment, as higher savings reduce reliance on external capital. There's also another crucial component - political stability, as investors typically seek markets that are not only economically promising but also politically secure. Political unrest or instability can severely reduce a country's appeal, regardless of how strong its diplomatic network might be. [3].

Thus, while diplomacy is indeed a valuable tool for attracting foreign capital, it must be seen as part of a larger, more complex system of economic and political factors that influence the movement of international capital.

These factors give rise to many specific manifestations of the globalization process and even create new branches due to the evolution of productive forces as an objective result and as a subjective process of expansion of national economies of “weaker” countries in relation to economically developed states. The expected result of such a process is an increase in the economic

efficiency of individual countries, rational management of national and world resources, as well as the overall positive impact of economic actors within the world economic system.

The most important characteristic of globalization trends is the considerable power wielded by developed countries, as they are home to most transnational corporations. These countries are home to the leading international economic organizations, and therefore they are also making decisive steps for the whole world, shaping the development of the global trading environment. Their economic power has rebalanced the world, making a strong shift towards high-tech and knowledge-intensive industries as opposed to low-tech and resource-oriented industries. This has favored countries with more competitive economic structures, hence a disproportionate amount of global income ends up in their hands. But this process is also accelerating, resulting in even greater disparities in the economic fortunes of individual countries as globalization advances.

The impact of technology on the future of globalization cannot be overemphasized, as technological advances have already enabled businesses to operate effectively on a global scale. However, it is the evolution of technology and its further development that is expected to shape the future course of globalization. The development of new communication and transportation technologies will open up new and innovative ways of doing business internationally. Thus, economists suggest that modern globalization is characterized by significant changes in the technical, technological, transport, communication and information infrastructure of the economy, combined with the widespread use of biological and aerospace technologies and advances in artificial intelligence [4, p. 32-39].

For example, unmanned vehicles can revolutionize the transportation and logistics industry, making it faster and more efficient in moving goods over long distances. The introduction of unmanned vehicles can also lead to a reduction in transportation costs, which means increased competitiveness of businesses on the global stage. This will inevitably lead to increased trade and economic activity, as companies will be able to transport goods more efficiently and at a lower cost.

What's more, there are new advances in communications technology, such as the development of 5G networks and artificial intelligence. And this opens up new opportunities for companies to engage with their consumers and partners around the world. For businesses, it is an opportunity to reach new markets and attract new customers, which ultimately increases opportunities for growth and expansion.

Overall, the technology wave is expected to be critical in shaping globalization and its future trends. Technology will support companies in new ways of operating on a global scale through economic growth, global trade, and global collaboration. As technology continues to change, companies must adapt quickly to keep up with competitors from around the world.

The world experience of the second half of the twentieth century shows that despite special conditions, national peculiarities of development, crises and internal transformations, the objective forces driving globalization continue to operate and cannot be canceled or postponed [5, p.12].

Along with all the advantages that globalization brings with it, there are also potential dangers that can be divided into short-term and long-term. Short-term risks are closely related to the foreign policy of developed countries and their economic growth strategies, as well as the spread of their national interests on a global scale. Long-term risks, on the other hand, are rooted in the very nature of globalization. In the redistribution of resources and benefits, leading countries often receive the largest share. This unequal and possibly even unfair distribution can lead to international conflicts [3].

For national economies to effectively participate in global economic relations, they must introduce new “rules of the game” by creating favorable conditions for business through effective economic policies. Under these conditions, competition between economic entities is intensifying, which makes the formation of a competitive national economic model one of the key priorities for growth.

In the last few years, there has been a tremendous acceleration in the development of the world market: about 80% of world GDP and 85% of world exports are accounted for by economic regional groupings [6]. Globalization is a long process of economic system formation. It does not remove the state from the processes of management in the economy, but transforms the economic functions of the state, delegating certain powers to the global level. In the process of globalization, the structural characteristics of national economies in the world economy go beyond geographical boundaries and contribute to the formation of global rules of economic development and competitive environment. The results of globalization are ambiguous, and the overall outcome depends on whether the state can pursue appropriate policies in developing its own competitive advantages.

Finally, the spread of nationalism and protectionism in many countries is a serious problem that could slow down further globalization processes. Recently, there has been a growing sense of disillusionment with globalization, especially in developed countries, where most people believe that it is responsible for the loss of indigenous jobs, economic inequality, and other social and economic ills. This perception has led to the rise of nationalistic policies and protectionism in the form of tariffs, trade barriers and other measures that can be colossal obstacles for many companies in their global operations. Such policies are protectionist in nature; they protect domestic industry from foreign competition. However, it may cost retaliatory measures from other countries and could lead to a global trade war. This could further destabilize the world economy and also limit growth in terms of expansion and outreach of firms globally.

Moreover, the rise of nationalism and protectionism could further disintegrate the world economy as countries become more focused on domestic production and consumption of goods, eschewing active global trade and cooperation. This will lead to inefficiencies for businesses operating in such regions, whose costs will rise as opportunities shrink.

The rise of nationalism and protectionism poses a serious challenge to the sustainable development of globalization. This has not only brought to the forefront the negative aspects associated with globalization in terms of economic and social issues, but has also created new opportunities for global business and international economic growth. There will be a price to pay for this, as politicians and businessmen will have to find solutions that will allow people to stay away from globalization and thus benefit everyone [7].

Generally speaking, businesses that are able to adapt to a complex and dynamic global environment that changes according to demographic, technological, political and economic situations are more likely to be prepared to succeed within the global economy. Recognizing the opportunities and challenges of the new demographic world allows companies to develop strategies that increase market size and global competitiveness.

Therefore, it is necessary to realize and form a multi-level national economic model, in which each component contributes to the overall positive effect for the competitive development of the country's economy. The components of the highest level are transnational cycles of reproduction, formation and distribution. The components of the second level include mechanisms for including the country in the system of regional relations according to the standards of the European Union, and the third - bilateral relations with countries corresponding to the level of development of Kazakhstan.

In particular, the strengthening of globalization and integration processes in the world economy only emphasizes the need to choose the role and place of the national economy and its components in the system of world economic relations.

Most economic experts believe that globalization will increase in the coming years, but at a slower pace than in the past. The rise of populism and protectionism in some countries is creating trade tensions and barriers that could derail globalization. In addition, the COVID-19 pandemic has disrupted global trade and supply chains, forcing a rethinking of the fact that production may need to be regional rather than global [8].

By some estimates, emerging markets, including China and India, will continue to grow and become increasingly important in the global economic space. Developed countries, on the other hand, will face the challenges of aging populations and declining birth rates, which could lead to a shrinking labor force and weaker economic growth.

In addition, technological breakthroughs such as artificial intelligence and automation will change the very process of business interaction and trade between enterprises. While these changes will open up new opportunities, they may also lead to job displacement and other problems [9].

Policy flexibility has been reduced in the post-pandemic environment. The reason is that, with larger deficits, higher debt, larger financing needs, and less room to cut domestic interest rates, policy coordination will be important in supporting both growth and stability while maintaining independence for fiscal, monetary, and regulatory authorities. For example, when inflationary pressures are low, monetary policy can continue to support domestic demand, even as fiscal support is withdrawn.

As economies recover at different rates, policymakers must navigate new trade-offs that arise from market pressures. A flexible exchange rate can typically cushion external shocks, but under certain conditions, it can have the opposite effect. For instance, the depreciation of the domestic currency raises the burden from foreign-exchange-denominated liabilities and adds to market pressure. Additionally, currency depreciation can fuel inflation if monetary policy lacks credibility. Managing financial volatility is a key concern for many emerging market policymakers and is central to the IMF's Integrated Policy Framework.

Past crises have demonstrated that emerging market policymakers can endure significant disruptions and successfully restore economic stability. In fact, medium-term growth prospects continue to remain quite strong for most emerging markets. However, to fully realize their growth potential and boost global economic activity, trade, investment, and finance, these developing economies require a coordinated global effort.

First, emerging markets need to restore the macroeconomic strength they achieved after the financial crises of the 1990s, early 2000s, and the global financial crisis of 2008. As the recovery from the pandemic progresses at varying rates, emerging markets should share insights to better manage risks and bolster resilience. As the pace of recovery from the pandemic differs across regions, emerging markets should collaborate and share knowledge to improve risk management and find better stability. This effort extends beyond these economies, as their growing importance in the global economy helps sustain global security.

Second, advanced economies need to do their part, too: multilateral cooperation on free trade, vaccines, taxation, dollar liquidity in times of financial stress, and, of course, climate change. Some emerging markets will also need financial help to rebuild along a more sustainable path that does not exacerbate climate change challenges.

And third, global development and financial institutions must work together in complementary ways [10].

The findings of this study underscore the dual nature of globalization, revealing both its significant advantages and inherent challenges. The results imply that while globalization presents opportunities for economic growth and international collaboration, it also exacerbates disparities between developed and developing nations. As demonstrated, developed countries, hosting most transnational corporations, exert considerable influence over the global trading environment. This power imbalance leads to a disproportionate distribution of global income, ultimately intensifying economic inequality among nations.

Moreover, the rise of technological advancements further shapes the future of globalization. Innovations in communication, transportation, and artificial intelligence present new avenues for businesses to operate globally, enhancing competitiveness and efficiency. However, this technological wave also introduces complexities, necessitating that countries adapt swiftly to remain competitive in an ever-evolving landscape.

The current research aligns with the findings of other scholars who have examined the intricate interplay between globalization and national economic policies. Previous studies indicate that the development of competitive economic models is vital for countries to effectively engage in global economic relations. The consensus among experts emphasizes that emerging markets, particularly those in Asia, will play an increasingly pivotal role in the global economy, even as developed nations grapple with demographic challenges, such as aging populations.

Looking forward, the implications of this study highlight several avenues for future research. Investigating the long-term effects of globalization on socio-economic structures, especially in developing nations, is crucial. Additionally, examining the impact of technological advancements on labor markets and exploring potential solutions to mitigate job displacement could provide valuable insights for policymakers. The ongoing tension between globalization and rising nationalism will also require thorough exploration, particularly as protectionist sentiments gain traction in various regions.

CONCLUSION

Countries with effective policies to improve their own competitiveness are taking advantage of globalization. But without a unified policy of national economic development, crisis phenomena emerge, limiting a country's long-term international competitive advantages in the global economy and weakening its international competitive position. Thus, countries face a choice of how to use globalization for their own benefit and neutralize its threats associated with institutional backwardness. Thus, institutional capacity is an important tool for maximizing the benefits of globalization and neutralizing threats by developing appropriate mechanisms to ensure global competitiveness in the economic policy of any country, including Kazakhstan.

Overall, the future of globalization is uncertain. Numerous factors play a role, such as political and economic conditions, demographic trends, and technological advances. While some experts are confident about the future of globalization, others believe that we may be entering a new era of globalization, with different priorities and challenges than in the past.

In conclusion, this study elucidates the complex relationship between globalization and demographic changes, emphasizing the need for effective national policies to harness the benefits of globalization while mitigating its challenges. The findings reveal that countries with robust policies to enhance their competitiveness can leverage globalization for economic growth. Conversely, the absence of a unified national development strategy can lead to crises that undermine a country's long-term competitive advantages in the global arena.

The results also highlight the significance of institutional capacity as a crucial tool for maximizing the benefits of globalization. By developing appropriate mechanisms to ensure global competitiveness, nations, including Kazakhstan, can navigate the intricacies of globalization effectively.

Ultimately, the future of globalization remains uncertain, influenced by a multitude of factors including political conditions, demographic trends, and technological advancements. While some experts express optimism about globalization's trajectory, others caution that we may be entering a new phase characterized by distinct priorities and challenges. Continued dialogue and research are essential to understanding and adapting to these evolving dynamics, ensuring that globalization contributes to sustainable development and equitable growth for all nations.

References:

I Dramani L. Patierno K. Akpo K. E. Ndoye E. M. Y. Kama M. C. N. Eight Demographic Trends We're Watching as the World Population Passes 8 Billion. [Электрон.ресурс]. – 2022. – URL: <https://www.prb.org/articles/eight-demographic-trends-were-watching-as-the-world-population-passes-8-billion/> (Дата обращения: 23.02.2023)

2 Цёмик Ю. В. Совершенствование внешнеэкономической деятельности агропромышленного комплекса: дис. ... канд. эконом. наук: 08.07.02 / Цемик Юлия Васильевна. – Симферополь, 2007. – 178 с.

3 Atchadé M. N., Mahoudjro C., De-Dravo H. H. A new index to assess economic diplomacy in emerging countries // *Research in Globalization*. – 2024. – Т. 8. – С. 100205.

4 Чухно А. А. Постиндустриальная экономика: теория, практика и их значение для Украины / А. А. Чухно. – М.: Логос, 2003. – 631 с.

5 Глобализация и безопасность развития: монография / А. Г. Белорус, Д. Г. Лукьяненко, М. А. Гончаренко, В. А. Зленко [и др.]; кер. авт. цв. и науч. ред. О. Г. Белорус. – М.: КНЭУ, 2001. – 733 с.

6 Johnson J. A. et al. *The Economic Case for Nature: A global Earth-economy model to assess development policy pathways*. – 2021.

7 Ghauri P., Oxelheim L., Randoy T. *The Changed Geopolitical Map: Implications for Business Policy in a Sustainable Finance Perspective*. – 2023.

8 Pazarbasioglu C., Mora A. G. *Strengthen Insolvency Frameworks to Save Firms and Boost Economic Recovery* // *World Bank Blog, May*. – 2020. – Т. 18.

9 Yopez C., Leimgruber W. *The evolving landscape of tourism, travel, and global trade since the Covid-19 pandemic* // *Research in Globalization*. – 2024. – С. 100207.

10 Duttagupta R., Pazarbasioglu C. *MILESto go* // *Finance & Development, International Monetary Fund*. – 2021.

References:

1 Dramani L. Patierno K. Akpo K. E. Ndoeye E. M. Y. Kama M. C. N. *Eight Demographic Trends We're Watching as the World Population Passes 8 Billion*. [Jelektron.resurs]. – 2022. – URL: <https://www.prb.org/articles/eight-demographic-trends-were-watching-as-the-world-population-passes-8-billion/> (Data obrashhenija: 23.02.2023)

2 Cjomik Ju. V. *Sovershenstvovanie vneshnejekonomicheskoy dejatel'nosti agropromyshlennogo kompleksa: dis. ... kand. jekonom. nauk: 08.07.02 / Cemik Julija Vasil'evna*. – Simferopol, 2007. – 178 s.

3 Atchadé M. N., Mahoudjro C., De-Dravo H. H. *A new index to assess economic diplomacy in emerging countries* // *Research in Globalization*. – 2024. – Т. 8. – S. 100205.

4 Chuhno A. A. *Postindustrial'naja jekonomika: teorija, praktika i ih znachenie dlja Ukrainy / A. A. Chuhno*. – М.: Logos, 2003. – 631 s.

5 *Globalizacija i bezopasnost' razvitija: monografija / A. G. Belorus, D. G. Luk'janenko, M. A. Goncharenko, V. A. Zlenko [i dr.]; ker. avt. cv. i nauch. red. O. G. Belorus*. – М.: KNJeU, 2001. – 733 s.

6 Johnson J. A. et al. *The Economic Case for Nature: A global Earth-economy model to assess development policy pathways*. – 2021.

7 Ghauri P., Oxelheim L., Randoy T. *The Changed Geopolitical Map: Implications for Business Policy in a Sustainable Finance Perspective*. – 2023.

8 Pazarbasioglu C., Mora A. G. *Strengthen Insolvency Frameworks to Save Firms and Boost Economic Recovery* // *World Bank Blog, May*. – 2020. – Т. 18.

9 Yopez C., Leimgruber W. *The evolving landscape of tourism, travel, and global trade since the Covid-19 pandemic* // *Research in Globalization*. – 2024. – S. 100207.

10 Duttagupta R., Pazarbasioglu C. *MILESto go* // *Finance & Development, International Monetary Fund*. – 2021.

М.Н. Жакупова¹, Д.Д. Отепова^{1*}

¹ *Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, г. Алматы, Казахстан;*
e-mail: Dilyara.otepova@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы политической культуры молодежи Южной Кореи, которая остается недостаточно изученной в социально-политической науке. Исследование направлено на изучение исторических корней политической культуры молодежи, особенностей ее формирования и современных вызовов, с которыми сталкивается молодежь в Южной Корее. Методологическая основа исследования включает исторический метод, сравнительный анализ и социологический подход, что позволяет рассмотреть феномен в контексте политических, социальных и культурных изменений в Южной Корее.

Основными выводами исследования являются выявление активной роли молодежи в демократизации общества и развитие правовой культуры, поддерживаемое молодежными движениями и протестами. Одним из ключевых факторов является использование интернет-платформ для выражения политических взглядов, что способствует формированию общественного мнения и усилению политической активности. В статье отмечаются существующие барьеры, такие как ограниченное представительство молодежи в ключевых политических институтах, включая Национальную ассамблею и местные собрания, что сдерживает участие молодежи в политическом процессе.

Исследование подчеркивает необходимость поддержки политического участия молодежи через реформы и политическое образование. Основные ограничения исследования включают отсутствие единых данных по политическим предпочтениям молодежи и сложность измерения долгосрочного влияния новых медиа на политическую культуру. Перспективы дальнейших исследований заключаются в углубленном изучении механизмов, способствующих более активному участию молодежи в политике и укреплению демократических ценностей.

Ключевые слова: Политическая культура, молодежь, молодежные организации, Южная Корея, политическая социализация, студенческие движения, политический активизм, трансформация политической культуры.

М.Н. Жакупова¹, Д.Д. Отепова¹

¹ *Абылай хан атындағы қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, алматы, қазақстан;*

ОҢТҮСТІК КОРЕЯ ЖАСТАРЫНЫҢ САЯСИ МӘДЕНИЕТІ

Аңдатпа

Мақалада әлеуметтік-саяси ғылымда жеткілікті зерттелмеген Оңтүстік Корея жастарының саяси мәдениеті мәселелері қарастырылады. Зерттеу жастардың саяси мәдениетінің тарихи тамырларын, оның қалыптасу ерекшеліктерін және Оңтүстік Кореядағы жастардың қазіргі кездегі қиындықтарын зерттеуге бағытталған. Зерттеудің әдіснамалық негізіне Оңтүстік Кореядағы саяси, әлеуметтік және мәдени өзгерістер контекстінде

құбылысты қарастыруға мүмкіндік беретін тарихи әдіс, салыстырмалы талдау және социологиялық көзқарас кіреді.

Жастардың қозғалыстары мен наразылықтары қолдау тапқан қоғамды демократияландыру және құқықтық мәдениетті дамытудағы жастардың белсенді рөлін анықтау зерттеудің негізгі қорытындылары болып табылады. Негізгі факторлардың бірі - қоғамдық пікірді қалыптастыруға және саяси белсенділікті арттыруға көмектесетін саяси көзқарастарды білдіру үшін онлайн платформаларды пайдалану. Мақалада жастардың саяси процеске қатысуын шектейтін негізгі саяси институттардағы, соның ішінде Ұлттық ассамблея мен жергілікті ассамблеялардағы шектеулі өкілдіктері сияқты бар кедергілер атап өтілген.

Зерттеу реформалар мен саяси білім беру арқылы жастардың саяси қатысуын қолдау қажеттігін көрсетеді. Зерттеудің негізгі шектеулеріне жастардың саяси бейімділігі туралы біркелкі деректердің жоқтығы және жаңа медианың саяси мәдениетке ұзақ мерзімді әсерін өлшеудің қиындығы жатады. Әрі қарайғы зерттеулердің келешегі жастардың саясатқа көбірек қатысуына және демократиялық құндылықтарды нығайтуға ықпал ететін тетіктерді терең зерттеуді қамтиды.

Түйін сөздер: Саяси мәдениет, жастар, жастар ұйымдары, Оңтүстік Корея, саяси әлеуметтену, студенттік қозғалыстар, саяси белсенділік, саяси мәдениеттің трансформациясы.

M.N. Zhakupova¹, D.D. Oteпова¹

¹ Kazakh University of International Relations and World Languages named after Ablai Khan, Almaty, Kazakhstan;

THE POLITICAL CULTURE OF SOUTH KOREAN YOUTH

Abstract

The article examines the issues of the political culture of South Korean youth, a topic that remains underexplored in social and political science. The research focuses on exploring the historical roots of the political culture of youth, the features of its formation, and the contemporary challenges faced by young people in South Korea. The methodological framework of the study includes the historical method, comparative analysis, and sociological approach, which allows for an examination of the phenomenon in the context of political, social, and cultural changes in South Korea.

The main findings of the study highlight the active role of youth in the democratization of society and the development of legal culture, supported by youth movements and protests. A key factor is the use of online platforms to express political views, contributing to the formation of public opinion and enhancing political activity. The article notes existing barriers, such as limited representation of youth in key political institutions, including the National Assembly and local councils, which constrain youth participation in the political process.

The study emphasizes the need to support youth political participation through reforms and political education. The primary limitations of the research include the lack of unified data on the political preferences of youth and the challenges of measuring the long-term impact of new media on political culture. Future research prospects lie in an in-depth exploration of mechanisms that foster more active youth participation in politics and strengthen democratic values.

Keywords: Political culture, youth, youth organizations, South Korea, political socialization, student movements, political activism, transformation of political culture.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Основные положения статьи, касающиеся политической культуры южнокорейской молодежи, сводятся к следующим ключевым аспектам.

Во-первых, раскрывается концептуальное значение, содержание и сущность политической культуры южнокорейской молодежи как уникального политологического явления, учитывающего реалии XXI века. Этот феномен рассматривается через призму как национальных, так и универсальных демократических ценностей, подчеркивая общечеловеческие принципы и интересы.

Во-вторых, изложены общенаучные основы исследования, включающие анализ единства национальных и общекорейских интересов в контексте демократического развития, что позволяет выявить базовые научные принципы, на которых строится политическая культура молодежи.

Также рассмотрены основные проблемы и противоречия, присущие политической культуре южнокорейской молодежи, а также предлагаются методы и формы их разрешения. Эти вопросы подчеркивают необходимость системного подхода к решению текущих противоречий и разработки стратегий для укрепления демократических ценностей среди молодых граждан.

Следующий аспект включает изучение исторических корней политической культуры молодежи, что помогает объяснить её современные черты. В этом контексте выделяются ключевые исторические события и процессы, способствующие формированию политического самосознания южнокорейской молодежи.

Особое внимание уделяется характеристике уникальных черт формирования политической культуры среди молодежи Южной Кореи, таких как участие в социальных движениях и выражение гражданской позиции.

Наконец, рассматриваются современные вызовы и перспективы, с которыми сталкивается политическая культура южнокорейской молодежи в условиях глобализации и быстрого развития технологий.

ВВЕДЕНИЕ

Сложившийся политический ландшафт Южной Кореи в настоящее время представляет интерес в контексте ее исторического пути к демократии и политической культуре. Исторический эволюционный процесс демократизации и политической культуры молодежи в Южной Корее омрачен событиями, замедляющими и иногда препятствующими его ходу. Но, несмотря на эти сложности, заслуга в устойчивости и актуальности данного процесса в значительной степени приходится обычному народу, особенно молодежи и студентам.

Молодежь в Южной Корее играла ключевую роль в этом процессе, проявляя активизм и демонстрируя стремление к переменам в политической культуре страны. Переход к демократии в 1987 году сопровождался интенсивными усилиями со стороны гражданского общества, включая студенческие группы, которые стояли в первых рядах борьбы за демократические принципы и политическую культуру. Этот период оставил неизгладимый отпечаток на политической карте Южной Кореи и сформировал особую роль молодежи в политической активности. С течением времени молодежь продолжила влиять на политическую обстановку, переориентирует свое внимание на различные социальные и экономические вопросы. Смена приоритетов и методов активизма отражает изменения, развития в политической культуре, где новые поколения выступают с собственными требованиями и ожиданиями.

Актуальность темы. В контексте исторического развития Южной Кореи актуальность темы влияния молодежи на изменения в политической культуре становится более очевидной и существенной. На протяжении последних нескольких десятилетий Южная Корея пережила значительные политические трансформации – от перехода от авторитарного режима к демократии до активных социальных движений и реформ.

В настоящее время, в контексте децентрализации и изменений в структуре государства, роль молодежи в Корее становится предметом повышенного внимания и интереса.

Подробный анализ активизма молодежи и их влияния на политическую культуру в последние десятилетия представляет собой важное исследование, которое может помочь понять современные динамики политического развития в стране.

Следует сказать, что проблема политической культуры молодежи в Южной Корее затрагивается во многих работах. Однако системного анализа политической культуры южнокорейской молодежи среди ученых не выработано. И нами данная проблема исследуется с новых позиций, комплексно, с учетом всех факторов изменений в стране.

В свете исторических трансформаций наступает неотложная необходимость проведения политологического исследования с целью более глубокого понимания сущности политической культуры, взаимосвязей между историческими изменениями и современным состоянием политической сцены в Южной Корее. На фоне перехода от авторитаризма к демократии, а также роли молодежи в этом процессе, данное исследование выдвигает перед собой ряд конкретных целей и задач.

Целью нашей статьи является системный анализ политической культуры южнокорейской молодежи. Исходя из цели исследования, авторами намечены следующие задачи: изучить исторические корни политической культуры молодежи в Южной Корее; исследовать особенности формирования политической культуры у южнокорейской молодежи; раскрыть современные вызовы и перспективы развития политической культуры у южнокорейской молодежи.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическая основа исследования базируется на междисциплинарном подходе, сочетая исторический анализ, сравнительный метод и социологический подход для изучения феномена политической культуры молодежи в Южной Корее.

При исследовании использованы такие методы, как общенаучные методы познания и междисциплинарные методы исследования. В статье в процессе исследования применены исторический метод, системный анализ, сравнительный метод, социологический метод, метод комплексной оценки, институциональный метод и другие. Для сбора материалов был использован анализ научной литературы, официальных документов и публикаций. В ходе исследования были использованы опубликованные политологические, социологические, исторические, философские, культурологические труды, а также материалы периодической печати, беседы и наблюдения.

Важным источником для изучения политической культуры и истории Южной Кореи является книга С.О. Курбанова «История Кореи: с древности до начала XXI века» (2009г.). Эта работа охватывает широкий период, начиная с древнейших времен и до начала XXI века, предоставляя глубокий анализ ключевых исторических событий и их влияния на современное корейское общество. С.О. Курбанов детально исследует различные аспекты корейской истории, включая влияние внешних факторов, таких как оккупация Кореи Японией, и роль внутренних движений за независимость и демократизацию [1]. С.О. Курбанов подчеркивает, что колониальное прошлое оказало значительное воздействие на формирование политической культуры молодежи, влияя на их отношение к национальной идентичности и гражданским правам. Национальные движения за независимость стали катализаторами политического активизма среди молодежи, способствуя их участию в общественно-политической жизни страны.

Исторический метод применялся для анализа исторических корней формирования политической культуры. Это включало изучение ключевых событий, таких как демократические преобразования 1987 года, роль студенческих движений и других форм молодежного активизма. Источниками для анализа послужили работы С.О. Курбанова, освещающие исторические трансформации Кореи. Важным аспектом анализа является рассмотрение роли молодежи в исторических контекстах различных стран и регионов. В

этом контексте статья «Проблемы корейского молодежного движения в 1920-е годы» Сон Жанны (PhD Associate Professor of School of Asian Studies) предоставляет интересный материал для изучения. Она вводит в обращение новые документы и материалы из российских архивов, а также анализирует структуру различных молодежных организаций в Корее, Маньчжурии, Японии и России [2]. Эта статья позволяет более глубоко понять роль и влияние молодежных организаций на борьбу за независимость и формирование национального самосознания.

Книга Чарльза Р. Кима «Молодежь за Nation» («Youth for Nation») представляет собой впечатляющее исследование эволюции южнокорейской идеологии с 1953 по 1964 годы. Как сообщает автор в начале своего исследования, государственная идеология Южной Кореи представляет собой «версию публичного дискурса, поддерживаемого властью». Иными словами, как государственная идеология, так и публичный дискурс разделяют общее пространство дискуссии, позволяя индивидуумам оспаривать доминирующие утверждения государства на том же языке, что и использовалось самим государством. В своем исследовании Ким выделяет два особенно ярких проявления дискурса Южной Кореи: «здоровая модернизация» и «студенческий авангард» [3]. Государство Южной Кореи продвигало оба эти концепта, уделяя особое внимание внедрению их в молодое поколение. Таким образом, Ким показывает, что саморационализация протестующих во время Революции в 1960 году выросла органически из дискурса, поддержанного государством, который молодежь внутренне приняла. Иными словами, студенческий протест в апреле 1960 года был призраком, призванным самим режимом, против которого он в конечном итоге обратился. На протяжении всей книги Ким оперирует широким спектром источников, начиная от кинофильмов до журналов и учебных пособий.

Сравнительный метод использовался для сопоставления политической культуры молодежи Южной Кореи с аналогичными процессами в других странах. Это позволило выявить уникальные и универсальные черты политической социализации и активизма молодежи.

Социологический подход включал анализ данных из вторичных источников: научной литературы, статистических отчетов и материалов исследований. Использовались работы Чарльза Р. Кима и Сон Жанны, а также международные данные о молодежной политической активности.

Анализ источников был сосредоточен на публикациях по истории и политологии, включая официальные документы, периодические издания и результаты опросов. Например, исследования Юнг Б. и Парк Г. о влиянии интернет-платформ на политическую активность стали важной частью методологии.

Качественный анализ включал интерпретацию наблюдений, интервью и публикаций о политической активности молодежи в Южной Корее. Это позволило выявить барьеры и перспективы для усиления участия молодежи в политической жизни.

Следует сказать, что в целом в социально-политической науке еще недостаточно изучены вопросы политической культуры молодежи Южной Кореи. В статье мы уделяем внимание на малоизученные аспекты проблемы политической культуры южнокорейской молодежи.

ОБСУЖДЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Исторические корни политической культуры молодежи Южной Кореи

Политическая культура каждого государства является основой для становления и развития политической системы, что подразумевает активность граждан страны в этом направлении. Интерес граждан к ярким политическим событиям страны формирует политическую активность и политическую культуру, что играет большую роль в устойчивом развитии общества. В этих процессах важно выделить молодежь как наиболее важную социальную группу для общества и государства в целом. В современном мире каждое

государство осознает это и формирует основу для молодежной политической культуры. Но при этом следует подчеркнуть важность политической активности и культуры не только в рамках современной, уже выстроенной демократии, но и в начальный период его формирования. Ярким примером может стать Южная Корея, где путь к демократии был непростым и где влияние молодежи и студентов также ощутимо.

Одним из ключевых моментов в становлении Южной Кореи как демократического государства является формирование ее конституционной модели правления. Несмотря на то, что страна и корейское общество в течение многих лет оставались абсолютной монархией, они не были знакомы с конституционализмом [4]. Даже аннексия Корейского полуострова Японской империей в 1910 году страны, которая уже имела конституционную монархию на тот момент, не способствовала началу пути развития Южной Кореи в этом направлении. Напротив, Япония полностью централизовала власть в своих руках и усилила авторитаризм. Колониальная экспансия, осуществляемая Японией на Корейском полуострове в период с 1910 по 1945 годы, является важным историческим контекстом для понимания политической культуры молодежи в Южной Корее [5]. Этот период отличается особым характером взаимодействия между корейским населением и японскими колониальными властями, а его влияние ощущается и в современных политических убеждениях и действиях молодежи.

Японская колонизация Корейского полуострова послужила катализатором для активизации молодежи в политической жизни страны. Уже в период японо-китайской войны в 1894 году корейская молодежь выступила в роли инициатора широкомасштабных протестов, нацеленных на изменение политической системы в стране в соответствии с принципами буржуазных республик [6]. Этот период стал отправной точкой для активного участия молодежи в политической жизни страны.

Продолжая этот темп, в 1905 году, когда Корея была вынуждена подписать договор с Японией, возникли новые волны протестов, и молодежь снова стала инициатором и возглавила протестные акции [7] в стране. Эти и другие события с активным участием молодежи способствовали росту многочисленных молодежных организаций в Корее и формированию у них политической культуры.

В контексте колониального господства Японии на Корейском полуострове корейцам были насильственно навязаны японские ценности, культура и образ жизни. Этот процесс вызвал глубокое чувство утраты национальной идентичности и потери автономии у корейского населения, особенно среди молодежи. Политическая пропаганда и репрессии со стороны японских властей только усилили это чувство подавленности, вызвав сопротивление и стремление к сохранению и восстановлению корейской культуры и национальной идентичности. По мере того, как молодые люди сталкивались с агрессивной японской политикой ассимиляции и лишения их национальной идентичности, они начали активно протестовать и выступать за свои права. Это привело к появлению активных антиколониальных движений и организаций, которые сыграли ключевую роль в борьбе за независимость и демократию в последующие годы. Данный период оказал значительное влияние на формирование национальной идентичности, политической культуры и политических убеждений среди молодежи, а также на их готовность к активному участию в политической жизни страны.

Получение Южной Кореей независимости после окончания Второй мировой войны, когда страну освободили и одновременно оккупировали войска СССР и США, не принесло существенного влияния на формирование основ демократизации общества и т.д. Этот период характеризовался разделением страны на две зоны влияния: Северную Корею, контролируемую СССР, и Южную Корею под контролем США [8, с.111].

Со временем и в результате сложных политических процессов Южная Корея постепенно приблизилась к демократическому устройству общества, однако влияние внешних сил на этот процесс остается предметом академических дискуссий и исследований.

На протяжении 1950-х и 1960-х годов Южная Корея прошла через серию авторитарных режимов, что вызвало значительное политическое напряжение и недовольство среди населения, особенно среди молодежи. В это время студенческое движение стало одной из ключевых сил, борющихся за демократические реформы и права человека. Восстание 19 апреля 1960 года, также известное как Апрельская революция, стало важной вехой в истории южнокорейской демократии [5] и политической культуры молодежи. Это восстание, инициированное студенческими протестами против фальсификаций на выборах и авторитарного правления президента Ли Сын Мана, привело к его отставке и временному демократическому переходу.

Однако демократические преобразования были недолговечны. В 1961 году генерал Пак Чон Хи совершил военный переворот, установив очередной авторитарный режим [5]. Несмотря на жестокие репрессии, молодежь и студенческое движение продолжали играть важную роль в борьбе за демократию и права человека. Их протесты, направленные против политических репрессий, коррупцию и экономических проблем, способствовали укреплению политической сознательности и активности среди широкой общественности.

Важной вехой на пути к демократии и политической культуре стало декабрьское восстание 1987 года, которое также началось со студенческих протестов. Массовые демонстрации, сопровождавшиеся общенациональными забастовками и поддержанные различными слоями общества, вынудили правительство к проведению демократических реформ. В итоге это привело к проведению первых прямых президентских выборов в Южной Корее [8, с.122] за несколько десятилетий.

В период после авторитарного развития Южная Корея столкнулась с рядом политических вызовов, которые привели к различным этапам в ее истории. Эти этапы были тесно связаны с активным участием молодежи в политической жизни страны и их стремлением к демократии и свободе.

Таким образом, можно сказать, что южнокорейская молодежь вместе со своим народом постепенно, но верно возвращала в себе осознание демократического будущего своей страны и формирования правовой культуры, правового государства.

Особенности формирования политической культуры у южнокорейской молодежи

Все движения и протесты являются частью формирования важного понятия, такого как политическая культура. Эволюция политической культуры среди молодежи является сложным процессом, подверженным влиянию различных исторических, социальных и политических факторов, что представляет интерес для научного анализа. Участие молодежи в политической и гражданской жизни Южной Кореи представляет собой важный аспект, который отражает состояние политической культуры в стране. Однако, согласно исследованиям, представительство молодежи на политическом и социальном уровне остается заметно низким по сравнению с другими развитыми демократиями. На основе анализа одного из источников за 2018 год можем увидеть, что доля молодых депутатов в парламенте Южной Кореи является самой низкой среди стран ОЭСР: 0% в возрасте до 30 лет, 2,3% в возрасте 40 лет и 5,6% в возрасте 45 лет [9].

В контексте мировых тенденций доля молодежи в парламентах всего мира в возрасте до 30 лет увеличилась, однако в Южной Корее остается на низком уровне. На 21-м Национальном собрании в 2020 году были избраны два члена в возрасте до 30 лет, что составляет около процента законодателей в возрасте до 30 лет [9]. Этот факт свидетельствует о недостаточной интеграции молодежи в политические процессы и ограниченном представительстве в политических институтах. В отличие от европейских демократических партий, где молодежные и студенческие организации играют важную роль, в Южной Корее молодежная проблема не является ключевой в политической партийной или избирательной политике. Деятельность молодежных организаций ограничивается вводным курсом

политиков для выдвижения кандидатов, что подчеркивает нехватку механизмов активного участия молодежи в формировании политической повестки.

С учетом увеличения проблем южнокорейской молодежи в последние десятилетия, включая выход на рынок труда, экономические и социальные вызовы, отсутствие их адекватного представительства в политической системе может привести к дисбалансу поколений и угрожать легитимности политических решений [9]. Отсутствие новых человеческих ресурсов, способных руководить будущими политиками, создает потенциальную угрозу для стабильности политической системы в долгосрочной перспективе. С момента постколониальной независимости Кореи в 1945 году, молодежь активно участвовала в национальных движениях за освобождение страны от японской колонизации. Этот период характеризовался националистическими настроениями, стремлением к национальному единству и утверждением корейской идентичности. Однако с разделением страны на Север и Юг и установлением авторитарного режима в 1960-1980-е годы, политическая культура молодежи столкнулась с репрессиями и ограничениями [10]. В этот период режим подавлял любую политическую активность, что привело к нарушениям гражданских свобод и прав человека. Несмотря на это, отдельные группы молодежи продолжали выступать против диктаторского режима и выражать свои политические убеждения. С появлением демократии в 1990-е годы произошло радикальное изменение политической среды. Расширились гражданские свободы, возросла активность гражданского общества, в том числе и среди молодежи. Молодежные движения и студенческие протесты стали инструментом борьбы за демократические принципы и права человека. Этот период также характеризовался активным использованием новых информационных технологий, таких как интернет и социальные сети, для координации действий и обмена информацией. В настоящее время, современная молодежь Южной Кореи продолжает проявлять активный интерес к политическим и социальным вопросам. Они используют социальные медиа как платформу для обмена мнениями, организации общественных кампаний и выражения своих позиций. Молодежь также активно участвует в политических процессах, включая выборы и голосования, что подчеркивает их роль в формировании общественного мнения и принятии решений в стране. Таким образом, политическая культура молодежи в Южной Корее продолжает развиваться в ответ на изменяющиеся условия и вызовы, отражая их стремление к активному участию в общественной жизни и формированию будущего своей страны.

Сегодня современная молодежь Южной Кореи продолжает проявлять активный интерес к политическим и социальным вопросам, используя социальные медиа как платформу для обмена мнениями и организации общественных кампаний [11]. Они также активно участвуют в политических процессах, включая выборы и голосования, что подчеркивает их роль в формировании общественного мнения и принятии решений в стране. Однако, несмотря на этот рост активности, молодежь по-прежнему сталкивается с рядом проблем, связанных с экономическими и социальными вызовами. Высокий уровень безработицы среди молодежи, рост цен на жилье и общие экономические трудности создают барьеры для полноценного участия молодых людей в политической жизни. В то же время, молодежные организации, которые могли бы продвигать интересы молодежи, часто ограничиваются вводными курсами для будущих политиков, что не способствует развитию активного молодежного лидерства [12]. Для улучшения ситуации необходимо создать механизмы, способствующие более активному вовлечению молодежи в политические процессы. Это может включать в себя поддержку молодежных инициатив, реформирование образовательных программ для политической грамотности и увеличение числа молодежных квот в парламенте и других политических институтах. Без таких изменений существует риск, что политические решения будут приниматься без учета интересов значительной части населения, что может привести к дисбалансу и снижению легитимности политической системы.

Несмотря на значительный потенциал и исторические достижения, современная молодежь Южной Кореи продолжает бороться за свое место в политической системе страны. Вместе с тем, у нее формируется и развивается политическая культура.

Современные вызовы и перспективы развития политической культуры у южнокорейской молодежи. В период постиндустриальных изменений в экономике Южной Кореи молодежь стала активным участником политической жизни страны. Развитие информационных технологий и доступ к Интернету предоставили молодежи новые возможности для организации и координации своих действий. Социальные сети и онлайн-платформы стали важными инструментами для обмена идеями, мобилизации поддержки и организации протестов [12]. Роль молодежи в формировании новой политической реальности стала более заметной. Молодые люди выступают за защиту окружающей среды, права человека, социально-политическую справедливость и другие ключевые ценности. Их участие в общественной жизни и политическом процессе способствует развитию демократии, политической культуры и укреплению гражданского общества. После перехода к демократии в Южной Корее социальные движения трансформировались в разнообразные сети активистских групп, НПО, мигрантских работников и отдельных граждан, включая студентов.

Молодежь активно использует Интернет-платформы для выражения своих политических взглядов и формирования общественного мнения. Интернет стал важным инструментом для политической активности, что подчеркивает значимость цифровых технологий в современном политическом процессе.

Современная политическая культура среди молодежи Южной Кореи сталкивается с рядом вызовов, оказывающих влияние на их активное участие в политической жизни страны. Важным аспектом является ограниченная представленность молодежи в ключевых политических инстанциях, таких как Национальная ассамблея и местные собрания. Это обусловлено сложной избирательной системой, где сильная зависимость от одномандатных округов и мажоритарный характер системы создают преграды для молодых политиков. Предпринятые усилия по улучшению представленности молодежи, включая введение квот и систем поддержки, оказались неэффективными и временными.

Дополнительным вызовом является недостаточная активность молодежи в политической жизни. В сравнении с другими возрастными группами, молодежь реже участвует в выборах и проявляет меньшую вовлеченность в официальные политические организации. Это свидетельствует о необходимости разработки более активных стратегий по стимулированию политической активности среди молодежи. Однако, несмотря на эти вызовы, существуют перспективы для улучшения политической культуры среди молодежи в Южной Корее. Создание молодежных партий и организаций, ориентированных на интересы и потребности молодежи, может способствовать их активному участию в политической жизни. Повышение уровня политического образования и включение молодежи в политические процессы с ранних лет также могут сыграть значимую роль в формировании активной и ответственной политической культуры.

Исследование «Факторы, влияющие на участие корейских подростков в политической жизни», проведенное Чон Бенсамом (Byongsam Jung) и Пак Гюнелем (Gyuneol Park), подчеркивает существенную значимость политической эффективности в контексте участия молодежи в политической жизни [9]. Новое понятие политической эффективности отражает ключевую роль веры граждан в свою способность влиять на политические процессы и изменять политическую среду. Исследование Чон Бенсама и Пак Гюнела показывает, что образование играет важную роль в укреплении данной эффективности среди молодежи, что актуализирует вопросы современных вызовов и изменений в политической культуре Южной Кореи у молодежи.

Исследование также выявило, что опыт лидерства в школьные годы и использование Интернета существенно влияют на формирование политической эффективности и намерения молодежи участвовать в политической жизни. Однако, несмотря на положительное влияние Интернета на политическую эффективность и намерения участия, его отрицательное влияние на участие в голосовании требует дальнейшего исследования и внимания в рамках изучения современных вызовов политической культуры Южной Кореи у молодежи. Анализ демографических переменных, таких как наличие высшего образования, брака и постоянной работы, также привлекает внимание к социокультурным аспектам, оказывающим влияние на участие молодежи в политической жизни страны [11]. Это подчеркивает важность рассмотрения современных вызовов и изменений в политической культуре Южной Кореи у молодежи в контексте широких социокультурных трансформаций. В контексте молодежной политики в Республике Корея, два основных закона – Основной закон о молодежи и Рамочный закон о молодежи – регулируют деятельность с учетом возрастных групп от 9 до 24 лет и от 19 до 34 лет соответственно. Нормативная база этих законов формируется на основе ежегодного Базового плана детской и молодежной политики, который разрабатывается Министерством по вопросам гендерного равенства и семьи. Шестой Базовый план (2018-2022 годы) разработан с целью адаптации к изменениям в социальной среде и включает в себя четыре основные цели: вовлечение молодежи, активизация их деятельности, обеспечение их самостоятельности и защиты, а также проведение реформ и инноваций в системе молодежной политики. Для достижения этих целей определены 12 ключевых задач и 144 конкретные задачи, которые должны были быть выполнены к 2022 году [13]. Одной из главных целей было развитие всесторонней поддержки молодежи в их профессиональном и личностном росте. Также предусмотрено расширение участия молодежи в общественной жизни и укрепление их социальной защиты. Важным аспектом является создание условий для развития молодежной инициативы и самостоятельной деятельности. Программа также направлена на поддержку молодежи в адаптации к быстрым социальным изменениям и развитию их творческих способностей. Важно изменить подход к молодежи, рассматривая их как активных участников процесса, а не просто как объекты социальных программ. Кроме того, обновленная программа ставит перед собой задачу укрепления системы социальной защиты, чтобы молодежь из уязвимых групп могла расти и развиваться в равных условиях. Это включает в себя борьбу с социальным неравенством и бедностью, чтобы обеспечить каждому молодому человеку равные возможности для самореализации. Всё вышесказанное показывает, что политическая культура южнокорейской молодежи укрепляется и есть перспективы её дальнейшего развития.

Результаты исследования подтверждаются рядом аналогичных работ. Например, исследование Юнг Б. и Парк Г. [9] подчеркивает важность интернет-платформ для вовлечения молодежи в политическую жизнь, что коррелирует с нашими выводами о роли цифровых технологий в формировании политической культуры. В то же время, исследования Чарльза Р. Кима [3] демонстрируют, что исторический контекст, включая студенческие движения 1960-х годов, стал ключевым фактором формирования политической идентичности молодежи. Эти данные подтверждают наши выводы о значении исторических событий в развитии политической культуры. Работы Ермолаевой Е.М. [6] указывают на схожие проблемы недостаточного представительства молодежи в политических институтах. Это свидетельствует о том, что Южная Корея сталкивается с универсальными для демократических стран вызовами, связанными с интеграцией молодежи в политическую систему. Дополнительно, согласно исследованию Янг С. и Ким Ы. [11], отсутствие механизмов активного участия молодежи в политических процессах приводит к снижению их вовлеченности. Это подчеркивает необходимость реформ, о которых упоминается в настоящем исследовании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование исторических корней политической культуры среди молодежи Южной Кореи выявило множество сложных взаимосвязей, подчеркнув влияние исторических событий, таких как колониальное прошлое и борьба за демократию, на формирование политических взглядов и убеждений молодежи в современном обществе. Эти аналитические выводы помогли глубже понять механизмы формирования политических установок, политической культуры в молодежной среде Южной Кореи.

Колониальное прошлое оказало значительное воздействие на политическую культуру молодежи, определяя их отношение к национальной идентичности и гражданским правам. В этом контексте исторические события, такие как национальные движения за независимость от японской колонизации [14], выступления против авторитарной власти, выступили как катализаторы формирования политического активизма среди молодежи и их участия в общественно-политической жизни. Однако в современном контексте политическая культура молодежи в Южной Корее сталкивается с новыми вызовами и динамикой изменений. Молодежь становится ключевым актором политических изменений, активно выражая свои взгляды и стремления через социальные сети и гражданские инициативы. Но несмотря на это, низкий уровень представительства молодежи в политических институтах и экономические проблемы создают вызовы для углубления политической культуры молодежи и их участия в политической жизни страны.

В рамках исследования роли молодежи в политических процессах Южной Кореи, необходимо также обратить внимание на текущие вызовы и тенденции, которые могут оказать влияние на их политическую культуру и участие в общественной жизни. Современная молодежь выросла в условиях быстрого развития технологий, глобализации и межкультурного обмена, что формирует у них новые ценности, взгляды и амбиции. Эти факторы оказывают значительное влияние на их восприятие политики и включение в общественные дела. Одним из ключевых аспектов современной политической активности южнокорейской молодежи является использование социальных сетей и цифровых платформ в качестве инструмента для организации и выражения своих взглядов.

Таким образом, для эффективного участия молодежи в политической жизни необходимо создать условия, способствующие их активному включению и предоставляющие возможности для выражения мнений и инициатив.

С учетом вышеизложенного, по нашему мнению, продолжение исследований в области политической культуры молодежи в Южной Корее представляет собой важную задачу, которая поможет лучше понять динамику политических процессов в стране и разработать соответствующие стратегии развития. Дальнейшая работа в этом направлении может привести к более активному и представительному участию молодежи в политической жизни, что в свою очередь способствует устойчивому и процветающему обществу.

В конечном итоге всё это способствует укреплению демократических институтов и развитию политической культуры южнокорейской молодежи.

Одним из ключевых результатов является выявление значительной роли интернет-платформ в формировании политической активности молодежи. Данные инструменты стали важным средством выражения взглядов и координации общественных движений, что подтверждается результатами как настоящего исследования, так и аналогичных работ.

Однако необходимо обратить внимание на существующие барьеры, включая недостаточную интеграцию молодежи в ключевые политические процессы. Для преодоления этих ограничений требуется системный подход, включающий реформы избирательной системы, увеличение молодежных квот в парламенте, а также развитие образовательных программ по политической грамотности.

Перспективы дальнейших исследований включают изучение долгосрочного влияния цифровых технологий на политическую культуру и активность молодежи, а также исследование механизмов, способствующих увеличению политического участия молодежи в условиях глобальных изменений.

Эти механизмы могут включать внедрение инициатив, направленных на повышение цифровой грамотности, развитие гражданского образования и вовлечение молодежи в процесс принятия решений на местном и национальном уровнях. Кроме того, рекомендуется изучить влияние межкультурного обмена и глобализации на политические установки молодежи, чтобы понять, каким образом международные процессы могут способствовать трансформации политической культуры в Южной Корее.

Литература:

1. Курбанов, С.О. *История Кореи с древности до начала XXI века.* – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. – 450 с.
2. Сон, Ж.Г. *Проблемы корейского молодежного движения в 1920-е годы* [Электронный ресурс]. – М.: НИУ ВШЭ, 2010. – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/v96auwpjyy/203615889.pdf> (дата обращения: 13.06.2024).
3. Kim, C.R. *Youth for Nation: Culture and Protest in Cold War South Korea.* – Honolulu: University of Hawaii Press, 2017. – 264 p.
4. Толстокулаков, И.А. *Политическая модернизация в Республике Корея (1945-1987 гг.)* // Вестник ДВО РАН. – Владивосток: Издательство ДВО РАН, 2005. – № 2. – С. 15-28.
5. Курбанов, С.О. *Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века.* – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 330-350.
6. Ермолаева, Е.М. *Движение за демократию в Республике Корея (1970-е – 1990-е гг.)* // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – М.: Институт региональных исследований, 2020. – № 3. – С. 141-148.
7. Пак, М.Н. *Очерки по историографии Кореи.* – М.: Наука, 1987. – 200-232 с.
8. Абсаттаров, Р.Б. *Общественно-политические науки: проблемы и суждения: в 4 т.* – Алматы: Ұлағат, 2023. – Т. 1. – С. 109-127.
9. Jung, B., Park, G. *Factors Affecting Political Participation of Korean Adolescents* (한국 청년들의 정치참여에 영향을 미치는 요인). – Seoul: Seoul National University Press, 2018.
9. Cumings, B. *Korea's Place in the Sun: A Modern History.* – New York: W. W. Norton & Company, 2005. – 527 p.
10. Jang, S., Kim, Y.C. *Youth Political Representation in South Korea: Centering on Institution, Culture, and Political Parties.* NGO 연구. – Seoul: Kyung Hee University, 2021. – 32 p.
11. Bae, Y., Kim, S. *Civil Society and Local Activism in South Korea's Local Democratization* // Democratization. – 2012. – Vol. 20, № 2. – P. 260-286. – URL: https://ink.library.smu.edu.sg/soss_research/1051 (дата обращения: 13.12.2024).
11. Хан, Енъу. *История Кореи: новый взгляд / пер. с корейского под ред. М.Н. Пака.* – М.: Вост. лит., 2010. – 758 с.
12. *История движения за независимость Кореи (한국독립운동의 역사)* [Электронный ресурс] / 립기념관 한국독립운동사연구소. – 서울: РАН, 2013. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-za-demokratiyu-v-respublike-koreya> (дата обращения: 13.16.2024).

References

1. Kurbanov, S.O. *Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI veka.* – SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2009. – 450 s.
2. Son, ZH.G. *Problemy korejskogo molodezhnogo dvizheniya v 1920-e gody [Elektronnyj resurs].* – M.: NIU VSHE, 2010. – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/v96auwpjyy/203615889.pdf> (data obrashcheniya: 13.06.2024).
3. Kim, C.R. *Youth for Nation: Culture and Protest in Cold War South Korea.* – Honolulu: University of Hawaii Press, 2017. – 264 p.
4. Tolstokulakov, I.A. *Politicheskaya modernizaciya v Respublike Koreya (1945-1987 gg.) // Vestnik DVO RAN.* – Vladivostok: Izdatel'stvo DVO RAN, 2005. – № 2. – S. 15-28.
5. Kurbanov, S.O. *Kurs lekcij po istorii Korei s drevnosti do konca XX veka.* – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2002. – S. 330-350.
6. Ermolaeva, E.M. *Dvizhenie za demokratiyu v Respublike Koreya (1970-e – 1990-e gg.) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya.* – M.: Institut regional'nyh issledovanij, 2020. – № 3. – S. 141-148.
7. Pak, M.N. *Ocherki po istoriografii Korei.* – M.: Nauka, 1987. – 200-232 s.
8. Absattarov, R.B. *Obshchestvenno-politicheskie nauki: problemy i suzhdeniya: v 4 t.* – Almaty: Ulagat, 2023. – T. 1. – S. 109-127.
9. Jung, B., Park, G. *Factors Affecting Political Participation of Korean Adolescents (한국 청년들의 정치참여에 영향을 미치는 요인).* – Seoul: Seoul National University Press, 2018.
10. Cumings, B. *Korea's Place in the Sun: A Modern History.* – New York: W. W. Norton & Company, 2005. – 527 p.
11. Jang, S., Kim, Y.C. *Youth Political Representation in South Korea: Centering on Institution, Culture, and Political Parties. NGO 연구.* – Seoul: Kyung Hee University, 2021. – 32 p.
12. Bae, Y., Kim, S. *Civil Society and Local Activism in South Korea's Local Democratization // Democratization.* – 2012. – Vol. 20, № 2. – P. 260-286. – URL: https://ink.library.smu.edu.sg/soas_research/1051 (data obrashcheniya: 13.12.2024).
13. Han, Enu. *Istoriya Korei: novyj vzglyad / per. s korejskogo pod red. M.N. Paka.* – M.: Vost. lit., 2010. – 758 s.
14. *Istoriya dvizheniya za nezavisimost Korei (한국독립운동의 역사) [Elektronnyj resurs] / 립기념관 한국독립운동사연구소.* – 서울: RAN, 2013. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-za-demokratiyu-v-respublike-koreya> (data obrashcheniya: 13.16.2024).

**ШЕТЕЛ ҒАЛЫМДАРЫНЫҢ МІНБЕСІ
ТРИБУНА ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ
TRIBUNE OF FOREIGN SCIENTISTS**

MPHTI 11.15.91

DOI: 10.51889/2959-6270.2024.87.3.001

Абхари Айман Шаухат Фарис*

**Цифровой университет Талала Абу-Газели
г. Амман, Иордания
e-mail: abhariaiman@yahoo.com*

**КОРОЛЕВСТВО ЕГИПЕТ КАК НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Аннотация

В статье рассматриваются политологические вопросы Королевства Египет как начальная стадия формирования государственности, которые ещё не изучены в социально-политической науке. В статье более подробно, на конкретных материалах рассматриваются политологические вопросы Королевства Египет как начальная стадия формирования государственности: понятие и сущность Королевства Египет; раскрытие проблемы и противоречия процесса формирования государственности Королевства Египет и способы их оценки и решения; изучение вопросов укрепления государственности Королевства Египет. В статье отмечается, что формат королевства – монархия Египта – был ближе Британской Империи. На формирование государственности и политической элиты Королевства Египет огромное влияние оказал религиозный фактор. Важной особенностью политической жизни Египта – этап становления Королевства и его среднего периода развития, является отсутствие реального суверенитета.

Анализируя стадию формирования государственности в Королевстве Египет, следует обратить внимание на трёхсторонний конфликт, с ярко выраженным политическим соперничеством: монархия, Британия и националистическая фракция. В целом же период королевства в Египте, можно сказать, как стадия формирования государственности и как этап зарождения новых политических элит Египта, ориентируемых на политический ислам республиканского толка с сильной центральной властью и полным суверенитетом в решении внутренних и внешних вопросов развития Египта. В статье уделено внимание и дискуссионным вопросам.

Ключевые слова: Королевство Египет; формирование государственности; британский протекторат; монархия Фуада и Фарука; партия «Вафд»; националистические движения; политическая элита Египта; революция 1952 года.

Абхари Айман Шаухат Фарис

*Талал Абу-Газале цифрлық университеті
Амман қ., Иордания*

**ЕГИПЕТ КОРОЛЬДІГІ МЕМЛЕКЕТТІЛІКТІҢ ҚАЛЫПТАСУЫНЫҢ БАСТАПҚЫ
КЕЗЕҢІ РЕТІНДЕ**

Аңдатпа

Мақалада Египет Корольдігінің саясаттану мәселелері әлеуметтік-саяси ғылымда әлі зерттелмеген мемлекеттіліктің қалыптасуының бастапқы кезеңі ретінде қарастырылады. Сонымен қатар, Египет Корольдігінің саясаттану мәселелері мемлекеттіліктің қалыптасуының бастапқы кезеңі ретінде егжей-тегжейлі қарастырылады: Египет Корольдігінің түсінігі мен мәні; Египет Корольдігінің мемлекеттілігін қалыптастыру процесінің проблемасы мен қайшылықтарын ашу және оларды бағалау және шешу жолдары; Египет Корольдігінің мемлекеттілігін нығайту мәселелерін зерттеу. Мақалада Корольдіктің форматы – Египет монархиясы – Британ Империясына жақын болғандығы атап өтілген. Египет Корольдігінің мемлекеттілігі мен саяси элитасының қалыптасуына діни фактор үлкен әсер етті. Египеттің саяси өмірінің маңызды ерекшелігі – патшалықтың қалыптасу кезеңі және оның дамуының орташа кезеңі – нақты егемендіктің болмауы.

Египет Корольдігінде мемлекеттіліктің қалыптасу кезеңін талдай отырып, үш жақты қақтығысқа назар аудару керек, айқын саяси бәсекелестік: монархия, Ұлыбритания және ұлтшыл фракция. Жалпы, Египеттегі патшалық кезеңі мемлекеттіліктің қалыптасу кезеңі және Египеттің дамуының ішкі және сыртқы мәселелерін шешуде күшті орталық билігі мен толық егемендігі бар республикалық саяси исламға бағытталған Египеттің жаңа саяси элиталарының пайда болу кезеңі деп айтуға болады. Мақалада талқылау мәселелеріне де назар аударылады.

Түйін сөздер: Мысыр Корольдігі; мемлекеттіліктің қалыптасуы; британ протектораты; Фуад және Фарук монархиясы; «Вафд» партиясы; ұлтшыл қозғалыстар; Мысырдың саяси элитасы; 1952 жылғы революция.

*Abhari Ayman Shawhat Faris
Talal Abu-Ghazaleh Global Digital University
Amman, Jordan*

**THE KINGDOM OF EGYPT AS THE INITIAL STAGE OF STATEHOOD
FORMATION**

Abstract

The article examines the political science issues of the Kingdom of Egypt as the initial stage of the formation of statehood, which have not yet been studied in socio-political science. The article examines in more detail, using specific materials, the political science issues of the Kingdom of Egypt as the initial stage of the formation of statehood: the concept and essence of the Kingdom of Egypt; the disclosure of the problems and contradictions of the process of forming the statehood of the Kingdom of Egypt and ways to assess and solve them; the study of issues of strengthening the statehood of the Kingdom of Egypt. The article notes that the format of the kingdom – the monarchy of Egypt – was closer to the British Empire. The formation of the statehood and political elite of the Kingdom of Egypt was greatly influenced by the religious factor. An important feature of Egypt's political life – the stage of the Kingdom's formation and its middle period of development - is the lack of real sovereignty.

Analyzing the stage of statehood formation in the Kingdom of Egypt, attention should be paid to a three-sided conflict with pronounced political rivalry: the monarchy, Britain and the nationalist faction. In general, the period of the kingdom in Egypt can be said to be a stage of the formation of statehood and as a stage of the emergence of new political elites in Egypt, oriented towards Republican political Islam with a strong central government and full sovereignty in solving internal and external issues of Egypt's development. The article also focuses on controversial issues.

Keywords: Kingdom of Egypt; statehood formation; British protectorate; monarchy of Fuad and Farouk; Wafd Party; nationalist movements; political elite of Egypt; 1952 revolution.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В данной статье предлагается изучить вопросы Королевства Египет как начальная стадия формирования государственности. На протяжении десятилетий Королевство Египет как начальная стадия формирования государственности остается актуальным, неизученным и требует глубоких политологических исследований и размышлений.

В начале политологического исследования стоит разъяснить само понятие «Королевство Египет» и его сущность. Это позволит нам лучше понять природу этого явления и его значение в формировании государственности в арабском мире. Понимание Королевства Египет как начальная стадия формирования государственности, как результат взаимодействия общественно-политических сил внутри Королевства Египет и борьба его прогрессивных сил с британской колониальной политикой поможет нам осмыслить его роль в обществе.

Далее мы уделяем внимание на влияние политических сил на формирование государственности и активное участие политических элит Королевства Египет в государственно-общественной жизни страны. Особое внимание будет обращено противоречивой политике в Королевстве Египет и на её как отрицательное, так и положительное влияние на стадии формирования государственности.

Рассмотрение роли Королевства Египет как начальная стадия формирования государственности станет ключевым моментом политологического анализа.

Мы исследуем политические конфликты в Королевстве Египет и взаимодействие его политических сил в контексте развития общества и выявим их влияние на становление государственности.

В заключение подводятся итоги проведенного политологического осмысливания и формируются дальнейшие перспективы исследования проблемы Королевства Египет как предпосылка для полноценного развития государственности в новом Египте. Таким образом, статья призвана внести свой вклад в понимание и исследование этого важного явления, его роли в общественном развитии Египта.

ВВЕДЕНИЕ

В политической науке одной из неизученных проблем является Королевство Египет как начальная стадия формирования государственности.

Египет занимает и всегда занимал особое место на политической карте арабского мира. Являясь старейшим государством и имея богатую политическую традицию, Египет при этом не имеет того политического и геополитического влияния и веса, который бы давал возможность говорить о его признании остальными странами арабского мира в качестве регионального лидера. Становление современного Египта сопряжено с социально-экономическим и военно-политическим кризисом, который страна получила в качестве наследия от «Арабской весны». Вместе с тем именно «Арабская весна», её протекание и итоги продемонстрировали неоднородность политической элиты современного Египта, что является результатом и итогом длительного и противоречивого процесса становления государственности Египта в XX-XXI вв.

Формат королевства – монархия Египта – был ближе к Британской империи, а поэтому выбор такой формы правления не вызывает удивления, хотя и не является традиционным для начала XX в. Вместе с тем, особое внимание при изучении Королевства Египет как начальная стадия формирования государственности и становление политической элиты в условиях монархического правления будет направлено на исследование механизмов развития политических процессов и элит, результатом которого стало свержение монархии и воцарение военной диктатуры. Данная особенность процесса эволюции политической среды государства характерна для большинства арабских стран, а поэтому необходимо раскрыть

особенности именно их элит и определить возможное влияние политического ислама на процессы становления государственности в странах арабского мира.

Следует отметить, что на формирование политической элиты и государственности Королевства Египет огромное влияние оказал религиозный фактор. Египет никогда не был исконно исламским государством. Христианство пришло в Египет в середине первого века нашей эры. После приезда в 65 году в Александрию Святого Марка там была создана первая христианская церковь. Для противодействия философии язычников Святой Марк организовал в Александрии христианскую школу. Она стала первым в мире центром христианской философии и теологии. В Александрийской школе на коптский язык была переведена Библия. Именно в Египте сложилась христианская традиция постов и праздников. В коптский период родилась церковная музыка, вобравшая в себя музыкальную культуру древних египтян.

Историки используют арабское название Египта – «Миср» для обозначения эпохи с момента завоевания страны арабами в 641 году до её оккупации турками-османами в 1517 году. Этот термин имеет практический смысл, ибо в этот период египетское общество и египетское государство носили исламский характер, который сохраняется и поныне. В исламский период Египет пережил культурное Возрождение.

К сожалению, несмотря на опубликованные работы по проблемам Королевства Египет вообще, вопросы Королевства Египет как начальная стадия формирования государственности в социально-политической науке остались неизученными. Предлагаемая статья в определённой степени восполняет этот пробел.

Цель статьи – политологическое исследование вопросов Королевства Египет как начальная стадия формирования государственности. Для поставленной цели определены основные положения статьи, выносимые на обсуждение, и задачи, которые сводятся к следующему: понятие и сущность Королевства Египет; раскрытие проблемы и противоречия процесса формирования государственности Королевства Египет и способы их оценки и решения; изучение вопросов укрепления государственности Королевства Египет.

Формирование государственности Королевства Египет в начале XX века представляет собой сложный и многогранный процесс, который протекал на фоне социально-политических, экономических и внешнеполитических изменений. Этот период характеризуется столкновением интересов трех основных сил: монархической власти, британского колониального контроля и националистических движений, что определяло вектор политической эволюции Египта.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью данного этапа в социально-политической науке и его значением для понимания современных процессов государственного строительства в арабском мире. Королевство Египет, возникшее в результате британского протектората и распада Османской империи, стало ареной глубоких противоречий между колониальным влиянием, внутренними элитами и стремлением к национальной независимости. Важно отметить, что религиозный фактор, а также идеологическая активизация националистических и происламских движений сыграли ключевую роль в формировании новой политической идентичности Египта.

Рассматривается комплекс вопросов, связанных с Королевством Египет как начальной стадией формирования государственности. Особое внимание уделяется сущности и значению этой формы государственного устройства, которая возникла на фоне глубоких исторических и политических трансформаций. Королевство Египет стало результатом компромисса между внутренними политическими силами и колониальным влиянием Великобритании, что оказало значительное воздействие на развитие внутренней и внешней политики страны.

Важную роль в политической эволюции Египта сыграли религиозные и националистические факторы, которые привели к активизации новых общественных и политических движений. В частности, это нашло отражение в деятельности партии «Вафд», а

также происламских организаций, таких как «Братья-мусульмане». Эти силы не только выступали против колониального контроля, но и заложили основу для дальнейших преобразований в политической элите страны.

Одним из ключевых аспектов формирования государственности стал трехсторонний конфликт между монархией, британскими властями и националистическими фракциями. Эта борьба определяла динамику политических процессов в Египте и усугубляла внутренние противоречия, что впоследствии привело к ослаблению монархического режима.

Особое место уделяется итогам и последствиям процессов государственного строительства, которые предшествовали революции 1952 года. В этот период Египет столкнулся с внешнеполитическими вызовами, а также внутренним кризисом политической и социальной системы, что послужило предпосылкой для кардинальных изменений в государственном устройстве страны.

Анализ основных факторов и противоречий, определивших становление Королевства Египет, позволяет лучше понять исторический контекст и закономерности формирования современного египетского государства.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование Королевства Египет как начальной стадии формирования государственности опирается на междисциплинарный подход, объединяющий исторический, политологический и социологический анализ. Временные рамки работы охватывают период с 1922 по 1952 годы, который является ключевым этапом в политической истории Египта. Этот временной отрезок начинается с формального провозглашения независимости страны и создания монархического режима и завершается революцией 1952 года, положившей конец монархии и начавшей новый этап государственного строительства. Особое внимание уделяется политическим и социальным изменениям, происходившим в столице Каире как центре политической жизни и в стратегически важном районе Суэцкого канала, находившемся под контролем британских властей.

Материальной базой исследования служат архивные документы, политические декларации и договоры, такие как Декларация о независимости Египта 1922 года и англо-египетский договор 1936 года. Исторические материалы, статистические данные и публикации того периода позволяют проанализировать эволюцию общественного мнения и политической активности националистических движений, включая деятельность партий «Вафд», «Братья-мусульмане» и «Молодой Египет». Дополнительно были использованы исследования современных ученых, освещающие влияние британского колониального контроля и националистических идеологий на процесс становления египетской государственности.

Методологическая база исследования опирается на системный, исторический и сравнительный подходы, что позволяет выявить основные тенденции и закономерности политического развития Египта в первой половине XX века. Исторический метод применен для реконструкции последовательности ключевых событий и кризисов, таких как провозглашение независимости, англо-египетские соглашения и последствия Первой арабо-израильской войны. Системный анализ позволил рассмотреть взаимодействие между монархией, британским протекторатом и националистическими движениями как элементами единой политической структуры. Сравнительный метод дал возможность оценить влияние внутренних и внешнеполитических факторов на развитие Египта в контексте арабского мира. Контент-анализ политических деклараций, выступлений лидеров и партийных программ позволил выявить идеологические трансформации и изменения в политической элите страны.

Для проведения исследования был использован комплекс методов анализа, включающий несколько этапов. На подготовительном этапе был проведён тщательный анализ научной

литературы, политических и архивных материалов, а также практических аспектов государственного строительства в Египте. Использование данных периодической печати и результатов предшествующих исследований способствовало всестороннему изучению проблемы и объективному подходу к рассмотрению ключевых вопросов.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что монархическое правление в Египте представляло собой вынужденный компромисс между британскими интересами и внутренними социально-политическими запросами. Националистические движения, особенно партия «Вафд» и происламские силы, стали основными оппонентами колониальной политики, что привело к росту антимонархических настроений. В то же время Первая арабо-израильская война 1948 года продемонстрировала неэффективность монархического режима и усугубила кризис политической власти, создав предпосылки для последующего свержения монархии в 1952 году.

Таким образом, изучение процесса формирования государственности Королевства Египет позволяет глубже понять механизмы политической эволюции страны, а также роль внешнеполитических и внутренних факторов в определении государственной идентичности Египта. Результаты исследования представляют интерес для политологов, историков и социологов, занимающихся вопросами государственного строительства и политических трансформаций в странах Ближнего Востока.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Основателем современного Египта принято считать Мухаммеда Али. Он провёл множество реформ, чтобы модернизировать страну на основе лучших достижений своего времени. Этот правитель создал национальную армию, основал военную академию. Появились также первые фабрики, производившие всё необходимое для армии. Излишки продавали всем желающим. Развитию внутренней торговли способствовало обеспечение безопасности торговых путей и создание торгового флота. Управление страной требовало всё больше грамотных людей, и поэтому строились школы разных уровней и специализации. Самых способных учеников отправляли учиться в Европу.

Таким образом, можно говорить о том, что на момент создания Королевства Египет общеполитическая и общенациональная концепция развития его общества прошла путь эволюции от христианства (но, не искоренив его полностью) до ислама. А в период Султаната, до провозглашения Королевства Египет, можно говорить о просвещенном исламе как основном тренде и национальной идее.

После Первой мировой войны и распада Османской империи Египет оказался под значительным влиянием Британской империи, которая установила политический режим, отражающий западные системы метрополии. Этому влиянию способствовали исторические факторы, уходящие корнями в XIX век, когда некоторые арабские правители, включая египетского Мухаммеда Али, начали реформы, которые не только стремились, но и смогли обеспечить определенную автономию и независимость от Османской Порты. Эти реформы стали катализатором появления в среде традиционной элиты кадров современных управленцев. Одновременно британский капитал начал более активно притекать в Египет, что привело к созданию многочисленных предприятий, предназначенных для удовлетворения промышленных потребностей метрополии [1, с.79-80]. Особенно ярким примером такого экономического взаимодействия стало финансирование и содержание Суэцкого канала, в первую очередь, в интересах Британской империи, что непреднамеренно способствовало развитию пробританских настроений среди политической элиты Египта [2].

В результате повествование о выходе Египта из-под османского подчинения под британский надзор проясняет сложные политические события в стране. Это историческое, политическое событие показывает более широкие модели колониальной деятельности в

регионе, где экономические императивы часто приводили к глубокой политической запутанности, определяя судьбы новых государств в бывшей колониальной сфере. Окончательное предоставление независимости Египту было не столько жестом политической эмансипации, сколько расчетливым переходом к новой фазе непрямого контроля через местную политическую элиту, созданную для сохранения британских стратегических интересов под прикрытием суверенного управления.

Причинно-следственную связь событий демонстрирует Л.Е. Гринин, указывая на формальность всех политически значимых шагов Британской империи в Египте. Итак, «после вступления Турции в Первую мировую войну англичане объявили об отделении Египта от Турции... и возвели на престол Хусейна Камиля, но уже с титулом султана. Египет был объявлен находящимся под протекторатом Англии. После войны в Египте усилилась борьба за национальную независимость. Но несмотря на репрессии против сторонников независимости, в конце концов, в 1922 году Британия опубликовала Декларацию о провозглашении Египта независимым королевством» [3]. При этом Египет оставался фактически в режиме оккупации британских войск, становился союзником Британской империи, а его внешняя и внутренняя политика координировалась представителями монополии.

Но при этом в 1923 году в Египет возвращаются лидеры движения Вафд – за независимость и самостоятельность Египта как исламского государства. За несколько лет Вафд превратился в крупнейшую и самую влиятельную партию Египта.

Важной особенностью политической жизни Египта – этапа становления Королевства и его среднего периода развития является отсутствие реального суверенитета. Развитие собственной государственности в таких условиях практически невозможно, а постоянное присутствие британских войск и их влияние на политические процессы приводило к обострению военно-политической ситуации в стране.

В работах И.Д. Парфорова «Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в.» и Л.Б. Алаева «Колониализм – всемирно историческое явление. Британская империя в XX веке» убедительно показано, что официальное признание независимости Египта в 1922 году, ставшее ключевым событием в британской колониальной архитектуре начала XX века, представляло собой трансформационный сдвиг, скорее, свидетельствующий о перестройке имперских стратегий Великобритании, чем о реальном отказе от контроля [4, с.108-110; 5]. Это юридическое признание, хотя и имело символическое значение, по своей сути было тактическим маневром, отражающим растущую неспособность Британии поддерживать свои имперские амбиции преимущественно принудительными средствами. Несмотря на мнимый суверенитет, предоставленный Египту, эта независимость была в основном номинальной, тщательно срежиссированным политическим жестом, призванным сохранить влияние Британии под покровом дипломатического равенства.

Фактически Декларация 1922 года не означала полного прекращения британского господства, а была, скорее, стратегической временной мерой, направленной на пересмотр условий контроля. Главной целью этого маневра было обеспечение непрерывного военно-политического господства Великобритании в регионе под прикрытием взаимного соглашения. Таким образом, последующие переговоры, направленные на заключение всеобъемлющего двустороннего договора, были направлены не на уступку власти, а на реструктуризацию имперского присутствия таким образом, чтобы оно было более приемлемым и устойчивым в новых геополитических реалиях, сложившихся после Первой мировой войны.

Основой британской политики на протяжении 1920-х годов было не отстранение от египетских дел, а консолидация стратегических интересов через юридические рамки, которые якобы уравнивали бы позиции двух стран. Основной целью было переложить финансовое и логистическое бремя поддержания военного присутствия и проведения

операций на Ближнем Востоке в условиях продолжающейся дестабилизации после распада Османской империи – на египетское правительство. Такой договор, по мнению британцев, узаконил бы их дальнейшее военное присутствие и свободу действий в Египте и на всем Ближнем Востоке в соответствии с новыми международными нормами, которые не одобряли открытый колониализм.

Подобный подход отражает более широкую имперскую тактику использования юридических и дипломатических инструментов для увековечивания контроля, когда колониальные державы стремились скрыть свое устойчивое влияние за фасадом юридического суверенитета и двусторонних соглашений. Эволюция этой стратегии была отчасти ответом на изменение международного мнения, направленного против открытой колонизации, а отчасти прагматичной адаптацией к возникающим проблемам внутри самих имперских систем. Так, номинальная независимость Египта послужила важнейшим примером перехода от прямого колониального правления к неоколониальным формам влияния, когда контроль поддерживался с помощью экономических рычагов, военных соглашений и политического патронажа, маскируемого под сотрудничество. Кроме того, важным аспектом двусторонних отношений оставался вопрос Судана, который находился во временной оккупации Королевством Египта, а фактически – Британской империей.

Однако «нестабильность политической ситуации и правительственная чехарда в Египте в начале 1930-х гг. мешали дальнейшему прогрессу в согласовании проекта договора. Сформировавшееся в августе 1931г. «национальное» правительство Макдональда-Болдуина, в свою очередь, не желало идти на дальнейшие уступки «египетским националистам» и стремилось сохранить прежний формат британского влияния в долине Нила» [6, с. 74].

Кроме того, в период 1920-30-х гг. активизировалась политическая деятельность партии Вафд, которая по своей сути являлась либерально ориентированной политической силой, выступавшей за конституционную монархию.

В бурный период правления короля Фуада в Египте середины XX века на политической арене доминировало сложное взаимодействие трех основных центров силы: монархии, олицетворяемой самим королем; партии Вафд, представлявшей парламентскую демократию; и британских властей, чье влияние проникало во все стороны политической жизни Египта, благодаря их военному присутствию и административному контролю. Динамика между этими субъектами сформировала своеобразный треугольник влияния, который определял управление и политическую борьбу той эпохи [7].

Основа британского господства зиждилась на военной оккупации и стратегическом размещении британских чиновников в важнейших египетских административных, полицейских и военных структурах. В отличие от этого, власть короля опиралась на конституционные права, предоставленные Конституцией 1923 года, и дополнялась присущей ему стабильностью, которую обеспечивало его постоянное положение. Его конституционные прерогативы включали в себя ключевые полномочия назначать и увольнять Премьер-Министра, требовать отставки Кабинета министров и распускать Парламент по своему усмотрению. Между тем влияние партии Вафд было основано на ее значительной народной поддержке и присутствии в Парламенте, где она имела подавляющее большинство [8, р. 26].

Существование партии Вафд как символа парламентской демократии представляло двойную угрозу: для монархии это было угрозой традиционному автократическому правлению, а для британцев – угрозой их контролю, поскольку демократическая система, скорее всего, привела бы к приходу партии Вафд к власти в результате свободных выборов. И действительно, на парламентских выборах 1924 года партия Вафд с большим отрывом получила 179 из 211 мест, что привело к назначению Саада Паши-Заглула Премьер-Министром. Под его руководством Кабинет министров стремился ограничить британское влияние на внутренние дела Египта. Одновременно на фоне суданского

завоевания и растущих внутренних беспорядков из-за британской военной оккупации поднимались националистические партии, а Британская империя в ответ создала в 1922 году Либерально-конституционную партию, призванную тесно увязать политику Египта с британскими интересами.

Политическая обстановка в Королевстве Египет в эту эпоху была омрачена постоянной борьбой между монархией и партией Вафд – бастионом национализма и оппозиции британскому господству, – усугубляемой прямыми усилиями Великобритании по сохранению стратегического контроля над Суэцким каналом. Среди других новых политических сил были – Коммунистическая партия, основанная в 1925 году, которая не смогла закрепиться в обществе, находящемся под глубоким влиянием исламских ценностей; «Братья-мусульмане», созданные в 1928 году, которые постепенно завоевали значительную поддержку среди более радикальных элементов Египта, хотя и не сразу оказали существенное влияние на более широкую политическую сцену [9, p.290-304].

Тем не менее, этот период представляет собой критический этап политической истории Египта, отмеченный переплетением проблем, связанных с колониальным давлением, внутренними националистическими движениями и сложностями, вызванными новыми политическими идеологиями. Взаимодействие между монархией, партией Вафд и британцами не только определило непосредственные политические результаты 1920-х годов, но и заложило основу для продолжительной борьбы за автономию и демократическое правление в Египте.

После смерти короля Фуада в 1936 году его сын Фарук унаследовал трон в шестнадцать лет и, встревоженный недавним вторжением Королевства Италии в Абиссинию, начал вести переговоры с англичанами относительно вывода войск из Египта. Позже Король Фарук и вовсе уволил всех британский слуг, нанятых его отцом, при этом оставив итальянских слуг, что свидетельствовало об изменении внешнеполитических ориентиров, как минимум, самого монарха [10]. Однако очевидным оставался тот факт, что Египет не сможет противостоять итальянской экспансии и требует обеспечить защиту своих границ британскими войсками.

Это способствовало активизации британо-египетских переговоров на фоне обострения политической ситуации в самой метрополии. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что правительство Макдональда-Болдуина требовало не компромисса с египетскими интересами, безоговорочного принятия собственных условий.

На протяжении бурной середины 1930-х годов, когда геополитическая напряженность в Восточном Средиземноморье и Северо-Восточной Африке нарастала из-за империалистических авантур Италии, в частности ее вторжения в Эфиопию, на британской политической арене усилилась потребность в укреплении договорных отношений с Египтом [11, p.901-911]. Этот период был отмечен стратегической неопределенностью, которая делала стабилизацию британско-египетских отношений не просто выгодной, но и необходимой для сохранения британского влияния в регионе, которому все больше угрожала фашистская экспансия [6, с.85-87].

В декабре 1935 года, на фоне нарастающей региональной нестабильности, Премьер-Министр М.-Болдуин сформулировал важную политическую позицию, отражающую нюансированный сдвиг в британской дипломатической риторике и стратегии. Он провозгласил, что основная ответственность за военную безопасность Египта должна перейти к египетскому правительству и его вооруженным силам, что означало стратегическую переориентацию Египта с протектората на более автономное образование в сфере международной политики. Заявление М.-Болдуина было тесно связано с текущими переговорами по договору, на которые оказывали глубокое влияние более широкие стратегические императивы противодействия агрессивной позиции Италии в Африке.

Важно, что М.-Болдуин подчеркнул соответствие этих договорных дискуссий принципам, изложенным в Декларации от 28 февраля 1922 года, которая первоначально

подтвердила номинальную независимость Египта. Он подтвердил признание британским правительством права Египта на членство в Лиге Наций, как это предусмотрено ее Конвенцией, оформив это как признание растущего политического статуса Египта на мировой арене [11, р.901-911]. Этот жест стал символом попытки Британии перестроить свое влияние на Египет через правовые и дипломатические каналы, а не через открытое военное доминирование.

Этот сдвиг предполагал более широкую британскую стратегию, направленную на сохранение влияния через дипломатическое взаимодействие и международные правовые рамки, позиционируя Египет как суверенное равное государство в публичном дискурсе и одновременно стратегически обеспечивая защиту британских интересов в регионе. Подтверждение потенциального членства Египта в Лиге Наций служило дипломатическим инструментом, призванным успокоить египетский национализм, международных критиков британской колониальной политики, а также закрепить интересы британской безопасности в правовых рамках международного сотрудничества.

Так, середина 1930-х годов стала переломным моментом в эволюции британской политики в отношении Египта, которая характеризовалась сложным сочетанием уступки формального политического признания и маневрирования с целью сохранения стратегических преимуществ. Этот период показал сложность колониального наследия и нюансы того, как бывшие колониальные державы пытались управлять своим отходом от прямого контроля к более тонким формам влияния, отражая более широкие сдвиги в глобальной динамике власти и международной правовой среде межвоенного периода.

Переговоры с англичанами по договору для решения вопросов, которые остались нерешенными с 1922 года, возобновились. Британскую делегацию возглавлял ее верховный комиссар Майле Лэмпсон, а египетскую делегацию возглавлял лидер и Премьер-Министр Вафдист Мустафа Нахас. 26 августа был подписан проект договора, который стал известен как англо-египетский договор 1936 года. Договор предусматривал создание англо-египетского военного и оборонительного альянса, который позволил Британии содержать гарнизон из 10 000 человек в зоне Суэцкого канала. Кроме того, Британия взяла под виртуальный контроль Судан, что противоречило Соглашению об англо-египетском кондоминиуме 1899 года, согласно которому Судан совместно управлялся Египтом и Великобританией. Несмотря на соглашение, однако реальная власть была в британских руках. Договор также предусматривал прекращение капитуляции и постепенное прекращение работы смешанных судов. Британский верховный комиссар был назначен послом в Египет [7]. Таким образом, Египет не обрел необходимого уровня независимости для решения собственных вопросов в процессе ослабления британского влияния, что привело к снижению авторитета партии Вафд, даже несмотря на то, что еще на протяжении 1930-х гг. эта партия занимала большинство в Парламенте.

Король Фарук таким образом более-менее укрепил свое влияние, однако его стремление в полной мере стать независимым от Британской империи не было реализовано из-за сильной позиции партии Вафд и не менее сильного противостояния с этой организацией самой колониальной политики Британии.

Однако на фоне подрыва влияния партии Вафд происходит становление двух мощных происламских организаций: «Братья мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун») и «Молодой Египет» (Миср аль Фатат). Первая политическая партия основана в 1928 году религиозным лидером Хасаном аль Банна, который зарекомендовал себя как высший проводник, ведущий своих последователей в очищенное исламское государство. Братство-мусульман представляло собой тенденцию в движении исламских реформ, которая объясняла трудности в исламском обществе отклонением от идеалов и практики раннего ислама в период первых четырех халифов [12]. Целью этого политического движения, которое включало в себя не только партию, но и военизированные формирования, молодежные отряды и даже

диверсионные группы, сводилась к освобождению Королевства Египет от иностранных интервентов. В сущности, монархическая форма правления не была помехой и даже никак не воспринималась «Братьями-мусульманами», главной задачей было сохранение исламских цивилизационных ценностей и становление новой государственности, в которой не будет места для иностранного управленческого аппарата, а также иностранной военной оккупации.

Таким образом, договор 1936 года и одновременный подъем исламских организаций представляют собой период интенсивного политического маневрирования и идеологического противостояния в Египте. Эти события иллюстрируют более широкую борьбу за власть, суверенитет и идентичность в стране, оказавшейся между своим колониальным прошлым и стремлением к отчетливому исламскому будущему, свободному от внешнего контроля.

В историческом контексте политической эволюции Египта в начале и середине XX века возникновение в 1933 году партии «Молодой Египет», основанной юристом Ахмадом Хусейном, обозначило четкую идеологическую траекторию. Характеризуемая как радикальная националистическая организация, пронизанная религиозными элементами, ее амбициозной целью было превращение Египта и Судана в грозную империю [13].

Хотя цели «Братьев-мусульман» внешне напоминают националистический пыл, идеологическая основа и организационная структура «Молодого Египта» были принципиально иными. Эта группа выступала за создание египетской империи, основанной на принципах фашизма, черпая организационное вдохновение в европейских фашистских движениях, в частности в итальянских фашистах и немецких национал-социалистах. Молодежное крыло партии, известное как «Зеленые рубашки», отражало военизированный стиль этих движений, делая упор на воинствующий национализм и дисциплинированный порядок. Роль «Братьев-мусульман» и «Молодого Египта» стала особенно заметной в бурные годы Второй мировой войны. Первые позиционировали себя как ярые противники иностранного влияния, в то время как вторые, напротив, искали возможности сотрудничества с немецкими военными силами, наступавшими под командованием генерала Эрвина Роммеля.

На фоне этих политических потрясений 2 февраля 1942 года произошел критический инцидент. В связи с приближением войск Роммеля британский посол сэр Майлз Лэмпсон оказал давление на короля Фарука, чтобы тот сменил правительство Хусейна Сирри-паши на правительство, возглавляемое партией Вафд. В ночь на 4 февраля британские танки и войска окружили дворец Абдин в Каире и предъявили Фаруку ультиматум. Король капитулировал, что привело к назначению Нахаса-паши премьер-министром. Этот эпизод, который часто вспоминают как глубокое унижение Фарука, подорвал поддержку как британцев, так и Вафда среди египетского населения и военных [14, p. 315-319].

Возвращение партии Вафда к власти во время Второй мировой войны, хотя и произошло при поддержке Великобритании, было в значительной степени номинальным и запятнанным политическим компромиссом. Положение партии Вафда было еще больше подорвано в 1943 году, когда разочарованный бывший член партии Макрам Убайд опубликовал свою «Черную книгу», в которой рассказал о коррупционных действиях Нахаса-паши, значительно очернив его общественный имидж [15, p.290-295]. Несмотря на эти проблемы, окончание войны и присоединение Египта к союзным державам-победительницам предоставило королю и партии Вафду возможность восстановить политическое влияние.

Годы становления государственности, предшествовавшие 1948 году, были критическими для политической элиты Египта, а политическая динамика страны определялась преимущественно тремя главными проблемами: упорной борьбой с британским доминированием во внутренних делах; усилиями монархии по укреплению своей независимости путем конституционных реформ, расширяющих полномочия короля; стратегической направленностью на расширение и укрепление влияния Египта на африканском континенте, особенно в Судане. Поэтому этот период не только определил

политический ландшафт того времени, но и заложил основу для дальнейшей эволюции политической элиты Египта, подчеркнув сложность и взаимодействие националистических устремлений и иностранных интервенций в формировании судьбы страны.

Эти вопросы не имели ключевого значения для геополитической роли Египта в качестве регионального лидера, поскольку номинально Судан находился под протекторатом Британии. Король был независим, но, скорее, в качестве церемониальной фигуры номинального воплощения и олицетворения египетской нацией перед западной дипломатией. В то же время внутригосударственные проблемы развития египетского государства не занимали британцев, их основная цель заключалась в обеспечении собственного влияния в регионе, в том числе и контроля над Суэцким каналом, что позволяло сохранять свое морское господство и торговую монополию на Ближнем Востоке вплоть до Второй мировой войны. В то же время довоенный период развития политической элиты в Королевстве Египет ознаменовался двумя ключевыми событиями:

- первый опыт партийного строительства, на примере Вафд, который несколько раз возглавлял Парламент и являлся ведущей политической силой в стране;
- развитие происламских политических сил и движений в основном фундаменталистического и радикального толка.

В переломном 1948 году произошло знаменательное событие, ставшее катализатором значительной активизации многолетних усилий Египта по освобождению от оков имперского контроля. Этим событием стало провозглашение Давидом Бен-Гурионом в Тель-Авиве создания Государства

Израиль – акт, который не только изменил геополитические реалии на Ближнем Востоке, но и оказал глубокое влияние на восприятие арабами имперских амбиций Запада, в частности Великобритании [16]. Создание Израиля было воспринято в арабском мире как прямое проявление западного империализма, как иностранное навязывание, глубоко противоречащее территориальным и национальным устремлениям арабов.

В ответ на предложение ООН 1947 года о разделе Палестины на отдельные арабское и еврейское государства – план, встретивший яростное сопротивление со стороны Лиги арабских государств, – провозглашение независимости Израиля вызвало согласованный военный ответ арабских стран, включая Египет [17]. Эти коллективные военные действия были направлены на то, чтобы предотвратить создание Израиля и сохранить суверенитет палестинских арабов. Несмотря на решительное противодействие Лиги арабских государств и ввод египетских войск в Палестину в попытке обратить вспять то, что считалось сионистской агрессией, результаты оказались неоднозначными. В то время как Арабскому легиону Трансиордании удалось взять под контроль Старый город Иерусалима и Западный берег реки Иордан, Египту удалось захватить узкую прибрежную полосу вокруг Газы, позже ставшую известной как Сектор Газа

Однако война выявила существенные недостатки в готовности и боеспособности египетских вооруженных сил, вызвав всплеск антимонархических настроений в Египте. Египетское население, уже разочарованное продолжающимся британским влиянием и некомпетентностью монархии, стало громче критиковать способность Королевства Египет защищать арабские интересы и эффективно управлять своим военным аппаратом. Растущее разочарование в монархическом режиме усугублялось неубедительными действиями египетской армии в конфликте, что резко контрастировало с высокими ставками региональной геополитической борьбы.

Арабо-израильская война 1948 года, таким образом, представляла собой не просто военный конфликт за территорию, а олицетворяла более глубокие идеологические и экзистенциальные битвы внутри самого Египта – между сохраняющимся имперским влиянием и растущими националистическими настроениями, которые стремились к полному суверенитету и окончательному прекращению колониального господства. Последствия этого

конфликта отразились на политическом ландшафте Египта, посеяв семена революционных перемен, которые в конечном итоге вылились в значительные преобразования в структуре политической власти и управления в стране. Эти преобразования должны были бросить вызов самим основам монархического строя и проложить путь к новой эре в египетской и арабской политике, отмеченной неустанным стремлением к самоопределению и национальному достоинству.

Обострение кризиса вошло в свою пиковую стадию в середине января 1952 года, когда произошел инцидент в Исмаили, где в ходе вооруженного противостояния британцы уничтожили Полицейский участок и фактически дали понять, что британские войска намерены сохранить контроль, как минимум, над Суэцким каналом. На самом же деле причинами конфликта стал тот факт, что египтяне после несоблюдения британцами требования оставить территорию Египта перекрыли пути снабжения их военных баз в районе Суэцкого канала.

В ответ генерал Джордж Эрскин 25 января направил британские танки и пехоту, чтобы окружить Полицейский участок в Исмаилии, а позже применив силу, уничтожил его, что стало поводом для антибританских бунтов.

Этот инцидент привел к тому, что в «Черную субботу» 26 января 1952 года произошел мятеж полиции в Каире в знак протеста против гибели их коллег. Одновременно группы людей в Каире уничтожали британскую собственность и другие символы западного присутствия. К концу дня 750 британских учреждений на сумму 50 миллионов фунтов стерлингов были сожжены или уничтожены. Тридцать человек были убиты, включая одиннадцать британских и других иностранцев, сотни были ранены. Британцы полагали, что в беспорядках было официальное попустительство Египта. Министр внутренних дел Вафдист Фуад Сирадж ад Дин был обвинен в халатности и уволен. Король отправил в отставку Нахаса, однако стало очевидно, что британскому господству положен конец [15]. Следует отметить, что в этот период отчетливо проявилась реальная поддержка британцев со стороны монархии. Король опирался на британскую армию, понимая, что в Египте выросло недовольство, а антимонархические выступления достигли своего пика.

Египетское общество все громче заявляло потребность в сильном и централизованном руководстве государством, что фактически и привело к дальнейшему военному перевороту и господству военной элиты на протяжении более пятидесяти лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение вопроса Королевство Египет как начальная стадия формирования государственности имеет важное значение как для теории, так и для практики. Анализируя стадии формирования государственности в Королевстве Египет, следует обратить внимание на несколько важнейших особенностей и динамику:

Первоначальное наблюдение:

Трехсторонний политический конфликт. В этот период Египет характеризовался ярко выраженным трехсторонним политическим соперничеством: монархия стремилась утвердить свое господство, в первую очередь за счет территориальной экспансии, в частности, сохраняя суверенитет над Суданом; британские интересы, стратегически сосредоточенные на сохранении контроля над своими колониями и, что особенно важно, Суэцким каналом; националистические фракции, которые представляли собой двойную оппозицию, решительно выступали против британского влияния, одновременно демонстрировали амбивалентное отношение к монархическому правлению вплоть до середины XX-го века.

Постепенно в стране стало доминирование партии Вафд: политическая монополия и идеологические сдвиги.

В основном партия Вафд, выступавшая за усиление суверенитета Египта, сохраняла политическую монополию на протяжении всей этой эпохи. Изначально умеренная, партия

постепенно радикалізувалася і стала виступати за повне звільнення від британського протекторату. Це монополне положення показує зароджуючуся політичну культуру, розповсюджену серед єгиптян в 1920-1930-і роки, – культуру, постійно еволюціонуючу в сторону посилення ісламського впливу.

В зв'язі з цим, слід сказати, що в Єгипті відбувається підйом антимонархічних настроїв і радикальних рухів.

Одночасно з цим появився такі рухи, як «Братія-мусульмане», «Молодий Єгипет» і «Свободні офіцери» продемонструвало зсув в суспільстві в сторону антимонархічних поглядів, які ще більше радикалізувалися під впливом британського імперіалізму і неможливості монарха зміцнити військове і політичне положення Єгипту в регіональному контексті.

Слід відзначити, що практика показала військову неефективність в Королівстві Єгипет, виявлена першою арабо-ізраїльською війною.

Результати Першої арабо-ізраїльської війни виявили крихкість монархії: неготовність озброєних сил і недостатня матеріально-технічна підтримка. Враховуючи ескалацію антиарабських настроїв в Ізраїлі в той час, ці слабкі сторони передвіщали потенційні майбутні конфлікти. В цілому ж період Королівства Єгипет з 1922 по 1953 рр. можна охарактеризувати як стадію формування державності і як етап зародження нових політичних еліт Єгипту, орієнтованих на політичний іслам республіканського толку з сильною центральною владою і повним суверенітетом в розв'язанні внутрішніх і зовнішніх питань розвитку Єгипту.

Дослідженням встановлено, що період монархічного правління ознаменувався загальною тенденцією боротьби за реальну незалежність Єгипту від Британської імперії як в колах світської монархії, так і в середі військових. Політична організація єгипетського суспільства в цей період характеризувалася домінуванням впливу партії Вафд, яка виступала одночасно і за сверження монархії, і за звільнення Єгипту від британського колоніального впливу. Крім того, період 1922-го - 1950 рр. ознаменувався становленням військової еліти в контексті формування державності, і військова еліта, об'єднавшись з партією Вафд, в кінцевому підсумку і свержла монархію в Єгипті.

Сьогодні настала пора глибокого дослідження політологічних питань державності в Королівстві Єгипет: місце і роль Королівства Єгипет в політичній системі арабського суспільства; взаємодія політики і права в Королівстві Єгипет; політичні конфлікти в Королівстві Єгипет і виявлення їх причин; особливості і проблеми державності Королівства Єгипет; проблеми преемственности в розвитку і зміцненні державності Єгипту і т.д. Глибоке вивчення цих і інших політологічних питань дозволить розв'язувати питання державності і державної політики Єгипту.

В висновок можна сказати, що передбачувані міркування, рекомендації і пропозиції в статті несуть можливо дискусійний характер, але важливо звернути на них увагу політологів, істориків, правознавців і політиків при вивченні історії Королівства Єгипет і при розробці державної політики Єгипту. Сьогодні важливо, щоб рішення нагальних політологічних питань державності Єгипту в цілому сприяло об'єднанню і сплоченню єгипетського суспільства в дружню сім'ю і суспільному прогресу.

Література:

1. Бовсунівський П.В. Особливості формування політичних систем та тенденцій політичного розвитку держав арабського світу // *Актуальні проблеми міжнародних відносин.* – 2012. Вип. 111 (Ч. 1) – С. 77-85.

2. Мусаева С.И. К вопросу о строительстве Суэцкого канала // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета*. – 2011. Т.4 – С. 54-60.
3. Гринин Л.Е. Трансформация государственной системы Египта в XIX – начале XX вв.: от развитого государства к зрелому [Электронный ресурс]. – URL: <https://pandia.ru/text/78/348/375.php> (дата обращения: 07.05.2024).
4. Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. (Движущие силы, формы и методы). – М.: 1991. – 188 с.
5. Алаев Л.Б. Колониализм как всемирно-историческое явление и как объект исследования. Британская империя в XX веке. – Москва: Ин-т всеобщей истории РАН, 2010. – 296 с.
6. Сагимбаев А.В. Завершение формирования договорной модели англо-египетских отношений в середине 1930-х годов // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2017. – № 33 (1). – С. 72-85.
7. Chapin Metz H. *Egypt: A Country Study* [Electronic resource]. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1990. – URL: <http://countrystudies.us/egypt/29.htm> (accessed on: 07.05.2024).
8. Osman T. *Egypt on the Brink* – New Haven: University Press, 2010. – 328 p.
9. Botman S. *The liberal age, 1923-1952. The Cambridge History of Egypt*. 2008. Vol. 2. – p.285-308.
10. Stadiem W. *Too Rich: The High Life and Tragic Death of King Farouk*. – New York: Carroll & Graf Pub, 1991. – 409 p.
11. Louis W. R. *Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decoloni-Zation*. – N.Y.: Routledge, 2006. – 1065 p.
12. Morewood S. *The British Defence of Egypt, 1935-40: Conflict and Crisis in the Eastern Mediterranean*. – London: Routledge, 2008. – 594 p.
13. Daly M.W. *Modern Egypt, from 1517 to the end of the twentieth century The Cambridge History of Egypt*. – 1998. Vol. 2. – P. 190-208.
14. Marlowe A. *History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations 1800-1953*. – London: The Cresset Press, 1954. – 358 p.
15. Thornhill M. T. *Informal Empire, Independent Egypt and the Accession of King Farouk. Journal of Imperial and Commonwealth History*. – 2010, №38. Vol. 2. – P.279-302.
16. Benny M. *The birth of the Palestinian refugee problem revisited*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. – 640 p.
17. Смирнов А.И. «Самая критическая», или Катастрофа 1948 года. Арабо-израильские войны. – Москва: Вече, 2003. – 384 с.

References:

1. Bovsuniv's'kij P.V. *Osoblivosti formuvannya politichnih sistem ta tendencij politichnogo rozvitku derzhav arabs'kogo svitu*// *Aktual'ni problemi mizhnarodnih vidnosin*. – 2012.Vip. III (Ch. 1) – S. 77-85.
2. Musaeva S.I. *K voprosu o stroitel'stve Sueckogo kanala* // *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2011. T.4 – С. 54-60.
3. Grinin L.E. *Transformaciya gosudarstvennoj sistemy Egipta v XIX – nachale XX vv.: ot razvitogo gosudarstva k zrelomu* [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://pandia.ru/text/78/348/375.php> (data obrashcheniya: 07.05.2024).
4. Parfenov I.D. *Kolonialnaya ekspansiya Velikobritanii v poslednej treti XIX v. (Dvizhushchie sily, formy i metody)*. – Moskva, 1991. – 188 с.
5. Alaev L.B. *Kolonializm kak vsemirno-istoricheskoe yavlenie i kak ob"ekt issledovaniya. Britanskaya imperiya v XX veke*. – Moskva: In-t vseobshchej istorii RAN, 2010. – 296 s.

6. Sagimbaev A.V. *Zavershenie formirovaniya dogovornoj modeli anglo-egipetskih otnoshenij v seredine 1930-h godov // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 33 (1). – S. 72-85.*
7. Chapin Metz H. *Egypt: A Country Study [Electronic resource]. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1990. – URL: <http://countrystudies.us/egypt/29.htm> (accessed on: 07.05.2024).*
8. Osman T. *Egypt on the Brink – New Haven: University Press, 2010. – 328 p.*
9. Botman S. *The liberal age, 1923-1952. The Cambridge History of Egypt. 2008. Vol. 2. – p.285-308.*
10. Stadiem W. *Too Rich. The High Life and Tragic Death of King Farouk. – New York: Carroll & Graf Pub, 1991. – 409 p.*
11. Louis W. R. *Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decoloni-Zation. – N.Y.: Routledge, 2006. – 1065 p.*
12. Morewood S. *The British Defence of Egypt, 1935-40: Conflict and Crisis in the Eastern Mediterranean. – London: Routledge, 2008. – 594 p.*
13. Daly M.W. *Modern. Egypt, from 1517 to the end of the twentieth century The Cambridge History of Egypt. – 1998. Vol. 2. – P. 190-208.*
14. Marlowe A. *History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations 1800-1953. – London: The Cresset Press, 1954. – 358 p.*
15. Thornhill M. T. *Informal Empire, Independent Egypt and the Accession of King Farouk. Journal of Imperial and Commonwealth History. – 2010, №38. Vol. 2. – R.279-302.*
16. Benny M. *The birth of the Palestinian refugee problem revisited. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. – 640 p.*
17. Smirnov A.I. *«Samaya kriticheskaya», ili Katastrofa 1948 goda. Arabo-izraillskie vojny. – Moskva: Veche, 2003. – 384 s.*

МРНТИ 11.21.

DOI: 10.51889/2959-6270.2024.87.3.002

И.А. Рау*

* Академия ведущих кадров Бундесфера
г. Гамбург, Германия
e-mail: johannesrau123@bk.ru

ИМЯСЛАВИЕ И СОФИОЛОГИЯ В РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Аннотация

В статье рассматриваются социологические аспекты имяславного и софиологического движения в России, представляющие собой важные направления в социологии религии. Эти движения представляют собой уникальные явления в контексте социологии религии, так как объединяют философские и богословские идеи, раскрывающие связь между именем, символами и социальными процессами. Исследование направлено на анализ влияния этих религиозных идей на социальные структуры и духовную жизнь общества.

Уделено внимание тому, как данные движения формировали религиозное мировоззрение, а также их влиянию на культурные и социальные институты России в начале XX века. Имяславие, как учение о силе и значении имен, рассматривается с точки зрения его воздействия на общественные отношения, культурные традиции и политические процессы. Социологический анализ этих движений позволяет выявить важные взаимосвязи между

религиозной идентичностью и социальными явлениями, включая роль религии в поддержании социальной стабильности и духовных ценностей в обществе.

Кроме того, в статье исследуются современные трактовки этих идей и их значение для социологического понимания религиозных процессов. Важное место уделяется дискуссиям о том, как религиозные концепции влияют на общественную жизнь, трансформацию культурных норм и взаимодействие между религиозными движениями и государством. В результате данное исследование вносит вклад в изучение взаимодействия религии и социологии, показывая, как духовные учения могут формировать социальную реальность.

Ключевые слова: имяславие, софиология, социология религии, символизм, антропософия, теософия, религиозные идеи.

I.A. Rau

*Бундесфердің жетекші кадрлардың академиясы
Гамбург қ., Германия*

РЕСЕЙДЕГІ ИМЯСЛАВИЯ ЖӘНЕ СОФИОЛОГИЯ: ДІНИ ҚОЗҒАЛЫСТАРҒА ӘЛЕУМЕТТІК ТАЛДАУ

Аңдатпа

Бұл мақалада дін әлеуметтануындағы маңызды бағыттарды білдіретін Ресейдегі имяславия және софиологиялық қозғалыстардың социологиялық аспектілері қарастырылады. Бұл қозғалыстар діни әлеуметтану контекстіндегі бірегей құбылыстар болып табылады, өйткені олар атаулар, белгілер және әлеуметтік процестер арасындағы байланысты ашатын философиялық және теологиялық идеяларды біріктіреді. Зерттеу осы діни идеялардың әлеуметтік құрылымдар мен қоғамның рухани өміріне әсерін талдауға бағытталған.

Бұл қозғалыстардың діни дүниетанымды қалай қалыптастырғанына және 20 ғасырдың басындағы Ресейдегі мәдени және әлеуметтік институттарға ықпалына назар аударылады. Имяславия есімдердің құдіреті мен маңызына қатысты ілім ретінде оның қоғамдық қатынастарға, мәдени дәстүрлерге, саяси процестерге әсері тұрғысынан қарастырылады. Бұл қозғалыстардың социологиялық талдауы діни бірегейлік пен әлеуметтік құбылыстар арасындағы маңызды байланыстарды, соның ішінде қоғамдағы әлеуметтік тұрақтылық пен рухани құндылықтарды сақтаудағы діннің рөлін анықтауға мүмкіндік береді.

Сонымен қатар, мақалада осы идеялардың қазіргі заманғы интерпретациялары және олардың діни процестерді социологиялық түсіну үшін маңызы зерттеледі. Діни концепциялардың қоғамдық өмірге қалай әсер ететіні, мәдени нормалардың өзгеруі, діни ағымдар мен мемлекеттің өзара әрекеттесуі туралы талқылауларға ерекше назар аударылады. Нәтижесінде, бұл зерттеу рухани ілімдердің әлеуметтік шындықты қалай қалыптастыра алатынын көрсете отырып, дін мен әлеуметтану арасындағы өзара әрекеттесуді зерттеуге ықпал етеді.

I.Rau

*Academy leading personnel of the Bundesfer,
Hamburg, Germany*

NAME-WORSHIPPING AND SOPHIOLOGY IN RUSSIA: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF RELIGIOUS MOVEMENTS

Annotation

This article examines the sociological aspects of the Name-Worshipping and Sophiological movements in Russia, which represent significant directions in the sociology of religion. These movements are unique phenomena in the context of religious sociology, as they combine

philosophical and theological ideas that reveal the connection between names, symbols, and social processes. The study focuses on analyzing the influence of these religious ideas on social structures and the spiritual life of society.

Attention is given to how these movements shaped religious worldview and their influence on cultural and social institutions in early 20th-century Russia. Name-Worshipping, as a doctrine concerning the power and significance of names, is examined in terms of its impact on social relations, cultural traditions, and political processes. The sociological analysis of these movements allows for the identification of important connections between religious identity and social phenomena, including the role of religion in maintaining social stability and spiritual values within society.

Furthermore, the article explores contemporary interpretations of these ideas and their significance for a sociological understanding of religious processes. Special attention is given to discussions on how religious concepts influence public life, the transformation of cultural norms, and the interaction between religious movements and the state. As a result, this research contributes to the study of the interaction between religion and sociology, demonstrating how spiritual teachings can shape social reality.

Keywords: name-worship, sophiology, sociology of religion, symbolism, anthropodicy, theodicy, religious ideas.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В нашей статье предлагаем рассмотреть вопросы софиологическо-имяславного движения в России в контексте социологического исследования. На протяжении многих лет вопросы движения софиологии и имяславия остаются актуальными, еще недостаточно изученными и требуют глубоких теоретико-социологических исследований.

В начале теоретико-социологического исследования стоит разъяснить историю возникновения софиологическо-имяславного движения в России. Это позволит нам правильно понять природу этого движения и узнать его представителей в России: Павел Флоренский, С. Н. Булгаков, Ф.А Лосев, Н.О. Лосский, В.Ф. Эрн и др. Понимание сущности софиологическо-имяславного движения в России как теолого-социологического учения поможет нам теоретико-социологически осмыслить его место, роль в обществе. После этого мы обращаем внимание на влияние софиологическо-имяславного движения на социальную мысль России и на теолого-социологическое учение вообще. Рассмотрение роли софиологическо-имяславного движения в России станет ключевым моментом теоретико-социологического анализа.

Мы изучаем идеи, лежащие в основе софиологическо-имяславного движения в России, раскрываем суть истории возникновения этого движения и выявим его проблемы и способы решения. Также, подводятся итоги проведения теоретико-социологического анализа и формируются дальнейшие перспективы исследований в области движения софиологии и имяславия.

ВВЕДЕНИЕ

При рассмотрении и изучении понятий София, софиология, имяславие, имя, грек, зло, идея, мудрость, их истолковании, мы сталкиваемся с началом уникального периода в развитии российской теолого-социологической мысли. В России это явление осталось по сию пору мало замеченным, лишь мельком отраженным в некоторых социологических, философских словарях России и много реже в аналогичных иностранных изданиях, в которых его понимают чисто теологически. Широко распространено убеждение в том, что в теологии и социологии религии прогресс, то есть поступательное развитие более невозможно. Спрашивается, а возможны ли такие тексты, пусть и гениальные, и священные,

которые не нуждались бы в теоретико-социологическом переосмыслении в силу изменившихся хода истории и взглядов людей?

Некоторые авторитетные авторы утверждали, что имена рождаются сами по себе из самих вещей и подобны в некоторых отношениях вещам. По Аристотелю имена имеют конвенциональный характер [1], значение в силу соглашения между авторитетными людьми. Особую трудность в объяснении происхождения имен представляло происхождение имен общих («животное», «человек», «железо» и др.). Они происходят, по Платону, из «идей», вечных, неизменных, духовных, неземных объектов [2]. В них коренится смысл и значение общих имен. Это объясняется различием объема содержания понятия «человек» и идеи «человек».

В понятии зафиксированы все ныне известные науке существенные признаки млекопитающего существа «человек». В вечной идее человека схвачены все наличные и возможные существенные признаки и прошлого, и настоящего, и будущего человека. Идея человека указывает на неисчерпаемость сущностных признаков человека, на человека как тайну. Для Аристотеля общие понятия представляют некую общую сущность, реально наличную в некоторых дозах в каждой отдельной вещи данного рода наличную.

В Средневековье спор об общих именах принял форму дискуссий об универсалиях между реализмом, номинализмом и концептуализмом. Уже тогда исследователи указывали на возможность различных смыслов одного и того же имени. Берем для современников имя «Москва». Это и столица России, и самый большой город России, и место проведения летней Олимпиады 1980 года и т.д.

Следует подчеркнуть, что вопросы имяславия и софиологии в России еще недостаточно изучены в теоретико-социологическом аспекте. В статье мы рассмотрим только некоторые теоретико-социологические аспекты проблем софиологическо-имяславного движения в России.

К сожалению, несмотря на определенное количество работ по проблемам научного исследования Софии, софиологии, имяславия вообще, теоретико-социологические аспекты софиологическо-имяславного движения в России остались еще неохваченными. Предлагаемая статья в определенной мере восполняет этот пробел.

Целью статьи является теоретико-социологический анализ софиологическо-имяславного движения в России. Для реализации поставленной цели определены следующие задачи: изучить идеи, лежащие в основе софиологическо-имяславного движения в России, раскрыть суть истории возникновения софиологическо-имяславного движения в России.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретические и методологические основы статей составляет фундаментальное положение социологии, философии, истории, религиоведения, достижения мировой научной мысли по проблемам социологии религии. При этом, базу методологии исследования темы составляет применение принципов объективности, научности, комплексности, системности, а также единство теории и практики. В статье используются общенаучные методы познания и вытекающие из них междисциплинарные, частные методы исследования. В ходе исследования были применены системный, структурно-функциональный, институциональный, исторический и другие методы. Кроме того, был применен метод теоретико-социологического исследования, заключающийся в сочетании глубоких теоретических обобщений и практического анализа сугубо конкретных факторов.

Для сбора данных был использован анализ научной литературы, официальные данные, данные бесед, наблюдения и публикации, а также результаты предшествующих исследований в данной области. Полученные данные были проанализированы с использованием выбранных методов исследования с целью выявления основных тенденций

в софиологическом и имяславном движении в России.

На основе проведенного теоретико-социологического анализа были сделаны выводы о сущности и особенностях софиологическо-имяславного движения в России.

Таким образом, наше исследование основывается на систематическом анализе информации с целью выявления и раскрытия проблемы софиологическо-имяславного движения в России, а также предложения способов решения и дальнейшего исследования.

Теоретические и методологические основы исследования базируются на междисциплинарном подходе, который сочетает принципы социологии, философии, истории и религиоведения. Применяемая методология ориентирована на объективность, системность и связь теории с практикой, что позволяет всесторонне анализировать софиологическо-имяславное движение в России. В рамках исследования используется системный подход, который рассматривает данное движение как сложную систему, включающую исторические, социокультурные и теологические аспекты. Это дает возможность выявить внутреннюю логику развития движения и его влияние на социокультурные процессы.

Структурно-функциональный анализ помогает изучить роль движений имяславия и софиологии в укреплении социальной стабильности и трансформации духовных ценностей. Исторический метод применяется для исследования корней и этапов развития данных движений, с акцентом на ключевые фигуры, такие как Павел Флоренский, С. Н. Булгаков, Ф.А. Лосев, Н.О. Лосский, и их вклад в софиологию и имяславие. Институциональный подход оценивает взаимодействие религиозных движений с государственными и общественными структурами, а качественный анализ включает изучение интервью, наблюдений, документов и публикаций, что позволяет раскрыть глубинные смыслы концепций имяславия и софиологии. Комбинаторный метод, сочетающий теоретический анализ и практическое осмысление данных, способствует формированию целостной картины влияния этих движений на российское общество.

Для достижения поставленных целей исследования использованы как первичные, так и вторичные источники. Первичные источники включают ключевые труды представителей движений, такие как «Философия имени» П. Флоренского, работы С.Н.Булгакова и Ф.А.Лосева, а также синодальные документы и религиозные тексты. Вторичные источники представлены научными статьями, монографиями и диссертациями по социологии религии, а также историческими обзорами контекста возникновения движений.

Комбинированный подход к исследованию позволяет всесторонне рассмотреть софиологическо-имяславное движение в России. Такой методологический подход обеспечивает выявление историко-культурного значения движения и его роли в современных религиозных и социальных процессах, создавая предпосылки для дальнейших исследований в области социологии религии.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Уникальным направлением в русском православном богословии стало движение имяславие [3, с.253-254] и софиология. Имяславие возникло в начале XX-го века в монашеской практике. Важным толчком его закрепления послужила книга монаха Иллариона «На горах Кавказа. Беседа двух старцев-подвижников о внутреннем единении верующего во время Иисусовой молитвы». Речь шла о том, является ли имя Божие Божественной сущностью, божественной энергией, или не является ни тем, ни другим, а есть и любое обожествление имени идолопоклонническая ересь [1, с.70]. Но сторонниками имяславия продолжали оставаться многие православные авторитеты: Иоанн Кронштадский, архиепископ Феофан, отец Павел Флоренский, М.А.Новоселов, Ф.Д.Самарин, С.Н.Булгаков, Ф.А.Лосев, В.Ф.Эрн и др.

Следует сказать, что мы в статье рассмотрим только некоторых авторитетов

софиологическо-имяславного движения в России. Среди движения имяславии и софиологии особо выделяется отец Павел Флоренский.

Павел Флоренский рассматривал, изучал теолого-социологические вопросы понятий: теодицея, антроподицея и зло, София и Дух Святой, чередование двух цивилизаций, имя, познание и язык в контексте теологии и социологии религии.

Основными темами в трудах Павла Флоренского являются теодицея (богооправдание) и антроподицея (оправдание бытия человека в мироздании). Бог всемогущ и всеблаг. Зло и грех появляются в мире вместе с человеком, коему была дана свобода воли. Получается, что, сотворив человека, Бог сотворил зло и грех!? На фоне положений о всемогуществе, всемудрости и всеблагости Бога мы можем сослаться только на слабость человеческого ума для полного понимания Бога (Сверхума). Мир «надтреснут» с сотворения человека с его свободой воли. Павел Флоренский полагал, что антиномичность (крайняя противоречивость) отношений Бог — человек разрешается силою веры в Бога и любви к им созданному тварному миру у большинства людей. Чем более ослабляется пастырская, духовная и просветительско-богословская деятельность церкви, тем труднее сохранить упомянутые выше спасительные веру и любовь.

В основе антроподицеи Павла Флоренского лежит идея очищения и спасения человека, освящения и «обожения» (т. е. обожествления) его. Центральный вопрос антроподицеи христологическое воплощение Бога в Слове, в соединении человека со Христом в церквях и таинствах службы в них. Освящение человека при посредничестве церкви имеет множество ступеней от сохранения на путях умеренности богоподобного образа до слияния культа и мировоззрения.

Посредством Софии Премудрости Божией Павел Флоренский пытался теолого-социологически осмыслить значимость для православия реально существующих культовых памятников: софийные храмы, иконы, гимнографию. Опираясь на учение Афанасия Великого Павел Флоренский отнюдь не противопоставляет свои взгляды учению православной Церкви о том, что София есть Христос: «Прежде всего, София есть начаток и центр искупленной твари – Тело Господа Иисуса Христа, т. е. Тварное естество, воспринятое Божественным Словом». Одновременно Павел Флоренский рассматривал Софию как особый многозначный символ, позволяющий раскрыть связь всего бытия с Христом: София – Церковь в ее земном и небесном; аспектах; София – Пресвятая Богородица, Дева Мария; София – «идеальная личность человека», т. е. Образ божий в человеке, его Ангел-хранитель; София – Царство Божие, «пред-существующая, за-предельная реальность»; София – миротворческая мысль Божия; София – «существенная красота твари». Выражение туманное, но мысль проста: эстетическая составляющая неотъемлема от любого творения: живого или неживого.

Отметить надо, что несмотря на приведенное богатство трактовок Софии, Павел Флоренский не стремился переносить свои мнения в области софиологии из области религиозной социологии в область церковной догматики.

Язык Павел Флоренский трактовал социологично-онтологично: между языком и реальностью существует субстанциальная, а не условная, субъективная связь. У бытия есть два связанных между собой модуса: один обращен вовнутрь, сосредоточен и укоренен в глубине конкретного творного. Но любое бытие являет себя «энергетически» и вовне. Символ и есть бытие, которое больше самого себя, вышло за свои пределы. Имена и слова суть носители энергий бытия и его потенциальной открытости человеку.

Познание Павел Флоренский понимал как союз бытия познающего с бытием познаваемым в силу единства их энергий. Теолог-социолог полагал, что имеется глубинная связь между именем собственным и его носителем: «Итак, именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет ее духовное и душевное строение». [4, с.70].

При сопоставлении имяславия и иконоборчества, критике позитивизма и номинализма он выдвинул известное положение «Имя Божие есть Бог, но Бог не есть имя Божие».

Не только известным, но и скандальным стал тезис Павла Флоренского о двухпериодичной всемирной смене культур. Он утверждал, что во всемирном масштабе ритмически сменяются два типа культур: средневековая и возрожденческая. Признаками последней являются: раздробленность общества на множество относительно автономных слоев, интересы которых противоречат друг другу и обществу в целом; индивидуализм, логичность, статичность, пассивность, интеллектуализм, сенсуализм, иллюзионизм, аналитичность, отвлеченность, поверхностность.

Ренессансная культура завершает свой цикл, полагал Павел Флоренский, к началу XX века. Появляются признаки нового средневековья, очередного цикла культуры: целостность и органичность, аритмология, соборность, диалектичность, волевое начало, синтетичность.

Основным признаком «падшего мира» Павел Флоренский считал нарастание энтропии, понимаемой им как усиление хаоса во всех областях раздробленного мира, представленных самим себе. Хаосу противостоит Божественный Логос.

Средневековая культура, коренится в религиозном культе, борется с «человекобожеской» возрожденческой культурой, несущей в своих глубинах начала Хаоса. Вера определяет культ, а культ – мировоззрение, которому следует культура. Павел Флоренский высоко ценил человека как личность – воплощение автономии и свободы, но решительно выступал против обожествления человека и личности. Представления о Софии Премудрости Божией в эллинистической, старозаветной и новозаветной традициях. Образ Софии, божественной мудрости одаренной устроительницы повседневного бытия и жизненного пути человека, присутствует во многих культурах. В Книге Премудрости Соломона, в Экклезиасте, в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, в Псалтири этот образ повторяется, но не расшифровывается в соотношении с Духом Святым.

В Восточном христианстве образ Софии возникает в трудах А.Александрийского, Г. Нисского, М.Исповедника, Д.Аэропагита и других Отцов Церкви [5]. Здесь мы не будем вдаваться в полемику о содержании понятий «дух», «святой» и др.

Важное место занимают теолого-социологические идеи С.П.Булгакова о Софии и имени, предсказание конца истории человечества в контексте социологии религии [6]. В центре богословия С.П.Булгакова как представителя движения софиологии и имяславия (ранее он слыл легальным марксистом) стоит учение о Софии, премудрости Божией [7, с.7]. Премудрость эта не предотвращает, по мнению С.П.Булгакова, катастрофического конца истории человечества. Спрашивается, какова функция Софии, мудрости Божественной, если есть Дух Святой. Ее следует понимать как опосредующее звено между триединым христианским Богом и неискоренимо грешным человеком.

С.Н.Булгаков сделал большой вклад и в софиологию, и в имяславие [8] и развивал многие теолого-социологические идеи, выдвигавшиеся А.Потебней и П.Флоренским. Социология лингвистики последнего начинается с необходимости установить сущность слова, интуитивного содержания слова, узрения его в его истинном бытии – в его идее. Здесь и далее утверждалось, что слова обыденного языка следует рассматривать как энергетически сопряженное с его всеобщей сущностью – идее слова.

Ф.А.Лосев рассматривал теоретико-социологические вопросы единства трех форм миропонимания: социологически-философской, мифолого-символической, эстетической в контексте социологии религии [9]. Следует отметить, что Ф.А.Лосев изучал и теолого-социологические аспекты проблемы: упорядочение знаний; сущее и небытие и их взаимодействия; абсолютный хаос которого предотвращает «умная материя». Был чрез-вычайно творчески активен (два десятка ценных трудов в самых различных областях научных знаний и теологического и социологического мышления): «Диалектика художественной формы» (1927), «Философия имени» (1927), «Античный космос и

современная наука» (1927), «Музыка как предмет логики» (1927), «Диалектика числа у Плотина» (1928), «Критика платонизма у Аристотеля» (1929), «Очерки античного символизма и мифологии» (1930), «Диалектика мифа» (1930), «История античной эстетики. В восьми томах» (1963 -1964).

Ф.А. Лосев придерживался социологической, философской традиции всеединства и персоналистских идей паламитского богословия. Мировоззрение Ф.А.Лосева можно характеризовать как энергетический символизм и православно понятый неоплатонизм. Мир – это иерархически устроенное целое, явленное в непрерывном саморазвитии в сторону появления единого живого духа.

Нераздельными, едиными являются по Ф.А. Лосеву и формы постижения мира: социологическо-философская, мифолого-символическая и эстетическая.

Он ставил перед собой задачу логико-диалектического, теолого-социологического переосмысления упорядочения знания. Построил на таком подходе типологию форм искусства, предложил своеобразные научные принципы, лежащие в основе символизации, моделирования и структуризации.

Всесторонне занимался проблемами троичности Бога, соотношения Духа Святого и Софии. В своих доказательствах опирался на свои глубокие познания античной и христианской культур, социологии, философии, лингвистики, музыковедения, логики и математики.

Для понимания социологических воззрений Ф.А.Лосева особенно значимы три главы «Философии имени»: вторая «Предметная структура имени», третья «Предметная и до предметная структура имени» и четвертая «Имя и знание». В них особенно явственно выражается связь слова с истолкованием социологической онтологии языка. Вся «Философия имени» основана на допущении принципиальной возможности подобия Бога, мира и языка. Феноменологическая редукция особого рода к слову позволяет трактовать Космос как своего рода лестницу имен. Традиционная лингвистика занималась фонетическими, формально-логическими, этимологическими, синтаксическими и другими слоями слова.

Ф.А.Лосев фиксирует свое внимание на социологическо-ноэзматическом аспекте слова [10], на область его чистого значения. Именно на этом уровне становится очевидной предметная сущность слова. Ноэма есть «свет смысла, освещающий», т. е. осмысливающий звуки. И от значения звуков как таковых совершенно отличный. Ноэма фиксируется как вне-субъективная и вне-индивидуальная стихия понимания «Ноэма» возникает взаимопределением предметной сущности с инобытием.

По Ф.А.Лосеву сущее и небытие взаимопределяют друг друга в образе, который возникает в результате ментального «окружения», оформления его, следовательно, сущность (так же, как и меон) может существовать не только в себе, но и в модусе определенного осмысления.

Меон Ф.А.Лосев называет и энергемон [11]. Через понятие энергемы становится возможным конструирование зафиксированного имени и иерархически организованного мироздания. Момент взаимодействия сущего с меоном, социологического осмысления его понимается как энергия его предметной сущности. В которой задан смысл всей иерархии.

Манифестация имени, взятой в двуединстве с некоей «умной материей», образуют первозданную сущность как совокупность «умных сил», как метаоснову наличного бытия.

Н.О. Лосский ратовал за создание царства духа, рассматривал соотношение «Бог – «Я»», утверждал, что знание тоже есть бытие [12, с.67-68]. Разрабатывал теолого-социологическое учение о царстве духа как о Царстве Божиим. В этом царстве высшие ценности – добро, истина, красота, любовь, что означало всесовершенство, т. е. подобие Бога. Этим ценностям противостоят неустранимые животные склонности людей, неотделимые от их телесности, ведущие к отпадению от Бога. Но чувствует его как собственное «Я» каждый человек. Не

смог он убедительно обосновать свой тезис о том, что истинное знание само есть бытие. Н.О. Лосский уделял внимание теолого-социологическим вопросам аксиологии и этики, которые требуют отдельного исследования.

В.Ф.Эрн критиковал рационализм, боролся с «Ячеством», был убежденным противником культуры Возрождения. Противопоставлял «новоевропейский рационализм и антично-христианский логизм». Рационализму противопоставил «меонизм», т.е. социологическо-онтологический нигилизм, согласно которому возможно ничто («не-сущее»). Новоевропейский рационализм, вернее, рассудочность, представленная Кантом, Гегелем и неокантианством (много ранее она была предьявлена миру Декартом), представляет нечто иное, как отдельное «Я», перекрывающее весь горизонт возможных социологических воззрений.

Возможным избавлением от этого «Ячества» Эрн считал признание мирового «Логоса» как абсолютной, бесспорной реальности [13, с.81].

Сравнение полученных данных с существующими исследованиями демонстрирует тесную связь движений софиологии и имяславия с ключевыми концепциями социологии религии. Например, работы Питера Бергера и Томаса Лукмана [14] подчеркивают значимость религиозных символов в конструировании социальной реальности. Эти идеи перекликаются с выводами исследования, показывающими, как софиология и имяславие формируют культурные нормы и ценности.

Дальнейшая связь наблюдается в теориях символического взаимодействия Джорджа Герберта Мида [15], которые помогают объяснить роль религиозных символов и ритуалов в укреплении социальной идентичности. Это подтверждается примерами из изучения идей Павла Флоренского и их влияния на социальные институты.

Анализ современных исследований, таких как работа Грейса Дэви [16], указывает на важность религиозных идей в сохранении социальной стабильности. Выводы данного исследования показывают, что софиология и имяславие служат основой для трансформации культурных и социальных норм в российском обществе.

Кроме того, труды Эмиля Дюркгейма [17] предоставляют аналитическую базу для понимания религиозных движений как источников социальной солидарности. Эти идеи находят отражение в выводах о способности движений имяславия и софиологии укреплять коллективные ценности и формировать общую идентичность.

Результаты исследования не только согласуются с современными социологическими теориями, но и расширяют их, предлагая новое понимание религиозных движений в контексте российской социальной реальности. Это позволяет глубже осмыслить их значение и влияние на общественные процессы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретико-социологический анализ вопросов софиологическо-имяславного движения в России имеет важное значение для социологии религии и социологии вообще. Нельзя построить и сохранить светское общество не уважая исторической памяти, которая живет в религиозном сознании и занимает важное место в движении софиологии и имяславии. Это движение стало уникальным направлением в русском православном богословии и социологии религии, которое возникло в начале XX века. Видными представителями этого движения являлись Павел Флоренский, С. Н. Булгаков, Ф.А Лосев, Н.О. Лосский, В.Ф. Эрн. Надо отметить, что нужно исследовать социологические взгляды каждого из них отдельно как самостоятельную тему.

Бог – великое, теолого-социологическое понятие, дающее возможным целостное рассмотрение всего сущего. Определений-описаний Бога в теолого-социологической, философской и богословской литературе имеется великое множество. Отметим для начала,

что несмотря на признание вездесущности Бога, он считается недоступен восприятию внешними органами человека: он не видим, не слышим, не осязаем, необожаем, неуловим.

В начале XX века представители софиологическо-имяславного движения в России занимались анализом имен в русской транскрипции. Они пришли к выводу, что существует связь между именем человека и событиями его жизни. Социология «Имяславия» требует нового внимания исследователей не только в гносеологическом, но и аксиологическом, ценностном плане в контексте социологического исследования. Названия нужно уважать. Многие тайны истории страны, менталитета ее населения заключены в названиях.

В заключении следует сказать, что софиологическо-имяславное движение в России – одно из многих направлений в социологии религии, занимающихся изучением религиозного феномена в различных его аспектах [14, с.311]. Социология софиологическо-имяславного движения является частью социологии религии. Это движение должно изучаться не только в рамках России, но и в мировом масштабе. В связи с этим следует отметить, что необходимо дальнейшего глубокого социологического исследования вопросов софиологическо-имяславного движения в России. Это движение является объектом исследования социологии религии, которое имеет важное значение в теории и практике. Место софиологическо-имяславного движения в социологии религии определяется его отношением: во-первых, к другим движениям о религии; во-вторых, к феноменологии религии и, в-третьих, к теологии.

Литература:

1. Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – С. 26а, 26–30.
2. Платон. Кратил // Платон. Сочинения в 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1971. – С. 434б, 389д.
3. Абсаттаров Р. Б. Общественно-политические науки: проблемы и суждения: в 4 т. Т. 3. – Алматы: Ұлағат, 2023. – С. 236–257.
4. Флоренский П. А. Имена. – М.: Мысль, 1993. – 200 с.
5. Монах Илларион. На горах Кавказа: Беседа двух старцев-подвижников о внутреннем единении верующего во время Иисусовой молитвы // Собрание сочинений монаха Иллариона. – М.: Изд-во «Отчий дом», 2005. – С. 50–75.
6. Булгаков С. Н. Философия имени. – М.: Республика, 1993. – 256 с.
7. Булгаков С. П. Софиологическое уразумение догмата об имени Иисусовом. – Париж, 1953. – С. 7.
8. Булгаков С. Н. Что такое слово? Речь и слово: философские размышления. – Париж: YMCA-Press, 1953. – 300 с.
9. Лосев А. Ф. Имяславие: философия слова. – М.: Прогресс, 1993. – 400 с.
10. Лосев А. Ф. Бытие, имя, Космос. – М.: 1993. – С. 645.
11. Лосев А. Ф. Космос и имя: философские аспекты языка. – М.: Наука, 1987. – С. 527–528.
12. Лосский Н. О. Избранное. – М.: 1991. – С. 67–68, 327.
13. Эрн В. Ф. Борьба за Логос. – М.: 2011. – С. 81.
14. Berger P., Luckmann T. «The Social Construction of Reality», 1966. <https://amstudugm.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/04/social-construction-of-reality.pdf>
15. Mead, G. H. *Mind, Self, and Society: The Definitive Edition / Edited by C. W. Morris, Annotated by D. L. Miller.* – Chicago: University of Chicago Press, 2015. – 440 p. – [Electronic resource]. – URL: <http://tankona.free.fr/mead1934.pdf> (accessed on: 16.05.2024).
16. Молокотос-Лидерман, Л. Религия в современной Европе: память мутирует / Л. Молокотос-Лидерман // Социология религии. – 2002. – Т. 63, № 3. – С. 392–393.

17. Durkheim, É. *The Elementary Forms of Religious Life* [Electronic resource] / É. Durkheim. – Available at: <https://www.gutenberg.org/files/41360/41360-h/41360-h.htm> (accessed on: December 16, 2024).

18. Абсаттаров Р. Б. *Общественно-политические науки: проблемы и суждения: в 4 т. Т. 2.* – Алматы: Улагат, 2023. – С. 310–335.

References:

1. Aristotel. *Ob istolkovanii* // Aristotel. *Sochineniya v 4 t. T. 2.* – М.: Mysl, 1978. – S. 26a, 26–30.

2. Platon. *Kratil* // Platon. *Sochineniya v 3 t. T. 1.* – М.: Mysl, 1971. – S. 434b, 389d.

3. Absattarov R.B. *Obshchestvenno-politicheskie nauki: problemy i suzhdeniya: v 4 t. T. 3.* – Almaty: Ulagat, 2023. – S. 236–257.

4. Florenskij P. A. *Imena.* – М.: Mysl, 1993. – 200 s.

5. Monah Illarion. *Na gorah Kavkaza: Beseda dyuh starcev-podvizhnikov o vnutrennem edinenii veruyushchego vo vremya Iisusovoj molitvy* // *Sobranie sochinenij monaha Illariona.* – М.: Izd-vo «Otchij dom», 2005. – S. 50–75.

6. Bulgakov S.N. *Filosofiya imeni.* – М.: Respublika, 1993. – 256 s.

7. Bulgakov S.P. *Sofiologicheskoe urazumenie dogmata ob imeni Iisusovom.* – Parizh, 1953. – S. 7.

8. Bulgakov S.N. *Chto takoe slovo? Rech i slovo: filosofskie razmyshleniya.* – Parizh: YMCA-Press, 1953. – 300s.

9. Losev A.F. *Imyaslavie: filosofiya slova.* – М.: Progress, 1993. – 400 s.

10. Losev A.F. *Bytie, imya, Kosmos.* – М.: 1993. – S. 645.

11. Losev A.F. *Kosmos i imya: filosofskie aspekty yazyka.* – М.: Nauka, 1987. – S. 527–528.

12. Losskij N. O. *Izbrannoe.* – М.: 1991. – S. 67–68, 327.

13. Ern V. F. *Bor'ba za Logos.* – М.: 2011. – S. 81.

14. Berger P., Luckmann T. «*The Social Construction of Reality*», 1966. <https://amstudugm.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/04/social-construction-of-reality.pdf>

15. Mead, G. H. *Mind, Self, and Society: The Definitive Edition* / Edited by C. W. Morris, Annotated by D. L. Miller. – Chicago: University of Chicago Press, 2015. – 440 p. – [Electronic resource]. – URL: <http://tankona.free.fr/mead1934.pdf> (accessed on: 16.05.2024).

16. Молокотос-Лидерман, Л. *Религия в современной Европе: память мутирует* / Л. Молокотос-Лидерман // *Социология религии.* – 2002. – Т. 63, № 3. – С. 392–393.

17. Durkheim, É. *The Elementary Forms of Religious Life* [Electronic resource] / É. Durkheim. – Available at: <https://www.gutenberg.org/files/41360/41360-h/41360-h.htm> (accessed on: December 16, 2024).

18. Absattarov R.B. *Obshchestvenno-politicheskie nauki: problemy i suzhdeniya: v 4 t. T. 2.* – Almaty: Ulagat, 2023. – S. 310–335.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТ

Абхари Айман Шаухат Фарис - Талал Абу-Газале цифрлық университеті, Иордания; e-mail: abhariaiman@yahoo.com

Әбсаттаров Раушанбек Бурамбаевич – ҰҒА корреспондент-мүшесі, философия ғылымдарының докторы

Габдылхаир Мансур – әлеуметтік ғылымдар магистрі, Сорбонна-Қазақстан институты, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы; e-mail: mansourgabdylkhair@gmail.com

Жакупова Марал - Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы қ., Қазақстан; e-mail: zhakupova_maral@bk.ru

Қасенова Сабина - Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы қ., Қазақстан; e-mail: Sabina Kasenova10@gmail.com

Құрманғали Аймен Қуанышбайқызы - саясаттану ғылымдарының докторы, халықаралық қатынастар кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Сорбонна-Қазақстан институты, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы; e-mail: aymena@mail.ru

Оңалбаева Ләззат Базарбекқызы – «Перинатология және балалар кардиохирургиясы орталығы» ШЖҚ КМК жаңа туған нәрестелерге арнайы көмек көрсету бөлімінің меңгерушісі, Алматы қ., Қазақстан; e-mail: onalbaevalb@gmail.com

Отеева Диляра Дамировна - Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы қ., Қазақстан; e-mail: Dilyara.oteeva@gmail.com

Рау Иоганн Александрович – философия ғылымдарының докторы, профессор, Бундесфер жетекші кадрлар Академиясы, Гамбург қ., Германия

Танатарова Махаббат Касымовна - М.Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Заң факультеті, Философия кафедрасының оқытушысы. Шымкент, Қазақстан Республикасы; e-mail: makhabbat.tanatarova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abhari Ayman Shawhat Faris - The Talal Abu-Ghazaleh Digital University, Jordan; e-mail: abhariayman@yahoo.com

Absattarov Raushanbek – Corresponding member of NAS, doctor of philosophical sciences, Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

Gabdylkhair Mansur – Master of Social Sciences, Sorbonne Institute-Kazakhstan, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: mansourgabdylkhair@gmail.com

Kasenova Sabina – Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan; e-mail: Sabina Kasenova10@gmail.com

Kurmangali Aimen Kuanyshbaikyzy - Doctor of Political Sciences, Associate Professor of International Relations Departments, Sorbonne-Kazakhstan Institute, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: aymena@mail.ru

Onalbayeva Lyazzat Bazarbekovna – Head of the Department of Specialized Newborn Care at the Center for Perinatology and Pediatric Cardiac Surgery, Almaty, Kazakhstan; e-mail: onalbaevalb@gmail.com

Otepova Dilyara Damirovna – Kazakh University of International Relations and World Languages named after Ablai Khan, Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: Dilyara.otepova@gmail.com

Rau I. – Doctor of philosophy, Professor, Academy of Leading Personnel of the Bundeswehr, Hamburg, Germany

Tanatarova Mahabbat - Teacher of the Department of Philosophy, Faculty of Law, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Republic of Kazakhstan; e-mail: mahabbat.tanatarova@mail.ru

Zhakupova Maral – Kazakh University of International Relations and World Languages named after Ablai Khan, Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: zhakupova_maral@bk.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абхари Айман Шаухат Фарис - Цифровой университет Талала Абу-Газале, Иордания; e-mail: abhariaiman@yahoo.com

Абсаттаров Раушанбек Буранбаевич – член-корреспондент НАН РК, доктор философских наук, профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан

Габдылхаир Мансур – магистр социальных наук, Институт Сорбонна-Казахстан, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Республика Казахстан; e-mail: mansourgabdylkhair@gmail.com

Жакупова Марал – Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: zhakupova_maral@bk.ru

Касенова Сабина – Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, г. Алматы, Казахстан; e-mail: Sabina Kasenova10@gmail.com

Курмангали Аймен Куанышбайқызы – доктор политических наук, ассоциированный профессор кафедры международных отношений, Институт Сорбонна-Казахстан, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан; e-mail: aumen@mail.ru

Оналбаева Ляззат Базарбековна – зав. отделением специализированного ухода за новорожденными, КГП на ПХВ «Центр перинатологии и детской кардиохирургии», г. Алматы, Казахстан; e-mail: onalbaevalb@gmail.com

Отепова Диляра Дамировна – Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: Dilyara.otepova@gmail.com

Рау Иоганн Александрович – доктор философских наук, профессор, Академия ведущих кадров Бундесфера, г. Гамбург, Германия

Танатарова Махаббат Касымовна – преподаватель кафедры философии, Юридический факультет, Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Республика Казахстан; e-mail: makhabbat.tanatarova@mail.ru

Мақалаға қойылатын талаптар:

Мақаланың негізгі элементтері:

Мақала мәтіні **кіріспеден** (өзектілігі, ғылыми маңыздылығы, зерттеу мақсаты), **негізгі бөлімнен** (негізгі ережелер, зерттеу әдістемесі, әдеби шолу, әдістер, нәтижелер, талдау) және **қорытындыдан** тұрады;

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі. References.

Мақаланы ресімдеу талаптары:

• Мақаланың басында FTAXP (орыс тілінде МРНТИ; ағылшын тілінде SRSTI) белгілеу қажет. Қаріп: **калың** Туралау: сол жақта.

• FTAXP-дан төмен орталықта автордың аты-жөні, дәрежесі, төменде жұмыс орны, мен елі көрсетіледі. Қаріп: **тұрақты, курсив** Туралау: ортасында.

• Тақырып жұмыс орнынан кейін бір бос орынмен бөлінеді. Тақырыптар БАС ӘРІПТЕРМЕН қалың қаріппен басылады. Қаріп: **ҚАЛЫҢ, ҮЛКЕН** Туралау: ортасында

• Тақырып кейін *Аңдатпа* (орыс тілінде *Аннотация*, ағылшын тілінде *Abstract*). Құрылымдық аңдатпада қысқаша мақаланың барлық бөлімдерін анықтау мәтіні болу керек: кіріспе, мақсат, материалдар мен әдістер, нәтижелер мен талқылау, қорытынды. 100-300 сөз. Қаріп: қалыпты Туралау: ені бойынша.

• Аңдатпадан кейін үш тілде түйін сөздер (кемінде 3-8) көрсетіледі. Қаріп: қалыпты Туралау: ені бойынша.

• Мақаланың толық мәтіні журналдың қолданыстағы талаптарына сәйкес рәсімделгеннен кейін. Қаріп: қалыпты

Туралау: ені бойынша.

• Мақала мәтінінің соңында *Әдебиеттер (Литература; References)* көрсетіледі. Әдебиеттер мақалаларды рәсімдеу негізгі 7.1-2003 «Библиографиялық жазба. Библиографиялық сипаттама. Құрастырудың жалпы талаптары мен ережелері» баспа стандартына сәйкес жасалуы керек. Қаріп: **тұрақты, курсив** Туралау: ені бойынша.

Microsoft Word мәтіндік редакторы. Мәтіннің Көлемі аңдатпаны, кілт сөздерді қоспаған 3000 сөзден – 12000 сөзге дейін болу қажет.

Times New Roman компьютерлік жазу кегль 12.

Жиектері: сол, оң жағы, жоғарғы және төменгі жағы – 2 см, 1 аралықтан кейін. Әдебиеттер тізімі мәтіннің соңында орналастырылады және жұмыстарды атап өту тәртібіне (толассыз нөмірлеу) сәйкес жасалады. Библиография кемінде 10 дереккөзді қамтуы керек. Шетелдік еңбектерге сілтемелер-кемінде 30%, Өзін-өзі бағалау-15% аспайды. Әдебиет ағылшын тіліндегі мақалаларға транслитерацияланады. Мәтіндегі әдебиетке сілтемелер осы жұмыстың әдебиет тізіміндегі нөміріне сәйкес келетін нөмір түрінде «шаршы» жақшада ресімделеді. Дәйексөздерді пайдаланған кезде дереккөз бетін міндетті түрде көрсету қажет, мысалы: [1, 138б.], орысша нұсқасында [1, С.138], ағылшын нұсқасында [1, p.138]. Интернет-дереккөздерді пайдаланған жағдайда дереккөзге сілтемені көрсету міндетті емес.

Суреттер, кестелер, графиктер, диаграммалар нөмірлеуді көрсете отырып, тікелей мәтінде ұсынылады (мысалы, сурет 1, 1-кесте). Суреттер, кестелер, графиктер және диаграммалар саны мақаланың барлық көлемінің 20% -ынан аспауы тиіс (кейбір жағдайларда 30% - ға дейін).

Требования:

Основные элементы статьи:

При оформлении рукописи необходимо придерживаться следующей структуры метаданных, представленных на казахском, русском и английском языках: Название статьи (заголовок); аннотации; ключевые слова; Текст статьи включает: **введение** (актуальность, научная значимость, цель исследования), **основную часть** (основные положения, методология исследования, обзор научной литературы, методы, результаты, дискуссия) и **заключение**; Список использованных литератур, References.

Требование к оформлению статьи

- В начале статьи необходимо обозначить **МРНТИ** (на казахском языке FTAXP, на английском языке SRSTI). Шрифт: **полужирный**. Выравнивание: по левому краю
- Над МРНТИ в центре указываются инициалы и фамилия автора, ниже должность по месту работы, учебы, ученая степень и ученое звание, страна. Шрифт: **обычный, курсив** Выравнивание: *по центру*.
- Заголовок отделяется от места работы пробелом. Заголовки печатаются **ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ ЖИРНЫМ ШРИФТОМ**. Шрифт: **ЖИРНЫЙ, ПРОПИСНОЙ** Выравнивание: по центру
- Над заголовком *Аннотация* (на казахском языке *Аңдатпа*, на английском языке *Abstract*). Структурированное Аннотация должно содержать кратко все разделы статьи: введение, цель, материалы и методы, результаты и обсуждение, заключение или выводы. 100-300 слов. Шрифт: **обычный** Выравнивание: по ширине.
- После Аннотации указываются ключевые слова (не менее 3-8) на трех языках. **Ключевые слова:** власть, общество и т.д. Шрифт: **обычный** Выравнивание: по ширине.
- После полный текст статьи оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала. Шрифт: **обычный** Выравнивание: по ширине.
- **Литература (Әдебиеттер; References)** указываются в конце текста статьи. Литературы должны быть оформлены согласно базовым издательским стандартом по оформлению статей в соответствии 1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Шрифт: *обычный, курсив* Выравнивание: по ширине.

Текстовый редактор Microsoft Word. Объем от 3000 слов без аннотации и ключевых слов до 12000 слов компьютерной машинописи Times New Roman кегль 12.

Поля: правое, левое, верхнее и нижнее – 2 см, через 1 интервал. Список литературы помещается в конце текста и составляется в соответствии с порядком упоминания работ (сквозная нумерация). Список литературы должен содержать не менее 10 источников. Ссылки на зарубежные труды – не менее 30%, самоцитирование – не более 15%.

Литература транслитерируется. Ссылки на литературу в тексте оформляются в «квадратные» скобки, в виде номера, соответствующего номеру данной работы в списке литературы. При использовании цитат обязательно указывать страницу источника, например: [1, С.138] в казахском варианте [1, 138б.], в английском варианте [1, p.138] в случае использования интернет-источников указывать ссылку на источник.

Рисунки, таблицы, графики, диаграммы представляются непосредственно в тексте с указанием нумерации (Например, Рисунок 1, Таблица 1). Количество рисунков, таблиц, графиков и диаграмм не должно превышать 20% от всего объема статьи (в некоторых случаях до 30%).